

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

На правах рукописи

ОНДАР ЧОЙГАН ГЕННАДИЕВИЧ

**ПАРАДИГМАТИКО-СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОМУ МАРКИРОВАНИЮ
ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ
В ТУВИНСКОМ И ХАКАССКОМ ЯЗЫКАХ**

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Научные руководители:

кандидат филологических наук А. А. Мальцева,
доктор филологических наук, профессор Н. Б. Кошкарева

Новосибирск – 2022

Оглавление

Введение	5
Глава I. Дифференцированное маркирование прямого дополнения как объект лингвистического изучения	14
1. Краткая характеристика основных падежных концепций.....	14
2. Прямое дополнение как член предложения	15
3. Описание проблемы дифференцированного маркирования прямого дополнения в лингвистической теории и типологии.....	18
3.1. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в рамках теории оптимальности.....	19
3.2. Прототипический подход к дифференцированному маркированию прямого дополнения.....	21
3.3. Многофакторный подход к дифференцированному маркированию объекта.....	24
3.4. Факторы, определяющие дифференцированное маркирование прямого дополнения.....	25
3.4.1. Одушевленность.....	25
3.4.2. Референциальный статус.....	26
3.4.3. Актуальное членение предложения.....	28
3.4.4. Свойства глагольной предикации.....	31
3.4.5. Порядок слов.....	33
4. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в тюркских языках.....	34
4.1. Вопрос о разграничении формально совпадающих падежей в тюркских языках.....	35
4.2. Условия выбора падежной формы при маркировании прямого дополнения в тюркских языках.....	38
4.2.1. Условия выбора падежной формы при маркировании прямого дополнения в тувинском языке.....	46
4.2.2. Условия выбора падежной формы при маркировании прямого дополнения в хакасском языке.....	50
4.3. Современные исследования дифференцированного маркирования прямого дополнения в тюркских языках.....	53
4.3.1. Прагматический подход.....	53
4.3.2. Синтаксический подход.....	55
5. Обоснование парадигматико-синтагматического подхода к дифференцированному маркированию прямого дополнения.....	57
Выводы	59
Глава II. Парадигматический подход к дифференцированному маркированию прямого дополнения в тувинском и хакасском языках	61
1. Определение и типы синтаксической омонимии	61

2. Случаи синтаксической омонимии, устраняемой аккузативным маркированием прямого дополнения.....	67
2.1. Лексико-синтаксическая омонимия.....	67
2.2. Лексико-грамматическая омонимия.....	68
2.2.1. Причастие.....	69
2.2.2. Наречие.....	70
2.2.3. Числительное.....	72
2.2.4. Прилагательное.....	74
2.2.5. Местоимение.....	75
2.2.6. Служебные слова.....	77
2.3. Семантическая омонимия.....	79
2.4. Семантико-прагматическая омонимия.....	90
2.4.1. Топикальность.....	90
2.4.1.1. Личные местоимения.....	92
2.4.1.2. Указательные местоимения.....	94
2.4.1.3. Определительные местоимения.....	95
2.4.1.4. Вопросительное местоимение <i>чүү?</i> ‘что?’.....	98
2.4.1.5. Имена собственные.....	100
2.4.2. Референциальный статус.....	102
2.5. Позиционная омонимия.....	112
Выводы.....	113
Глава III. Синтагматический подход к дифференцированному маркированию прямого дополнения в тувинском и хакасском языках	115
1. Синтагматические отношения на уровне предложения и глагольной синтагмы.....	115
1.1. Порядок компонентов SOV.....	118
1.2. Порядок компонентов OSV.....	127
1.3. Порядок компонентов SVO.....	128
1.4. Типы порядка слов, характерные только для хакасского языка.....	129
1.4.1. Порядок компонентов OVS.....	130
1.4.2. Порядок компонентов VSO.....	130
1.4.3. Порядок компонентов VOS.....	131
2. Синтагматические отношения в рамках именной группы в позиции прямого дополнения.....	132
2.1. Детерминативные определительные сочетания.....	133
2.1.1. Простые определения.....	134
2.1.1.1. Качественные прилагательные.....	135
2.1.1.2. Относительные прилагательные.....	136
2.1.1.3. Существительные.....	137
2.1.1.4. Числительные.....	138
2.1.1.5. Одиночное причастие.....	139
2.1.1.6. Местоимения.....	140
2.1.2. Сложные определения.....	141

2.1.2.1. Сочетание определений.....	142
2.1.2.2. Определения-словосочетания.....	142
2.2. Посессивные определительные сочетания.....	146
2.2.1. Маркирование прямого дополнения в составе ИКЗ.....	148
2.2.1.1. Маркирование прямого дополнения в составе ИКЗ с посессором в 1-м и 2-м лицах.....	150
2.2.1.2. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в составе ИКЗ с посессором в 3-м лице.....	158
2.2.2. Маркирование прямого дополнения в составе ИК2.....	164
2.2.2.1. Факторы, определяющие аккузативное маркирование ИК2.....	164
2.2.2.2. Факторы, определяющие номинативное оформление ИК2.....	168
Выводы.....	169
Заключение.....	171
Список литературы.....	175
Список источников	193
Список условных сокращений и обозначений	196

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено комплексному изучению вариативности падежного маркирования прямого дополнения в тувинском языке в сопоставлении с хакасским языком.

Тувинский язык распространен в Российской Федерации в Республике Тыва, а также в Монголии и Китае. Тувинский литературный язык сложился на основе центрального диалекта (интердиалекта), которым пользовалась основная масса тувинцев [Сат 1987: 22].

Хакасский язык – один из тюркских языков, носители которого компактно проживают на юге Сибири в Республике Хакасия. Литературный хакасский язык сложился в советское время на базе сагайского и качинского диалектов [Государственные и титульные языки России 2002: 406].

Согласно генеалогическим классификациям тюркских языков, тувинский и хакасский языки являются близкородственными. По классификации Н. А. Баскакова тувинский язык относится к уйгуро-тюкюйской подгруппе уйгурской группы восточно-хуннской ветви тюркских языков; хакасский язык также относится к уйгурской группе восточно-хуннской ветви, внутри которой вместе с камасинским, чулымским, шорским, сары-уйгурским языками и северными диалектами алтайского языка (кумандинским, чалканским и тубаларским) образует особую хакасскую подгруппу [Баскаков 1952: 131, 132]. По общей генеалогической классификации тувинский и хакасский языки относятся к сибирской группе тюркской семьи алтайской макросемьи языков [Бурлак, Старостин 2001: 180]. Однако не все тюркологи разделяют эту точку зрения, например, М. Т. Дьячок отделяет чувашский, якутский с долганским и тувинский с тофаларским от всей остальной западной подгруппы тюркских языков, куда входит и хакасский язык [Дьячок 2001: 14–16].

По классификации типов тюркского склонения Г. Ф. Благовой именная парадигма тувинского языка относится к уйгуро-кыпчакскому типу склонения

ния [Благова 1982: 51], а именная парадигма хакасского языка – к кыпчакскому типу склонения [Там же: 47].

Начало изучению тувинского языка положили работы знаменитых ученых Н. Ф. Катанова [1903] и В. В. Радлова [1907]. С тех пор тувинский язык является объектом исследования многих выдающихся ученых-тюркологов: С. Е. Малова [1941], Ф. Г. Исхакова [1957, 1961], Н. А. Баскакова [1959], Ш. Ч. Сата [1955, 1973, 1980, 1983], К. Х. Оргу [1960], А. А. Пальмбаха [1961], Д. А. Монгуша [1963], А. Ч. Кунаа [1970], Е. Б. Салзынмаа [1980], К. А. Бичелдей [1985, 2002], Л. А. Шаминой [1985, 2004], Б. И. Татаринцева [1987], М. В. Бавуу-Сюрюн [1988, 2018], Б. Ч. Ооржак [2019] и др.

Хакасский язык изучался такими учеными, как Н. Ф. Катанов [1903], Н. П. Дыренкова [1948], М. И. Боргояков [1961, 1976], Д. Ф. Патачакова [1966, 1973, 1980], Н. А. Баскаков [1975], В. Г. Карпов [1995, 2007], Т. Н. Боргоякова [2002] и др.

На материале тувинского языка проблема вариативного маркирования прямого дополнения кратко описана авторами «Грамматики тувинского языка» [Исхаков, Пальмбах 1961], в коллективной монографии «Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем» [1986], в статьях В. А. Муравьевой [Muravyova 1992] и Н. Ч. Серээдар [2009]. В сопоставлении с уральскими языками – в работах Н. В. Сердобольской [2000, 2002]. На материале хакасского языка – главным образом в монографии М. И. Боргоякова «Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке» [1976], эта тема освещалась также в грамматиках хакасского языка [Дыренкова 1948; Грамматика хакасского языка 1975].

Актуальность исследования обусловлена тем, что проблема вариативного маркирования прямого дополнения в урало-алтайских языках имеет важное значение для описания функциональных аспектов падежной системы. Как показывают результаты обширных типологических исследований, проводимых в последние десятилетия [Aissen 2003; Haspelmath 2005; de Swart 2007; Hoop, Malchukov 2008; Dalrymple, Nikolaeva 2011; Толдова, Сердоболь-

ская 2012; и др.], факторы, ограничивающие выбор того или иного падежного оформления прямого дополнения, могут быть абсолютными или в различной степени вероятностными. Поэтому необходимо детальное изучение вариантов маркирования прямого дополнения на материале конкретных языков. Важным является также сопоставительное изучение системы вариативного маркирования прямого дополнения в тувинском языке с другими родственными и неродственными языками, что позволит выявить в тувинском языке множество неописанных семантических, синтаксических и прагматических особенностей и включить эти данные в общую типологическую картину.

Объектом исследования является вариативное падежное маркирование прямого дополнения в тувинском и хакасском языках.

Предмет – парадигматические и синтагматические факторы, влияющие на дифференцированное маркирование прямого дополнения в тувинском и хакасском языках.

Цель данного исследования состоит в сопоставлении комплекса парадигматических и синтагматических факторов, влияющих на выбор падежного маркирования прямого дополнения в тувинском и хакасском языках.

В соответствии с целью сформулированы следующие **задачи**:

- 1) создать фонд синтаксических единиц, включающий предложения с прямым дополнением из текстов на тувинском и хакасском языках разных жанров и периодов;
- 2) проанализировать имеющуюся теоретическую и типологическую лингвистическую литературу по теме диссертационного исследования;
- 3) выявить зависимость вариативности маркирования прямого дополнения от парадигматических факторов;
- 4) установить зависимость вариативности маркирования прямого дополнения от синтагматических факторов;

5) сопоставить механизмы дифференцированного маркирования прямого дополнения в тувинском и хакасском языках, выявить черты сходства и различия.

Положения, выносимые на защиту:

1. Выбор падежного маркирования прямого дополнения в тувинском и хакасском языках зависит от комплекса факторов парадигматического и синтагматического характера, связанных с семантическим, синтаксическим и прагматическим уровнями языка.

2. С парадигматической точки зрения аккузативное маркирование прямого дополнения в тувинском и хакасском языках служит для устранения различных типов синтаксической омонимии во избежание двусмысленности высказывания. Основой омонимичности могут быть формальное, лексико-грамматическое, семантическое, семантико-прагматическое и позиционное сходство между прямым дополнением и другими членами предложения.

3. С синтагматической точки зрения аккузативное маркирование прямого дополнения в тувинском и хакасском языках служит для установления синтагматических отношений между компонентами структуры глагольной и именной синтагмы:

а) стандартный порядок слов в предложении однозначно определяет синтагматические отношения между компонентами синтаксической и коммуникативной структуры высказывания, благодаря чему эксплицитного маркирования прямого дополнения не требуется;

б) если между прямым дополнением и сказуемым образуется коммуникативная дистанция, возникает необходимость эксплицитного маркирования синтагматических отношений между ними;

в) аккузативное маркирование прямого дополнения зависит также от характера синтагматических отношений между компонентами именной группы, выступающей в позиции прямого дополнения.

4. В целом явление дифференцированного маркирования прямого дополнения в тувинском и хакасском языках вписывается в единую объясни-

тельную модель. Различия являются незначительными и не касаются основополагающих принципов:

а) в тувинском языке аккузативным маркированием прямого дополнения более последовательно устраняется синтаксическая омонимия в паре «наречие – существительное», в хакасском языке такая неоднозначность допускается;

б) в тувинском языке вопросительное местоимения *чүү?* ‘что?’ в позиции прямого дополнения оформляется только аккузативом, что связано с коммуникативными факторами, а в хакасском языке вопросительное местоимение *нине?* ‘что?’ принимает форму номинатива, что связано с влиянием категории одушевленности / неодушевленности;

в) в тувинском языке частотны случаи намеренного разрыва семантико-синтаксической «спаянности» между прямым дополнением и глаголом. Вариант с аккузативным оформлением придает словам говорящего коннотативное значение неподдельности, искренности, действительного участия, в хакасском языке такие случаи не встречаются.

Новизна работы заключается в том, что впервые проведено комплексное исследование проблемы выбора падежного маркирования прямого дополнения в тувинском языке в сопоставлении с хакасским и выстроена общая система релевантных факторов парадигматической и синтагматической природы. В работе показано, что главными факторами, определяющими выбор падежного маркирования прямого дополнения, являются актуальное членение высказывания и устранение синтаксической омонимии. Данное исследование существенно дополняет имеющиеся данные о вариативном маркировании прямого дополнения в тюркских языках и показывает более полную картину явления благодаря привлечению большого фактического материала.

Теоретической и методологической базой работы послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в области дифференцированного маркирования прямого дополнения в языках мира [Bossong 1985; Comrie 1989; Aissen 2003; Primus 1999, 2007; Maltseva 2000; Koshkareva 2005;

de Swart 2007; Hoop, Malchukov 2008; Толдова, Сердобольская 2012; Сердобольская 2019]; исследования данной темы на материале тюркских языков: турецкого [Grønbech 1936; Johanson 1977; Nilsson 1978; Enç 1991; Kornfilt 2008], киргизского [Батманов 1938], хакасского [Боргояков 1976], башкирского [Тикеев 2000], татарского [Лютикова 2014; Лютикова, Перельцвайг 2015; Lyutikova, Pereltsvaig 2015], узбекского [von Heusinger, Klein, de Swart 2008], уйгурского [Diesing 1992; Asarina 2011], якутского [Артемьев 1999; Убрятова 2006; Baker, Vinokurova 2010; Levin, Preminger 2014] и др.

Теоретическая значимость данной работы заключается в комплексном анализе факторов, влияющих на выбор падежной формы прямого дополнения в тувинском языке. Результаты изучения тувинской модели вариативного маркирования прямого дополнения могут быть использованы в теоретических и типологических исследованиях проблем дифференцированного маркирования прямого дополнения, актуального членения предложения, а также в дальнейшем исследовании падежной системы тувинского и других тюркских языков.

Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут дополнить и уточнить грамматические описания тувинского языка. Данная работа позволяет обогатить теоретическим и практическим материалом учебные курсы по типологии, по теории дифференциального маркирования прямого дополнения, а также может быть использована для составления и издания учебно-методической литературы по тувинскому языку для учебных заведений разного уровня.

Фактическим материалом для проведения исследования тувинского языка послужила сбалансированная база данных, включающая 3200 предложений, соответствующих структурной модели $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Acc}} V_f\}$ [Черемисина, Озонова, Газранова 2008: 121], в которых представлено примерно 4800 примеров употребления прямых дополнений из стилистически разнородных текстов: по 800 предложений извлечено из текстов прозы (романы, повести, рассказы) на тувинском языке, из пьес в качестве иллюстрации разговорного

стиля, фольклорных произведений и публицистической литературы (очерков, газетных статей). Источниками для исследования на хакасском языке послужили 1760 предложений, в которых представлено 2025 примеров употребления прямого дополнения из стилистически разных текстов – прозаических, фольклорных, публицистических, бытовых. Использовались не только письменные тексты на хакасском языке, но и проводились консультации с носителями языка. В качестве информантов мы привлекали 5 носителей литературного хакасского языка, из которых 1 мужчина, 4 женщины, в возрасте от 34 до 45 лет, имеющие высшее образование, проживающие в г. Абакан и в Аскизском районе Республики Хакасия (далее – информанты).

Для сопоставления с хакасским языком привлекались работы М. И. Боргоякова [1976] и Р. Г. Киргинекова [2011], а также материалы по другим языкам: уральской семьи – по работам С. Ю. Толдовой и Н. В. Сердобольской [2002; 2012; 2019], калмыцкого языка – из работ М. Б. Коношенко [2007; 2009], тюркских языков: турецкого – из работ Л. Йохансона [1977], татарского – из работ Е. А. Лютиковой [2014; 2016], П. В. Гращенкова [2002], якутского – по работе Е. И. Убрятовой [2006], башкирского – из дипломной работы А. Р. Гарейшиной [2013] и др.

Методы сбора и анализа материала. Сбор материала проводился методом сплошной выборки предложений, которые содержат прямое дополнение. Из каждого текста было выписано равное количество предложений. Для анализа материала использованы описательный, статистический, сравнительный, сопоставительный методы, компонентный анализ, а также многофакторный подход к анализу условий, определяющих дифференцированное маркирование прямого дополнения.

Апробация и публикация результатов. Результаты исследования и основные положения были изложены в виде докладов на Международных научных студенческих конференциях «Студент и научно-технический прогресс» (г. Новосибирск, 2011–2012 гг.), на I-й международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов

«Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая» (г. Кызыл, 28 июня – 2 июля 2012 г.), на VIII (XXII) Международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (г. Томск, 15–17 апреля 2021 г.), на Всероссийской научной конференции с международным участием «Языки народов Сибири и сопредельных регионов: Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России» (г. Новосибирск, 11–15 октября 2021 г.) и на Казанском международном лингвистическом саммите (г. Казань, 15–19 ноября 2021 г.). Результаты исследования опубликованы в 9 статьях (общий объем 5,66 п. л.), 3 из них – в рецензируемых научных журналах из списка ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, которые также входят в международные базы данных Web of Science и Scopus.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, основной части, которая включает три главы, заключения, списка литературы, списка источников и списка условных сокращений и обозначений.

Во **Введении** обоснованы актуальность и новизна работы, определены объект и предмет исследования, поставлены цель и задачи, сформулированы положения, выносимые на защиту, охарактеризованы источники материала, на котором проводилось исследование, методы сбора и анализа материала.

В **первой главе** обсуждаются теоретические основы исследования: дана краткая характеристика основных падежных концепций, прямое дополнение определено как член предложения, проанализированы подходы к исследованию дифференцированного маркирования прямого дополнения в тюркологии и в литературе по лингвистической типологии, обосновано применение парадигматико-синтагматического подхода к дифференцированному маркированию прямого дополнения.

Вторая глава включает описание парадигматических факторов, влияющих на аккумулятивное маркирование прямого дополнения в тувинском и хакасском языках.

Третья глава посвящена описанию синтагматических факторов, определяющих дифференцированное маркирование прямого дополнения в тувинском и хакасском языках.

В **Заключении** изложены основные выводы, полученные в результате исследования.

Список литературы насчитывает 215 единиц, из них 61 работа на иностранных языках.

В **Приложениях** дается список источников и условных обозначений и сокращений.

Глава I. ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Данная глава содержит теоретическую основу диссертационного исследования. Вначале дается краткая характеристика основных падежных концепций, характеристика прямого дополнения как члена предложения. Основная часть посвящена описанию результатов исследования проблемы дифференцированного маркирования прямого дополнения в общей лингвистической типологии и в тюркологии. В конце обосновывается целесообразность парадигматико-синтагматического подхода к изучению дифференцированного маркирования прямого дополнения.

1. Краткая характеристика основных падежных концепций

В лингвистической науке существуют разные подходы к определению падежа. Основные из них можно разделить на четыре типа: морфологический, синтаксический, семантический и функциональный.

Морфологический подход представлен трудами Ф. Ф. Фортунатова [1957], А. А. Потебни [1958], Р. О. Якобсона [1962], В. В. Виноградова [1972], И. А. Мельчука [1998]. Основная их идея состоит в том, что падеж – это система форм, имеющих грамматические значения.

К *синтаксическому подходу* относятся работы таких выдающихся ученых-классиков, как А. А. Шахматов [1941], А. М. Пешковский [1959], Е. Курилович [1962], Е. В. Клобуков [1986], Н. С. Поспелов [1992], в которых основу описания падежей составляют их синтаксические функции.

Семантический подход к пониманию категории падежа представлен, прежде всего, работами У. Чейфа [1975] и Ч. Филлмора [1981]. Термин «падеж» в них понимается как показатель смысловых отношений, которые определяются лексической семантикой слова.

В последнее время широкое распространение получает *функциональный подход* к пониманию категории падежа в рамках теории функциональной грамматики [Бондарко 1976; Теория функциональной грамматики 1996]. В работах А. В. Бондарко падеж понимается, во-первых, как форма, выражающая некоторое грамматическое значение, во-вторых, как грамматическая категория имени, выражающая синтаксические отношения. Подобным образом падеж представлен в разных грамматиках тюркских языков [Кононов 1941; Исхаков, Пальмбах 1961; Грамматика хакасского языка 1975; и др.]. Так, падеж является и морфологической, и синтаксической категорией одновременно: его план выражения посредством аффиксов принадлежит морфологии, а функция указания на связь между зависимыми и управляющими компонентами синтаксической конструкции принадлежит синтаксису.

2. Прямое дополнение как член предложения

Традиционно члены предложения делятся на главные и второстепенные. Среди главных выделяются подлежащее и сказуемое как носители предикативности, среди второстепенных – дополнения, определения, обстоятельства [ЛЭС 1990: 584]. Термин «дополнение» используется как в русистике, так и в тюркологии. В качестве синонима термина «дополнение» часто используют термин «объект» как обозначение типичной для прямого дополнения семантической роли, которая является обобщением класса синтаксических ролей. Принято различать *прямой, непрямой и косвенный* объекты [Плунгян 2000: 164]. В дальнейшем мы будем использовать термин «прямое дополнение», так как он выражает синтаксическую функцию, при этом не каждое прямое дополнение соответствует семантической роли объекта в структуре пропозиции.

Прямым дополнением называется имя в форме винительного падежа, при котором действие направлено непосредственно на предмет и охватывает

его целиком [Баскаков 1975: 346]. Прямое дополнение чаще всего обозначает объект, непосредственно охваченный действием [ЛЭС 1990: 138].

Согласно концепции В. А. Белошапковой, члены предложения делятся на конститутивные и неконститутивные. Прямое дополнение включается в число конститутивных членов предложения, которые являются обязательными компонентами структуры пропозиции и входят в номинативный минимум предложения [Современный русский язык 1989: 695–705].

В тувинском языке прямое дополнение принимает форму аккузатива или номинатива и отвечает на вопросы: *кымны?* ‘кого?’, *чуну?* ‘что?’, в хакасском – *кемни?* ‘кого?’, *ниме?* ‘что?’.

Прямое дополнение употребляется в предложениях с переходным глаголом как обязательный компонент модели элементарного простого предложения $\{N_{\text{Nom}} N_{\text{Acc}} V_f\}$. Предложения, репрезентирующие данную модель, выражают действие, а не состояние, не процесс и не «положение дел»: «Ее обобщенную пропозицию составляет действие, понимаемое как воздействие активного субъекта-агенса на объект (пациенс), одушевленный или неодушевленный» [Черемисина, Озонова, Тазранова 2008: 121].

Анализ предикатов данной модели в алтайском, хакасском и тувинском языках показал, что «основная масса этих глаголов распределяется между следующими основными лексико-семантическими группами и подгруппами:

- 1) глаголы физического действия (включая глаголы созидания и разрушения, глаголы самообслуживания, глаголы элементарных операций и более сложных “комплексных” трудовых действий;
- 2) глаголы потребления, в том числе принятия пищи;
- 3) глаголы физиологических процессов, мыслимых как действия;
- 4) глаголы ментальных (интеллектуальных) действий;
- 5) глаголы сообщения и шире оперирования знаками, включая жесты;
- 6) глаголы чувства;

7) глаголы социального поведения» [Черемисина, Озонова, Тазранова 2008: 128].

«Первый актант, производитель действия (эту семантическую роль называют актором или агенсом), занимает синтаксическую позицию подлежащего в морфологической форме неопределенного падежа. Второму актанту соответствует семантическая роль пациенса – “претерпевающего”, испытывающего непосредственно направленное на него действие. В позиции объекта-пациенса встречаются и местоимения, и имена существительные самой разной семантики: и имена людей, собственные и нарицательные, и названия животных, растений, неодушевленных предметов, веществ, абстрактных понятий. Этот компонент структуры в составе предложения выступает в одной из трех форм – винительного, неопределенного и исходного (в тувинском, якутском) падежей. Каждая из этих трех форм определенным образом характеризует объект» [Там же 2008: 122–124].

В большинстве тюркских языков аффиксом винительного падежа является *-ны / -ни* (с фонетическими вариантами). В некоторых языках огузской (южной) группы встречается аффикс *-(й)ы / -(й)и*.

В тувинском языке аффикс винительного падежа имеет следующие варианты: *-ны / -ни, -ну / -нү, -ды / -ди, -ду / -дү, -ты / -ти, -ту / -тү*. После аффикса принадлежности 3-го лица формантом винительного падежа является *-н* [Исхаков, Пальмбах 1961: 130].

В современном хакасском литературном языке аффиксами винительного падежа являются *-ны / -ні, -ты / -ті, -і* (в словах *мин, син, мині, сині*). Одним из вариантов аффикса винительного падежа в хакасском языке выступает показатель *-н*, прибавляемый к именам в форме принадлежности 3-го лица [Боргояков 1976: 46].

3. Описание проблемы дифференцированного маркирования прямого дополнения в лингвистической теории и типологии

Дифференцированное маркирование прямого дополнения является частью явления, которое в англоязычной литературе получило название *дифференцированное падежное маркирование* (англ. *differential case marking*, сокращенно – DCM) [Aissen 2003: 435]. Кроме дифференцированного маркирования прямого дополнения (далее – ПД), к таким явлениям относятся дифференцированное маркирование субъекта в переходных конструкциях эргативных языков [Silverstein 1976; de Hoop, de Swart 2009] и дифференцированное маркирование посессора в именных посессивных конструкциях [Haiman 1983; Гращенков 2002]. При каждом из названных явлений существует более одного способа падежного маркирования именной группы (далее – ИГ). Чаще всего это два конкурирующих падежа, выбор между ними определяется набором факторов, относящихся к разным лингвистическим уровням – семантике, прагматике, синтаксису. Пересечение основных факторов, влияющих на выбор того или иного падежного маркирования, говорит о наличии единого механизма, стоящего за дифференцированным маркированием аргументов.

Дифференцированное маркирование прямого дополнения характерно для многих языков аккумулятивного типа: романских, германских, славянских, индоарийских, афроазиатских, уральских, алтайских [Bese, Dezső, Gulya 1970; Moravcsik 1978; Comrie 1975, 1989; Aissen 2003; Haspelmath 2005; de Swart 2007; Dalrymple, Nikolaeva 2011; и др.]. Суть дифференцированного маркирования прямого дополнения (англ. *differential object marking*, сокращенно – DOM) состоит в том, что часть именных групп в роли прямого дополнения обязательно или более вероятно получает одно падежное маркирование, в то время как остальные именные группы в той же позиции маркируются другим падежом [Bossong 1985: 3].

На материале разных языков мира выявлен целый ряд семантических, синтаксических и прагматических факторов, определяющих выбор того или иного маркирования прямого дополнения. К наиболее значимым семантическим факторам относится агентивность, одушевленность, вовлеченность, квантитивность референта именной группы, а также морфологические и семантические свойства управляющего глагола; к прагматическим факторам относится референциальный, коммуникативный и дискурсивный статус именной группы; к синтаксическим факторам – финитность клаузы, структурный тип именной группы, порядок слов в предложении [Bossong 1985; de Swart 2007; Муравьева, 2008; Dalrymple, Nikolaeva 2011; Толдова, Сердобольская 2012; Лютикова 2014; Лютикова, Ронько, Циммерлинг 2016; и др.].

Перечень и роль релевантных факторов, определяющих выбор того или иного падежного показателя прямого дополнения, в языках различны. Как показывает обширный типологический материал, ограничения, накладываемые данными факторами на выбор того или иного падежа прямого дополнения, могут быть абсолютными или в различной степени вероятностными.

3.1. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в рамках теории оптимальности

В теоретической литературе дифференцированное маркирование прямого дополнения рассматривается с разных точек зрения. В рамках теории оптимальности Дж. Айссен [Aissen 2003] характеризует явление дифференцированного маркирования прямого дополнения через принципы иконичности и экономии естественного языка. В соответствии с принципом иконичности, прямые дополнения, похожие по своим свойствам на подлежащие, должны получить особое средство формального выражения, отличающее их от подлежащих. Эксплицитное маркирование тем вероятнее, чем выше по выделенности именная группа в позиции прямого дополнения. Выделенность

определяется как взаимодействие двух измерений – одушевленности и определенности. Данное предположение базируется на наблюдении, что высокая выделенность характерна для именных групп – подлежащих, но не для именных групп – прямых дополнений, которые в идеале являются неодушевленными и/или нереферентными, то есть располагаются как можно ниже на иерархиях одушевленности¹ и определенности² [Aissen 2003: 482].

Ограничением на наличие падежного показателя прямого дополнения по Дж. Айссен [Aissen 2003: 449] служит также условие экономности. В основе принципа экономии лежит представление о том, что человеческая деятельность носит целенаправленный характер и предполагает достижение конечной цели с наименьшими затратами усилий [Мартине 1963].

В работе Х. де Хуп и А. Мальчукова [Hoop, Malchukov 2008] предложен анализ принципа двунаправленной оптимизации дифференцированного маркирования прямого дополнения в рамках теории оптимальности, связанный с основными функциями падежной маркировки: функции различения (*distinguishing*) и функции идентификации (*identifying*) [Mallinson and Blake 1981; Kibrik 1985; Comrie 1989].

Суть стратегии различения (*distinguishability*) состоит в том, что падежная маркировка служит для различения двух основных актантов переходного предложения [Hoop, Malchukov 2008: 567].

При стратегии идентификации (*identify*) падежное маркирование используется для кодирования конкретной семантической или прагматической информации о рассматриваемом аргументе. При этом идентифицирующая функция падежа определяется как маркировка сильных аргументов. Определение силы производится на уровне сопоставления семантико-прагматических признаков одушевленности, определенности с опорой на приведенные выше иерархии [Hoop, Malchukov 2008: 568].

¹ Иерархия одушевленности: *личные местоимения > имена собственные > ИГ, обозначающие людей > одушевленные ИГ > неодушевленные ИГ* [Silverstein 1976].

² Иерархия определенности: *личное местоимение > имя собственное > определённая ИГ > неопределённая референтная ИГ > нереферентная ИГ* [Givón 1990].

Аргумент с сильными признаками интерпретируется как субъект, в силу чего он с необходимостью получает эксплицитную маркировку, чтобы не возникло неоднозначности при трактовке смысла высказывания. При этом аккумулятивная маркировка прямого дополнения ограничивается только теми ситуациями, в которых может возникнуть неоднозначность [de Swart 2003; Ноор, Malchukov 2008].

Таким образом, суть реализации этих двух стратегий состоит в устранении проблемы несоответствия между семантико-синтаксической ролью и семантическими признаками именных групп, находящихся в позиции прямого дополнения.

3.2. Прототипический подход к дифференцированному маркированию прямого дополнения

Дифференцированное маркирование прямого дополнения, по мнению Б. Комри, служит для устранения «омонимии» подлежащего и прямого дополнения, т. е. эксплицитное падежное оформление получают такие прямые дополнения, которые в большей степени напоминают подлежащее [Comrie 1989: 19].

Подобная идея была предложена Б. Примусом [Primus 2007], который при определении разграничивающих подлежащее и прямое дополнение признаков опирался на прото-ролевые свойства аргументов. Согласно определению Д. Даути, прото-ролевые признаки – «это те семантические признаки, которые релевантны для выбора аргумента (подлежащего или прямого дополнения)» [Dowty 1991: 561].

К прототипическим характеристикам агенса Д. Даути относит следующие:

- 1) *X* совершает сознательный волевый акт (акт действия зависит от воли *X*'а);
- 2) *X* воспринимает (посредством органов чувств) другого участника си-

туации;

- 3) *X* вызывает изменения в состоянии другого участника;
- 4) *X* обладает способностью перемещаться;
- 5) *X* – посессор другого объекта.

К характеристикам прото-пациенса относятся:

- 1) *X* претерпевает изменение в своём состоянии;
- 2) *X* – инкрементальная тема;
- 3) на *X* оказывается воздействие другим участником;
- 4) *X* неподвижен, не перемещается относительно другого участника;
- 5) *X* не существует независимо от события [Dowty 1991: 572].

ИГ, обладающая наибольшим количеством свойств прото-агенса, потенциально имеет большую вероятность быть субъектом действия, а ИГ с наибольшим количеством свойств прото-пациенса – прямым дополнением [Dowty 1991; Askerman and Moore 2001]. При этом прото-агенса и прото-пациенса – это понятия более абстрактного содержания, чем агенса и пациента.

Такая интерпретация близка к пониманию прототипичности в традиции отечественной лингвистики в рамках когнитивного подхода, где в определении семантических категорий субъекта-агенса и объекта-пациенса выделяется набор прототипических категориальных признаков [Бондарко 2000; Болдырев 2003: 64–65].

К наиболее существенным прототипическим семантическим признакам субъекта-агенса относят «одушевленность», «энергетическую активность», «волеитивность», «каузативность», «контролируемость», а также «креативность предикативного признака» [Болдырев 2003: 64]. К прототипическим признакам объекта-пациенса относят «инактивность», «претерпевание видоизменения» и «вовлеченность в предикативный признак», или «комплетивность» («в том смысле, что без объекта предикативный признак остается семантически недостаточным» [Болдырев 2003: 72], «в семантической структуре предложения объект и предикат образуют единый комплекс с той или иной степенью спаянности элементов» [Арутюнова 1976: 125]).

Кроме того, в теории прототипов и системе прото-ролей Д. Даути [Dowty 1991] допускается возможность наличия смешанных прото-свойств у члена категории. В конкретном высказывании именная группа, имеющая большой набор прото-субъектных признаков, может стоять и в позиции прямого дополнения, т. е. иметь определенный набор прото-объектных признаков: одушевленный референт ИГ необязательно выполняет роль субъекта, он может быть и объектом. Кроме того, определенные семантические классы переходных глаголов требуют наличия при них одушевленных объектов, например, глаголы *убивать*, *ранить*, *покалечить* и т. п. И наоборот, неодушевленный объект может выступать в роли субъекта-агенса. Таким образом, прототипические признаки, за исключением центральных, носят не абсолютный, а скорее вероятностный характер, поэтому в случае с дифференцированным маркированием прямого дополнения решающую роль играет чаще всего не один фактор, а их определенная комбинация.

Центральным семантико-синтаксическим признаком категории субъекта-агенса является агентивность – характеристика непосредственного производителя намеренного или ненамеренного действия. Этот признак делает субъектом-агентом даже самого нетипичного агентивного участника. Например, в высказывании *Андрея задел камень*, ИГ *камень* обладает признаком агентивности. «Пациентивность» [Григорян 2014] как центральный признак объекта-пациенса является русским эквивалентом стандартного и широко распространенного английского «affectedness» (приблизительно «затронутость действием» или «изменение под воздействием», «страдательность»), обозначающего в широком смысле признак объекта действия [Klaiman 1988]. Агентивность / пациентивность понимаются как признаки семантико-синтаксических ролей – агенса и пациенса. ИГ приобретает такой признак в контексте, в конкретном употреблении. В отличие от других признаков, агентивность не может быть признаком объекта-пациенса, а пациентивность – субъекта-агенса.

Таким образом, суть прототипического подхода к дифференцированному маркированию прямого дополнения можно выразить следующим образом: показатель номинатива является базовым маркером агентивности субъекта-агенса и пациентивности объекта-пациенса, а показатель аккузатива – маркером пациентивности прямого дополнения с критическим набором прототипических признаков субъекта-агенса во избежание двусмысленности.

3.3. Многофакторный подход к дифференцированному маркированию объекта

В подходах, рассмотренных выше, различные факторы, влияющие на маркировку прямого дополнения, сводились к одному общему. Вслед за Н. В. Сердобольской и С. Ю. Толдовой, мы считаем более перспективным многофакторный подход, основанный на комплексном анализе параметров, определяющих выбор маркировки прямого дополнения [Сердобольская, Толдова 2012]. Во многих языках выбор одного из способов оформления необязательно подчиняется строгим правилам. В частности, в одном и том же предложении, в зависимости от контекста, может быть выбрано различное оформление. Данный подход предполагает анализ факторов дифференцированного маркирования прямого дополнения независимо друг от друга, далее устанавливается их взаимодействие в каждом конкретном случае употребления прямого дополнения и предлагается иерархия релевантности факторов.

В современной отечественной лингвистике данный подход применяется при описании дифференцированного маркирования прямого дополнения в финно-угорских языках [Толдова, Сердобольская 2002; Сердобольская, Толдова 2012; Сердобольская 2019], в калмыцком [Коношенко 2009], в нанайском [Оскольская, Стойнова 2017], в ниджском диалекте удинского [Касьянова 2017], в древнерусском и северорусских диалектах русского [Ронько 2018] и др.

3.4. Факторы, определяющие дифференцированное маркирование прямого дополнения

Чаще всего выбор между конкурирующими падежами определяется несколькими факторами, относящимися к разным уровням языка – семантики, морфологии, синтаксиса, прагматики. К семантическим параметрам принято относить одушевленность референта именной группы, семантический класс глагола (например, глаголы созидания или уничтожения, интенциональные глаголы); к морфологическим – грамматические категории глагола, управляющего именной группой (время, вид, модальность); к прагматическим – референциальный и коммуникативный статус, дискурсивную значимость референта именной группы; к синтаксическим – финитность клаузы, порядок слов в предложении, структурный тип ИГ (внутренняя структура ИГ, также тесно связанные с ней вес ИГ, количество и тип её зависимых).

3.4.1. Одушевленность

На обширном типологическом материале установлено, что одним из значимых параметров, от которого зависит маркирование прямого дополнения в языках мира, является фактор одушевленности / неодушевленности. Например, в испанском языке одушевленность / неодушевленность является практически единственным признаком, определяющим маркирование прямого дополнения: в позиции прямого дополнения эксплицитное маркирование получают одушевленные именные группы, тогда как неодушевленные именные группы специального маркирования не получают [Moravcsik 1978; Garcia Garcia 2005]. Однако чаще одушевленность является одним из многих факторов, предопределяющих выбор в пользу маркирования прямого дополнения [Сердобольская 2019]. Соответственно, в разных языках релевантность факторов при выборе маркирования прямого дополнения имеет разные степени.

В соответствии с иерархией одушевленности (*Имена, обозначающие людей* > *Одушевленные имена* > *Неодушевленные имена*) объекты, занимающие высокие позиции, получают эксплицитное маркирование, в то время как неодушевленные объекты остаются немаркированными [Silvestein 1976; Dixon 1994; Aissen 2003; Сердобольская, Толдова 2012].

3.4.2. Референциальный статус

Референциальный статус именной группы играет ключевую роль в выборе морфосинтаксического оформления во многих языках мира, например, в современном иврите [Aissen 2003], во многих финно-угорских [Сердобольская, Толдова 2012] и в других языках [Lima 2006; de Swart 2007].

Чаще, когда речь идет о референциальном статусе именной группы, говорят о категории определенности / неопределенности. Это одна из категорий семантики высказывания: ее функция – актуализация и детерминация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределенность) [ЛЭС 1990: 349].

Категория определенности / неопределенности в общем языкознании рассматривается в связи с теорией актуализации, теорией референции и грамматикой текста. Категория определенности / неопределенности представляет собой сложную систему параллельно взаимодействующих именных форм, образующих частные оппозиции. В данной оппозиции члены характеризуются разным способом маркирования. В частности, в тюркских языках одним из средств выражения категории определенности считается аккумулятивное маркирование прямого дополнения, с чем мы категорически не согласны и в этой работе опровергаем данную концепцию.

В разных языках средства выражения этой категории отличаются в зависимости от внутренней структуры языка. Обычно она выражается определенными и неопределенными артиклями. В безартиклевых языках категория

определенности / неопределенности может выражаться порядком слов, сочетаниями с указательными и неопределенными местоимениями, а также с частицами, типом и размещением фразового ударения, контекстом. В рамках высказывания категория определенности / неопределенности тесно связана с другими содержательными категориями: с актуальным членением предложения, с дейктичностью, с категорией притяжательности [ЛЭС 1990: 349].

Референциальный статус именной группы определяется как ее обязательная семантико-прагматическая характеристика [Падучева 2010]. По определению Е. В. Падучевой, референция – это «соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями» [Там же: 79]. Референциальный статус ИГ определяется соотнесенностью с референтом, т. е. тем или иным индивидуальным объектом внеязыковой действительности [Там же: 83]. Референциальные статусы, таким образом, подразделяются на референтные и нереферентные. Далее референтные именные группы делятся на определенные, слабоопределенные и неопределенные. Именная группа осмысливается как определенная, если говорящий уверен, что её референт однозначно устанавливается слушающим. Слабо определенные именные группы указывают на объекты, «известные говорящему, но предполагаются неизвестными слушающему». А неопределенная референтная именная группа – это объекты, которые неизвестны ни говорящему, ни слушающему [Там же: 86–93]. Нереферентные именные группы «не обозначают никаких индивидуализированных объектов» [Там же: 94]. Подобной трактовки референциального статуса ИГ придерживается Т. Гивон: референтными он называет ИГ, которые признаются говорящим существующими в рамках данного дискурса; определенными являются референтные ИГ, про которые говорящий имеет все основания полагать, что слушающий может каким-то образом сопоставить ей уникального референта [Givón 1983: 1–41].

Аналогично иерархии одушевленности в типологической литературе выстроена иерархия определенности [Givón 1983: 407; Comrie 1989: 134–136; Aissen 2003]:

Определенные именные группы > Неопределенные референтные именные группы > Нереферентные именные группы.

Чем выше именная группа в иерархии, тем больше вероятность ее эксплицитного маркирования в позиции прямого дополнения, соответственно, чем ниже, тем больше вероятность остаться немаркированной [Aissen 2003: 14].

3.4.3. Актуальное членение предложения

Коммуникативный аспект предложения связан с изучением структуры передаваемой в предложении информации и коммуникативных намерений говорящего. Деление предложения на тему и рему, существенное для данного контекста или ситуации, называется актуальным членением. Оно отражает существенную в данном контексте информацию, ради передачи которой и совершается коммуникация [Кошкарева 2010: 90].

Родоначальником теории актуального членения предложения является чешский лингвист Вилем Матезиус. В своей статье «О так называемом актуальном членении предложения» он писал, что актуальное членение предложения следует противопоставлять его формальному членению. Если формальное членение разлагает состав предложения на его грамматические элементы, то актуальное членение выясняет способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает. Основными элементами формального членения предложения являются грамматический субъект и грамматический предикат. Основные элементы актуального членения предложения – это исходная точка [или основа] высказывания, то есть то, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, то есть то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания [Матезиус 1967: 239–245].

Для определения состава темы и ремы служит вопрос к данному высказыванию. Часть заключенной в высказывании информации, которая содержится в вопросе, относится к теме; часть информации, которая непосредственно отвечает на вопрос, относится к реме [Кошкарева 2010: 91].

Вопрос об актуальном членении предложения в тюркских языках является малоизученным, хотя и рассматривался на примере некоторых тюркских языков: башкирского [Илишев 1990], казахского [Амиров 1970], азербайджанского [Абдуллаев 1983], татарского [Сафиуллина 1974, 1978; Закиев 1992]. Общий вывод данных работ состоит в следующем. Тема высказывания в тюркских языках находится в начале предложения, а рема занимает постпозицию по отношению к теме. Те компоненты высказывания, которые актуализируются (рематизируются), помещаются в позицию перед сказуемым.

С точки зрения информационной структуры высказывания и порядка слов дифференцированное маркирование прямого дополнения описано в работах [Johanson 1977; Nikolaeva 2001; Dalrymple, Nikolaeva 2011; Сердобольская, Толдова 2012; Мальцева 2013; и др.]. Маркированность прямого дополнения связывается с его принадлежностью теме: тематические прямые дополнения получают эксплицитную маркировку, вне темы они остаются немаркированными.

В англоязычной традиции вместо терминов *тема* и *рема* используются термины *топик* и *фокус*. Топик определяется через понятие *референта*, если пропозиция выражает информацию об этом референте [Lambrecht 1994: 131]. Фокус определяется как семантический компонент прагматически структурированной пропозиции, в которой ассерция отличается от пресуппозиции [Lambrecht 1994: 213]. Таким образом, фокус отображает новую, неизвестную часть пропозиции. Новая информация может охватывать все высказывание целиком или относиться только к части высказывания. Соответственно, фокус может быть широким и узким. Вслед за Н. В. Сердобольской и С. Ю. Толдовой [2012] мы определяем «широкий» фокус как соответствующий понятию «рема», а собственно фокусом называем наиболее значимую

часть ремы. Топик – это то, о чем сообщается новая информация, поэтому топикальный референт должен быть как минимум известным, а как максимум иметь дискурсивную значимость, чтобы о нем можно было что-то утверждать. В теме может находиться не один топикальный референт, поэтому в данной работе под «топиком» понимается наиболее значимая информация, которая в норме располагается ближе к началу высказывания.

Автор исследования по калмыцкому языку М. Б. Коношенко предлагает, тем не менее, не абсолютизировать роль актуального членения, поскольку маркированное коммуникативное членение и порядок слов не гарантируют обязательности падежного маркирования прямого дополнения, речь идет о вероятности этого явления. Более того, вероятность появления показателя аккузатива при нарицательном имени определяется пересечением значений одновременно нескольких признаков именной группы: ее коммуникативным статусом, линейной позицией в предложении, а также одушевленностью и определенностью, т. е. появление падежного показателя в равной мере определяется значениями четырех параметров [Коношенко 2009: 60–64].

В связи с рассмотрением влияния актуального членения предложения на выбор падежной формы прямого дополнения обсуждаются также вопросы влияния намерения говорящего и дискурсивных факторов. Иногда дискурсивная функция именной группы имеет большее значение для правильной интерпретации высказывания слушающим, чем ее референциальный статус. Таким образом, «определяющими оказываются намерения говорящего, а не априорные референциальные свойства именной группы» [Толдова, Сердобольская 2002: 10].

Понятие «дискурсивной значимости» тесно связано с актуальным членением предложения, в частности, с понятием «топика». Т. Гивон использует понятие «непрерывности топика» (англ. *topic continuity*), которая вычисляется на основе следующих параметров:

- 1) референциальное расстояние – расстояние в клаузах между текущим и предыдущим упоминанием данного участника дискурса;

2) устойчивость топики – количество упоминаний участника в десяти клаузах, следующих за данной;

3) количество упоминаний участника в тексте [Givón 1983: 1–41].

В данном случае речь идет о топике на уровне дискурса, который должен являться значимым не только в пределах данного конкретного высказывания, но и быть также центральным (или одним из центральных) участником дискурса.

Согласно мнению Ю. А. Ландера, иерархии одушевленности, определенности и ряд других входят в обобщенную «иерархию топикальности»: «объекты / сущности, о которых мы говорим, неравнозначны: об одних объектах мы говорим больше, чем о других; одни объекты нас интересуют больше, чем другие; от одних объектов мы ожидаем больше, чем от других» [Ландер 2016: 2]. Таким образом, мы говорим больше о себе, о собеседнике, о других людях, об одушевленных, определенных объектах. Ю. А. Ландер предположил, что в турецком языке дифференцированное маркирование зависит от топикализованности ИГ [Там же: 23].

3.4.4. Свойства глагольной предикации

В некоторых языках мира релевантное значение для маркирования прямого дополнения имеют семантические и грамматические характеристики предиката [Malchukov, de Swart 2008]. В финском языке неоформленное прямое дополнение встречается только в конструкциях с императивом, инфинитивом и пассивом [Timberlake 1974]. Влияние модальности на оформление прямого дополнения в древнерусском языке, северных диалектах русского языка рассмотрено [Ронько 2018]. Например, в севернорусских диалектах клаузам с номинативными объектами часто сопутствует значение модальности. Это выражается модальными предикативами типа *надо*, а также различными конструкциями с инфинитивами. Наиболее распространена модаль-

ность долженствования. Встречаются клаузы с другими типами модальности, например, с модальным предикативом *можно* [Ронько 2018: 65].

Для лугового марийского языка постулируется различие в маркировании прямого дополнения, обусловленное нефинитностью клаузы: показатель аккузатива обязателен для финитной клаузы и факультативен для нефинитной, однако опустить показатель аккузатива в независимой нефинитной предикации невозможно. Это значит, что определяющее значение имеет статус клаузы – главная или зависимая, а не финитность [Сердобольская, Толдова 2012].

В древнерусском языке прямое дополнение в номинативе встречается только в инфинитных конструкциях, а в современных русских диалектах возможно при инфинитиве, финитном глаголе и при модальном предикативе, хотя на долю примеров с финитной формой глагола приходится меньшая часть от общего числа примеров с номинативным прямым дополнением [Ронько 2018: 8, 65].

Дифференцированное маркирование прямого дополнения может быть связано также с семантикой предиката. Например, в ненецком языке аккузативное оформление прямого дополнения значительно чаще встречается в глагольных моделях креативного воздействия, деструктивного воздействия, трансформации объекта, воздействия на объект без изменения его свойств, каузации акционального воздействия, психического восприятия, передачи информации, получения информации, предполагающих топиальность объекта; вариативное оформление номинативом и аккузативом возможно в моделях воздействия с позицией инструмента; варьирование аккузатива и пролатива (продольного падежа) встречается в отдельных примерах с семантикой ментальных операций [Баркалова 2004].

3.4.5. Порядок слов

Вариативность падежного маркирования прямого дополнения может коррелировать с порядком слов SOV, где S – агентивный участник ситуации (подлежащее), O – пациентивный участник ситуации (прямое дополнение), а V – предикат (сказуемое) [Bickel 2008]. По данным Всемирного атласа языковых структур (WALS), к этому типу относится более 40 % языков, включенных в эту базу [Dryer 2013].

Если между глаголом и прямым дополнением появляется другой член предложения, маркирование прямого дополнения обязательно. Данный критерий представляет собой бинарную оппозицию – контактное / дисконтактное расположение прямого дополнения и глагола. Интересно, что данные северных диалектов русского языка и древненовгородских текстов показывают, что прямое дополнение оформляется номинативом чаще (в 73 % случаях), когда оно стоит перед глаголом [Ронько 2018: 45]. Причины данного явления в общей типологии связывают прежде всего с изменением порядка слов в зависимости от коммуникативной структуры высказывания [Dalrymple, Nikolaeva 2011]: «Рематически выделенное слово ставится непосредственно перед глаголом, а “примыкающее” имя, которое должно было занимать позицию перед глаголом в отсутствии этого слова, оказывается отделенным от своего синтаксического хозяина-глагола и поэтому автоматически оформляется показателем аккузатива» [Муравьева 2008: 206]. Однако сам факт изменения порядка слов в предложении относится к синтаксическим параметрам и должен рассматриваться как отдельный фактор, влияющий на вариативное маркирование прямого дополнения.

Одной из первых теорий, объясняющих и предсказывающих падежное варьирование с точки зрения синтаксиса, является «конфигурационная» теория падежа, согласно которой падеж приписывается по правилу конкуренции падежей в пределах некоторой локальной области (глагольной или подлежащей): если в локальной области есть ещё одна именная группа, не имеющая

падежа, то одна из них должна получить маркирование [Marantz 1991; McFadden 2004].

В соответствии с теорией «согласования», падежное маркирование определяется «согласованием» именных групп и вершиной некоторой функциональной проекции [Chomsky 2001].

Таким образом, в современных типологических работах в качестве факторов, предопределяющих выбор падежного маркирования, называют особенности семантики предиката и актантов, их определенность / неопределенность, референциальный статус, одушевленность / неодушевленность, актуальное членение предложения, стремление к экономии речевых усилий и некоторые другие параметры, которые рассматриваются либо по отдельности, либо комплексно, образуя иерархические ряды по значимости в разных языках.

4. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в тюркских языках

Первые попытки объяснения причин дифференцированного маркирования прямого дополнения в тюркских языках относятся к середине XIX в. [Казем-Бек 1846: 382–383; Грамматика алтайского языка 1869: 139–140]. Однако этот вопрос до сих пор остается открытым, несмотря на значительное количество исследований по данной теме. Формы аккумулятива и номинатива прямого дополнения в ряде случаев заменяют друг друга без каких-либо заметных изменений в значении предложения. В работах по тюркологии перечисляются случаи, где возможна замена одного падежа на другой, но часто такие примеры остаются без объяснения мотивации того или иного выбора.

4.1. Вопрос о разграничении формально совпадающих падежей в тюркских языках

Одним из вопросов, связанных с описанием дифференцированного маркирования прямого дополнения в тюркологической литературе, остается вопрос о разграничении формально совпадающих падежей.

В «Грамматике тувинского языка» выделяется *именительный падеж*, не имеющий собственного показателя, свойственный подлежащему, присвя- зочному члену именного сказуемого и обращению. Авторы грамматики не считают возможным называть этот падеж «ни в тувинском и ни в каком-либо другом из современных тюркских языков “неопределенным падежом”, выполняющим в одних случаях функции именительного падежа, а в других – функции родительного, винительного, направительного падежей и даже имени прилагательного» [Исхаков, Пальмбах 1961: 118–119]. Если существительное в винительном падеже выражает совокупность однородных предметов или вещество и стоит рядом с управляющим глаголом, аффикс винительного падежа может быть опущен. В таком случае он называется неоформленным винительным падежом [Исхаков, Пальмбах 1961: 131]. Современные исследователи падежной системы тувинского языка вслед за авторами «Грамматики тувинского языка» используют термины «неоформленный винительный» и «оформленный винительный» [Серээдар 2009] либо называют его «неопределенным» [Хертек 2015] падежом.

И. Х. Ахматов считает необходимым учитывать формы языковых явлений, при этом одно и то же грамматическое значение может быть выражено различными формами и наоборот – одна и та же форма может выступать выразителем разных грамматических значений. Рассмотрение категории падежа как собственно морфологической категории не является исчерпывающим и не отражает сущности этой категории в полной мере. При таком одностороннем рассмотрении термин «падеж» относится только к морфологии как к системе форм, а функционально-синтаксические характеристики паде-

жей не учитываются. Между тем существительное принимает ту ли иную падежную форму в зависимости от его отношения к предикату. Переходные глаголы требуют прямого дополнения, а не существительного в форме винительного падежа, т. е. определенной формы с нужным падежным значением.

Далее И. Х. Ахматов пишет, что формы основного и неоформленного винительного падежей различаются: 1) по занимаемой в предложении синтаксической позиции, 2) по сочетаемости, 3) по выражаемой ими синтаксической функции, 4) по передаваемому ими значению [Ахматов 2006: 217].

Однако в грамматиках тюркских языков представлена в основном иная точка зрения, согласно которой номинатив выполняет различные функции. Так, в трудах тюркологов предложены различные термины для обозначения падежной формы, формально совпадающей с основой: основной падеж [Дыренкова 1940; Кононов 1941; Баскаков 1956; Боргояков 1976], неопределенный падеж [Дмитриев 1955], безаффиксальный падеж [Решетов 1961]. Под этими терминами объединялись случаи употребления «номинатива» в разных синтаксических позициях, каноническими для которых являются косвенные падежи (винительный, родительный, направительный). Нередко в таких случаях говорится, что у таких косвенных падежей «опускаются» падежные аффиксы.

Е. И. Убрятова отмечала, что «имя существительное в неоформленном падеже безличного склонения в якутском языке имеет чрезвычайно широкие синтаксические функции. Оно выступает не только в качестве подлежащего, сказуемого, определений, его можно встретить в роли других членов предложения» [Убрятова 2006: 121].

В работах по киргизскому языку И. А. Батманов употребляет термин «основной падеж». Категория основного падежа совмещает в себе функции прямого и косвенного падежей. Сама эта логическая категория передается именной основой без специфических (падежных) аффиксов и послужила той базой (или основой), на которой возникли существующие сейчас в киргизском языке падежи (как логические категории и как формы, присоединяемые

к основе). «На этом основании, вопреки установившейся традиции именовать этот падеж именительным или бессуффиксальным, мы именуем его основным падежом» [Батманов 1938: 13].

Н. К. Дмитриев писал, что функции чувашского (и вообще тюркского) первого падежа гораздо шире, чем функции русского именительного. «Чувашский “именительный” может употребляться и параллельно родительному, и параллельно винительному, и другим падежам. Традиционная точка зрения хочет видеть во всех этих случаях какой-то “родительный неоформленный”, “винительный неоформленный” и т. д., а между тем несомненно, что всюду форма одна, а функции разные» [Дмитриев 1955: 117–118]. «С современной точки зрения в тюркском склонении все падежи оформлены, кроме первого, который, очевидно, более древний, чем все остальные падежи склонения, и до тех пор, пока последние не оформились, мог выполнять все их синтаксические функции, отнюдь не меняя своей формы и не переставая быть единым, многофункциональным падежом» [Там же: 118–119].

Сторонники данной точки зрения опираются на историческое развитие тюркских языков. И. А. Батманов в работе «Употребление падежей в киргизском языке» прослеживает развитие тюркской падежной системы:

1) «Отсутствие логической категории объекта (когда процесс, агент и объект действия не выделялись) не вызвало к жизни соответствующего оформления; склонения на этой стадии еще не было.

2) Появление логической категории объекта хотя и вызвало впоследствии к жизни формальное (безразлично: контекстуальное или морфологическое) выражение объекта, но значительное время продолжало обслуживаться еще основами, не принадлежавшими ни к какому падежу.

3) Впоследствии, благодаря создавшемуся противоречию между содержанием мысли и средствами ее выражения, основа сохранила за собой функцию для передачи прямого падежа и, во-вторых, косвенного падежа при выражении неопределенного объекта.

4) Для передачи же определенного объекта выработалось особое формальное выражение для косвенных падежей, представлявших из себя сочетание основы с формальными элементами (послелогоми, полупривставками, привставками)» [Батманов 1938: 16].

Более подробно различные подходы к трактовке неоформленного имени в тюркских языках, в частности в турецком, рассмотрены в работе И. А. Муравьевой [Муравьева 2008: 336–340].

Мы придерживаемся точки зрения тех ученых, которые признают, что один неоформленный (неопределенный, основной) падеж совмещает в определенных условиях различные функции. По нашему мнению, термин «неоформленный падеж» отражает маркирование прямого дополнения на основе категории определенности и неопределенности, которая считалась главным фактором. Термин «основной падеж» соотносится с прототипическим подходом к дифференцированному маркированию прямого дополнения, где основным падежом, оформляющим прототипические подлежащее и прямое дополнение, является номинатив.

Чтобы избежать нежелательных ассоциаций с той или иной концепцией, каждая из которых предписывает упор на определенный аспект рассматриваемой проблемы, мы используем в данной работе нейтральные латинские названия падежей, в которых может стоять имя в прототипической позиции прямого дополнения: «номинатив», «аккузатив» и «аблатив».

4.2. Условия выбора падежной формы при маркировании прямого дополнения в тюркских языках

Проблема дифференцированного маркирования прямого дополнения наиболее полно исследована на материале турецкого языка [Grønbech 1936; Дмитриев 1939; Кононов 1956; Майзель 1957; Johanson 1977; Nillson 1985, 1978; von Neusinger, Kornfilt 2005; Муравьева 2008; и др.].

С. С. Майзель квалифицирует предметы в турецком языке как определенные и неопределенные. Имена, обозначающие определенные предметы, оформляются винительным падежом, а неопределенные – именительным падежом. Определенными предметами, по мнению автора, в турецком языке являются:

- 1) предметы, сопровождаемые указательными местоимениями и т. п.;
- 2) предметы, перед которыми стоит определение в виде причастия или отглагольного имени на *-diği / -acağ*;
- 3) предметы, выраженные именами собственными;
- 4) предметы, определенные аффиксом принадлежности;
- 5) предметы, о которых речь уже шла и еще живо хранящиеся в памяти участников разговора;
- 6) предметы, о которых, может быть, речи и не было, но которые являются единственными в данной конкретной обстановке или единственными в своем роде;
- 7) предметы, сопровождаемые определением в превосходной степени;
- 8) предметы, предпочтительно употребляемые в общем, абстрактном смысле (*бытие, наука, искусство, религия, любовь, надежда, свобода, совесть* и т. п.);
- 9) предметы, сопровождаемые определениями *her* ‘каждый’, *bütün* ‘весь’, ‘целый’;
- 10) личные местоимения.

Неопределенными предметами в турецком языке являются:

- 1) предметы, выражаемые именами нарицательными, о которых речь идет впервые;
- 2) предметы как представители целого рода или вида;
- 3) предметы, сопровождаемые определениями, недостаточными для идентификации представления об этих предметах у говорящего и слушающего;
- 4) предметы, определяемые только именами числительными;

5) предметы, сопровождаемые словами *çok* ‘много’, *az* ‘мало’, *kaç* ‘сколько’, *birkaç* ‘несколько’ [Майзель 1957: 60].

«Осознание определенного состояния и неопределенного состояния предметов поддерживается в турецком языке артиклем в представленном и нулевом состоянии: нулевое состояние артикля свидетельствует об определенности объекта, а представленное состояние – о неопределенности предмета. В качестве неопределенного артикля в турецком языке употребляется *bir*. Наоборот, отсутствие перед словом неопределенного артикля *bir* делает слово определенным. Определенное или неопределенное состояние предмета распознается часто по целому ряду признаков, вытекающих из общей обстановки» [Майзель 1957: 61].

В работе С. С. Майзеля дается обобщение предыдущих исследований этой темы в турецком языке. Таким образом, исследователи турецкого языка связывали дифференцированное маркирование прямого дополнения с определенностью и неопределенностью именной группы.

В работах по татарскому языку главным фактором выбора падежного маркирования также считается определенность референта именной группы. Еще М. А. Казем-Бек писал, что «винительный падеж заменяется именительным, когда предмет действия ничем не определен, и имя предмета непосредственно предшествует глаголу» [Казем-Бек 1846: 382].

Приведем несколько цитат из современных работ по татарскому языку, в которых формулируется та же мысль о том, что дифференцированное маркирование прямого дополнения объясняется семантической категорией определенности / неопределенности: «Когда первое дополнение оформляется морфологически выраженным винительным падежом, речь идет об определенном предмете, а если оно имеет нулевую форму, речь идет о неопределенном, неконкретном предмете» [Вильданова, Гарипов 1988: 39]; «Основной падеж обозначает прямой объект и выступает дополнением... Значение прямого объекта характерно и для винительного падежа. Однако в отличие от объекта винительного падежа объект основного имеет оттенок неопределен-

ности» [Татарская грамматика 1993: 46]; «Если прямое дополнение выражает предмет, уже известный как говорящему, так и слушающему, оно обязательно принимает аффикс винительного падежа. <...> Если прямое дополнение выражает предмет, о котором упоминается впервые, оно обязательно находится рядом с господствующим членом и не принимает никакого аффикса...» [Закиев 1995: 119].

Б. Нильсон показала, что для аккузативного маркирования прямого дополнения в турецком языке важна не только степень определенности, но и референтный статус именной группы. В работе противопоставляются референтные и нереферентные именные группы. Определенное имя представляет денотат как нечто известное для заданного контекста. Неопределенная референтная именная группа может получить аккузативное маркирование по признаку «конкретности» (*specificity*), которая определяется как отнесенность имени к конкретному индивиду (или нескольким конкретным индивидам). Следующий признак, благодаря которому неопределенные референтные имена получают аккузативное маркирование в позиции прямого дополнения, это обобщенность (*genericity*), отнесенность ко всем элементам некоторого класса. Значение обобщенности может быть описано с помощью кванторов общности, определительных местоимений *herkes* ‘все’, *herşey* ‘всё’. С другой стороны, отрицательные местоимений *kimse* ‘никто’ и *hiç bir şey* ‘ничто’ могут иметь вариативное маркирование. Выбор зависит от степени обобщенности контекста: если отрицание относится ко всему классу лиц или предметов, то выбирается показатель аккузатива; если же отрицание относится к конкретному действию, то выбирается номинативное маркирование [Nilsson 1978].

И. А. Батманов в работе «Употребление падежей в киргизском языке» использует термины *абстрактный объект* и *конкретный объект*: «Прямое дополнение в основном падеже употребляется, когда речь идет об абстрактном объекте действия (о предмете вообще, о групповом, не выделяемом из числа прочих, подобных ему, объекте), выраженном существительным.

Наоборот, если речь идет о конкретном, выделяемом из числа подобных ему предметах, тогда дополнение получает аффикс винительного падежа» [Батманов 1938: 16]. Прямое дополнение оформляется аккузативом также и в ряде частных случаев: «этому объекту либо предшествует определение (указательное местоимение – *bu, tigi, tetigi* и т. п.) или другое имя; либо имя без определения сочетается с притяжательным аффиксом; либо, наконец, имя поясняется содержанием предыдущих фраз» [Батманов 1938: 17].

Таким образом, под «абстрактным объектом» в работе И. А. Батманова понимается нереферентная именная группа, а под «конкретным» – референтная. Выбор падежной формы рассматривается в зависимости от противопоставления родового (нереферентного) объекта с конкретным (референтным) и известным (определенным) объектами.

В таком же ключе проблему дифференцированного маркирования прямого дополнения описывает исследователь кумыкского языка Н. Э. Гаджихмедов: «Имя существительное в основном падеже выступает в функции прямого дополнения. Основной падеж прилегающего прямого дополнения имеет место тогда, когда предметная определенность объекта не существенна для высказывания, когда слово, стоящее в позиции прямого дополнения, не отождествлено, не соотнесено с конкретным предметом данного класса и имеет значение родового наименования данного класса предметов. В этом случае действие как бы не переходит на объект, а лишь характеризуется со стороны объекта, определяется объектом» [Гаджихмедов 2000: 85]. Далее автор говорит, что «винительный падеж, наряду с основным падежом, является формой прямого дополнения. В отличие от основного падежа, используемого только в позиции прилегающего дополнения, винительный падеж употребляется как в прилегающей, так и в отстоящей позиции» [Гаджихмедов 2000: 100].

С. Н. Иванов писал, что способность совмещать в себе конкретно-предметные и отвлеченно-предметные, предметно-качественные значения является наиболее важным свойством тюркского имени, определяющим осо-

бенности функционирования таких категорий, как склонение, категория принадлежности, число. В частности, винительный падеж примыкающего дополнения актуализует конкретно-предметное значение имени существительного, основной же падеж в этой функции выступает как форма отвлеченно-предметного дополнения. С другой стороны, употребление основного и винительного падежей в дополнениях связывается в тюркологии с категорией определенности / неопределенности: основной падеж оформляет прямое дополнение, выражающее неопределенный предмет, а винительный падеж – прямое дополнение, выражающее определенный предмет [Иванов 1969: 63].

В. Г. Гузев и Д. М. Насилов считают конкретно-предметные значения зоной релевантности категории числа, а в случаях актуализации отвлеченно-предметных значений существительного категория числа должна быть признана иррелевантной, ненужной, неприменимой. То же, вероятно, справедливо и в отношении категории определенности / неопределенности, если она подкрепляет идею предметности. Если наличие зоны релевантности является свойством некоторых грамматических категорий, то, вероятно, учет этого обстоятельства может привести к более глубокому и верному пониманию особенностей функционирования некоторых грамматических форм [Гузев, Насилов 1971: 22].

Таким образом, категория определенности / неопределенности связывается с противопоставлением конкретных и отвлеченных значений имени существительного и отражением этого противопоставления в функциях винительного и основного падежей для разграничения различных типов прямого дополнения.

В башкирском языке, согласно Н. Поппе, обязательно маркируются аккузативом следующие ИГ:

- 1) возвратные местоимения;
- 2) вопросительные местоимения;
- 3) личные местоимения;
- 4) имена собственные;

5) номинализации.

Аккузативом могут оформляться только прямые дополнения, которые располагаются неконтактно по отношению к глаголу и отрываются от него с точки зрения линейного порядка слов [Поппе 1964]. Таким образом, здесь вопрос рассматривается с точки зрения семантики именной группы и порядка слов в предложении.

Более обширный набор факторов, релевантных для выбора падежного оформления, выделен Е. И. Убрятовой для якутского языка. Прямое дополнение оформляется показателем винительного падежа в нескольких случаях:

- 1) когда действие и его объект четко разграничиваются;
- 2) когда прямое дополнение выражено местоимением;
- 3) когда прямое дополнение выражено собственным именем;
- 4) когда дополнение отделено от сказуемого другими членами предложения или стоит после него;
- 5) когда прямое дополнение относится к сложному глаголу, состоящему из имени и глагола;
- 6) когда прямое дополнение относится к глаголу *диэ*- 'говорить' с прямой речью;
- 7) когда прямое дополнение выражено междометием в восклицательном предложении;
- 8) когда прямое дополнение входит в различные словосочетания: является определяемым в словосочетании, построенном на основе примыкания или изафета.

Прямое дополнение ставится в неоформленном падеже в следующих случаях:

- 1) если центр тяжести значения лежит не на объекте, а на самом действии: имя существительное, выражающее прямое дополнение, как бы сливается с глаголом-сказуемым, прямое дополнение в неоформленном падеже служит придатком, характеризующим действие, на котором сосредоточено все внимание;

2) если прямое дополнение имеет постоянное место непосредственно перед сказуемым и никуда не может быть передвинуто;

3) если в роли прямого дополнения выступают имена нарицательные и редко вопросительные местоимения. Личные местоимения в позиции прямого дополнения никогда не употребляются в неоформленном падеже [Убрятова 2006: 117–123].

Следовательно, в якутском языке выбор той или иной формы прямого дополнения определяется характером самого дополнения, его отношением к действию, к другим предметам. Прямое дополнение в винительном падеже выражает определенный объект, прямое дополнение в неоформленном падеже – неопределенный объект [Там же: 133].

Таким образом, в якутском языке к факторам, определяющим выбор падежного маркирования прямого дополнения, относятся семантика именной группы, отношение между прямым дополнением и сказуемым, отношение между компонентами определительных конструкций, в которых может находиться прямое дополнение. Основным фактором считается противопоставление определенности и неопределенности именной группы.

Таким образом, исследователи падежной системы тюркских языков признают, что выбор формы прямого дополнения по большей части зависит от категории определенности / неопределенности. Одним из важных оснований предполагать наличие тесной взаимосвязи между категорией определенности / неопределенности и падежным маркированием является гипотеза о возникновении форм падежа, выражающих определенность, от какой-то древней основы, или формы, выражавшей определенность. Дж. Г. Киекбаев в статье «О происхождении некоторых падежных форм в урало-алтайских языках в свете теории определенности и неопределенности» пишет, что урало-алтайские падежные формы развились от основы (или формы), выражающей или некогда выражавшей определенность. Другими словами, они возникли из основы определенности, которая образовалась путем присоединения показателей определенности к имени. Поскольку имя таким путем при-

обретало значение определенности, то в зависимости от сочетания с другими словами оно могло выражать разные грамматические отношения [Киекбаев 1966: 175–176].

И. А. Батманов предполагает, что «логическое различие определенности и неопределенности предмета могло возникнуть в доисторический период в связи с дифференциацией родового строя после возникновения частной собственности, ибо представление о конкретности предмета было сопряжено с представлением о его принадлежности лицу» [Батманов 1938: 31].

Таким образом, делается вывод о том, что связь формирования грамматических категорий с возникновением категории определенности / неопределенности очевидна. Зависимость падежного оформления существительного от данной категории является основополагающей, так как сама необходимость падежного маркирования возникла в связи с разграничением определенности и неопределенности предметов и явлений. Основной падеж подчеркивает неопределенность предмета, что сближает его с первоначальной словарной неоформленной формой. Поэтому наличие в языке нескольких неоформленных форм падежей связано не с именительным падежом конкретно, а с первоначальным понятием, существующим в нашем сознании, которое оно выражает.

Однако, на наш взгляд, категория определенности / неопределенности является не единственной причиной выбора падежной формы, об этом мы более подробно напишем в следующей главе.

4.2.1. Условия выбора падежной формы при маркировании прямого дополнения в тувинском языке

В «Грамматике тувинского языка» [Исхаков, Пальмбах 1961] данная тема раскрывается в рамках противопоставления винительного неоформленного падежа именительному. Авторы указывают на некоторые параметры, от которых зависит выбор падежного оформления прямого дополнения.

1. «Если существительное в винительном падеже выражает совокупность однородных предметов или вещество и стоит рядом с управляющим глаголом, аффикс винительного падежа, так же, как и аффикс родительного падежа, может быть опущен.

2. Существительное в винительном падеже не имеет падежного аффикса лишь в том случае, когда стоит рядом с управляющим глаголом, но стоит вставить между ними хотя бы одно слово, как у существительного обязательно появится аффикс винительного падежа.

3. Если существительное в винительном падеже обозначает определенный, конкретный экземпляр из числа однородных предметов, то независимо от своего положения относительно управляющего им глагола оно всегда употребляется с падежным аффиксом. В таком случае у существительного, стоящего в винительном падеже и являющегося прямым дополнением в предложении, обычно бывает свое определение, конкретизирующее и индивидуализирующее его.

4. Когда из контекста конкретность предмета очевидна, выражающее его существительное в винительном падеже может и не иметь при себе определения.

5. Существительное в винительном падеже, стоящее рядом с управляющим им глаголом, обязательно оформляется падежным аффиксом даже в том случае, когда оно обозначает не конкретный экземпляр из числа однородных предметов, а предметы данного рода вообще, если логическое ударение в предложении падает не на данное существительное, служащее прямым дополнением, а на управляющий им глагол» [Исхаков, Пальмбах 1961: 131–132].

Таким образом, авторы грамматики связывают выбор падежного аффикса при оформлении прямого дополнения с категорией определенности и неопределенности, с порядком слов в предложении, с местом логического ударения в высказывании.

В статье «Значения прямого дополнения в модели действия в тувинском языке» Н. Ч. Серээдар выделяет основные случаи употребления прямого дополнения в оформленном и неоформленном винительных падежах.

С аффиксом оформленного винительного падежа всегда используются:

1) имена существительные с аффиксом принадлежности 3-го лица в значении 'их, свой';

2) личные, вопросительные, указательные, определительные местоимения;

3) собственные имена;

4) субстантивированные количественные имена числительные;

5) термины родства;

6) последнее слово в группе однородных прямых объектов;

7) имя, которое имеет определение;

8) сочетания существительных с уточняющими словами типа *ол* 'тот', *бо* 'этот', *демги* 'тот', *доо* 'тот', *шак бо* 'вот этот', *шак ындыг* 'вот такой', *бүгү* 'весь', *хамык* 'весь'.

С аффиксом неоформленного винительного падежа употребляются:

1) неопределенный объект, группа или единичный предмет данного рода, никак не индивидуализированный;

2) вещественные имена существительные;

3) имя существительное со словом *бир* в значении 'какая-то, какой-то';

4) имена существительные, называющие несколько объектов и выраженные сочетанием существительных с числительным;

5) имя существительное, выражающее совокупность однородных предметов и стоящее рядом с управляющим глаголом;

6) имя существительное с определителями типа *элээн* 'несколько', *элээн каш* 'несколько', *хөй* 'много', которые употребляются, когда сообщается что-то неопределенное, неизвестное для говорящего;

7) имя существительное с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, указывающими на определенность предмета.

Существительные в оформленном и в неоформленном винительном падежах могут появляться при всех временах глагола. Они взаимозаменяемы в следующих случаях:

1) когда существительные в этих падежах стоят непосредственно перед предикатом;

2) когда существительные употребляются с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица;

3) когда употребляются словосочетания, основанные на 2-м изафете [Серээдар 2009: 189–199].

Особенностью тувинского языка является оформление прямого дополнения показателем аблатива.

«Для тувинского языка является специфичным употребление исходного падежа в отдельных случаях вместо именительного падежа других тюркских языков и в некоторых случаях – вместо винительного падежа в других тюркских языках» [Исхаков, Пальмбах 1961: 136]. В якутском языке прямое дополнение выражается в форме аблатива «в тех случаях, когда прямое дополнение является объектом, представляющим неопределенную часть от целого» [Убрятова 2006: 132]. В тувинском языке выбор аблатива определяется наклоном и временем глагола. Он употребляется, если глагол стоит в повелительном, условном, согласительном, сослагательном наклонениях или в будущем времени изъявительного наклонения. Во всех этих случаях есть точка соприкосновения с планом будущего [Серээдар 2009: 199].

Бо акым-биле кады чылгы=дан кадарып көрейн [Серээдар 2009: 200].

бо	акы=м-биле	кады	чылгы=дан	кадар=ып	көр=ейн
этот	брат=POSS.1Sg-INSTR	вместе	табун=ABL	пасти=CV	AUX=IMP.1Sg

‘Вместе с этим дядей табун я попробую пасти.’

Существительное в исходном падеже в роли прямого объекта стоит непосредственно перед глаголом и при этом выражает либо неопределенный объект, либо часть целого. В предложениях со значением неопределенного объекта в исходном падеже встречаются имена существительные, обозначающие исчисляемый предмет – лицо, названия животных, птиц, вещей. Личные местоимения, личные имена, термины родства в исходном падеже не употребляются [Серээдар 2009: 200].

Солуур алгы=дан эккел [Серээдар 2009: 200].
Солуур алгы=**дан** эккел= \emptyset
Подменять.PrP шкура=**ABL** принести=IMP.2Sg
'Подменную ягнячью шкурку принеси.'

Таким образом, аблативное маркированное прямого дополнения имеет существенные ограничения и употребляется очень редко, преимущественно в диалогах. Что касается тех факторов, которые определяют аблативное маркирование прямого дополнения, то они отличаются от тех, которые мы обсуждаем здесь, и требуют отдельного рассмотрения.

4.2.2. Условия выбора падежной формы при маркировании прямого дополнения в хакасском языке

Тема дифференцированного маркирования прямого дополнения в хакасском языке изучена достаточно хорошо. Ей посвящена, в частности, кандидатская диссертация известного хакасского ученого М. И. Боргоякова [Боргояков 1961] и его монография «Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке» [Боргояков 1976].

По мнению М. И. Боргоякова, прямое дополнение в хакасском языке ставится в основном падеже в следующих случаях:

а) когда объект, на который распространяется действие глагола, не выделен из однородных ему предметов, не индивидуализирован или не известен говорящему: *Олганнар палых тутханнар* 'Ребята ловили рыбу';

б) когда содержание объекта включается в содержание глагола и образует с ним как бы лексическое целое, т. е. при так называемых «глаголах внутреннего объекта», например: *ыр ырлирга*, *сарын сарнирга* ‘петь песню’; *сан санирга* ‘считать’; *ойын ойнирга* ‘играть’ и т. д. [Боргояков 1976: 34–35].

Винительный падеж обязателен, если в качестве прямого дополнения выступают собственные имена одушевленного предмета (имена людей, их прозвища, клички животных), личные и указательные местоимения, а также если дополнение и подлежащее выражены одним и тем же именем или в позиции дополнения стоят прилагательные, числительные и причастия.

Винительный падеж употребляется, если перед именем существительным в позиции прямого дополнения стоят определения, выраженные следующими способами:

- качественными прилагательными с усилительной частицей или – реже – без нее; объект в таких случаях выделяется из круга однородных предметов своим отличительным признаком – наивысшей степенью качества;
- прилагательными с аффиксами *-дагы / -дегі*, *-гы / -гі*, показывающими точное местонахождение предмета или его временное значение;
- причастными оборотами;
- указательными местоимениями *пу* ‘этот’, *тигі* ‘вот тот’, *ол* ‘тот’ и некоторыми другими; в редких случаях возможен основной падеж, но только при причастиях и глагольных послелогох;
- местоимениями типа *прай* ‘все’, *полган на* ‘каждый, всякий’, указывающими на индивидуальный признак предмета или совокупность предметов; благодаря этому предмет выделяется на общем фоне однородных предметов и представляется более конкретно, у слушателя и читателя создается индивидуализированный образ предмета и таким образом достигается наибольшая выразительность;

- определительными местоимениями *прайзы*, *тоозазы* ‘все’, *позы* ‘сам’, при этом в винительном падеже ставятся оба слова;
- указательными местоимениями *андаз* ‘такой’, *мындаз* ‘такой, этакий’, а также словами *синдег*, *син осхас* ‘подобный тебе’, ‘такой как ты’;
- вопросительным местоимением *нине?* ‘что?’; винительный падеж обязателен, если имя (прямое дополнение) определено вопросительным местоимением *кем?* ‘кто?’;
- если имя в форме принадлежности определяется возвратно-определятельным местоимением *пос* ‘сам’.

Винительный падеж при нарицательном имени возможен и тогда, когда при нем нет определяющих и конкретизирующих слов, но речь идет о предмете, хорошо известном и говорящему, и слушающему. Представление о конкретности и единичности тех или иных предметов у определенного коллектива людей сближает имена нарицательные, обозначающие эти предметы, с именами собственными, о которых говорилось выше. Разница между ними заключается лишь в степени конкретности и определенности их значений: у имен собственных она, естественно, больше, у имен нарицательных меньше. Поэтому последние принимают аффикс винительного падежа только при логическом подчеркивании, с которым непосредственно связано передвижение прямого дополнения в начало предложения. Если такое имя обозначает одушевленный предмет (лицо), то винительный падеж обязателен, как и при именах собственных;

В винительном падеже могут стоять имена, снабженные аффиксом принадлежности. В данном случае сама принадлежность одного предмета другому выделяет его из круга подобных предметов. Однако само по себе значение принадлежности в хакасском языке не является непременным условием для употребления винительного падежа. Имя в позиции прямого дополнения с аффиксом принадлежности 1-го и 2-го лица может стоять и в основном падеже. Имя с аффиксом принадлежности 3-го лица в функции прямого дополнения тоже может стоять в основном падеже, если

определяющее слово стоит также имеет форму основного падежа [Боргояков 1976: 59–72].

4.3. Современные исследования дифференцированного маркирования прямого дополнения в тюркских языках

В данном разделе описаны некоторые современные подходы к объяснению дифференцированного маркирования прямого дополнения в тюркских языках. Прагматический подход в большей степени связан с коммуникативным членением высказывания и дискурсивными свойствами именной группы, а синтаксический подход находит отражение в структурном и позиционном объяснении.

4.3.1. Прагматический подход

Вехой исследования дифференцированного маркирования прямого дополнения в тюркских языках, на наш взгляд, можно назвать выход работ, посвященных влиянию актуального членения предложения на дифференцированное маркирование прямого дополнения [Mundy 1955; Johanson 1977]. Л. Юхансон в статье «Определенность и актуальное членение в турецком языке» писал о переоцененности всеохватывающей роли категории определенности / неопределенности: между статусами темы и определенности, а также между ремой и неопределенностью имеется большое сходство, которое не следует считать тождеством. Аккузатив во многом служит маркированию наименее тесной синтаксической связи между предшествующим и последующим словом, где не происходит склеивания сигнификатов разных слов в единое понятие. Благодаря этому в цепочке слов, которая иначе могла бы быть понята как образующая тесное единство, делаются своего рода разрывы, по большей части связанные с актуальным членением предложения [Johanson 1977].

Примерно с этого времени роль категории определенности / неопределенности в объяснении явления дифференцированного маркирования прямого дополнения постепенно уходит на второй план, хотя некоторые исследователи до сих пор придерживаются такого подхода.

На материале алтайского языка данную тему исследовала А. Т. Тыбыкова. Согласно ее выводам, выбор того или иного падежа прямого дополнения в современном алтайском языке определяется не какой-то одной причиной, а определенным комплексом причин, которые часто действуют вместе. Самым «сильным» фактором, связанным с винительным падежом, она признает позицию прямого дополнения по отношению к глаголу, которая часто является следствием акцентуации. «Определенность, т. е. индивидуальность объекта – способствующий, но не решающий мотив» [Тыбыкова 1985: 85]. Выбор того или иного падежа оформления зависит от намерения говорящего: насколько важно говорящему или пишущему выделить, акцентировать данный именной член предложения. Если он должен быть выделен, он ставится в форме винительного падежа, если нет – в форме неопределенного [Там же: 84].

И. А. Муравьева на материале тувинского языка приходит к выводу, что коммуникативный статус объекта значимее, чем его определенность или неопределенность: как только между прямым дополнением и глаголом возникает коммуникативная разница либо же они линейно разрываются, прямое дополнение обязательно маркируется, вне зависимости от референциального статуса именной группы, которая его выражает [Muravyova 1992].

Во всех перечисленных работах, где представлены результаты исследований на материале тюркских языков, основные выводы сводятся к тому, что если прямое дополнение имеет такой же коммуникативный статус, что и предикат и находится непосредственно перед ним, то оно не оформляется аффиксом винительного падежа. А если у них разные коммуникативные статусы и прямое дополнение отделено от предиката, то оно получает аффикс

аккузатива. Прямое дополнение в теме высказывания получает аффикс аккузатива обязательно.

Учитывая, что на оформленность влияют несколько факторов, И. А. Муравьева предлагает условно называть эту совокупность факторов *дискурсивной выделенностью*. «В позиции перед словом-хозяйном дискурсивно выделенные имена выступают как оформленные, а дискурсивно невыделенные имена выступают как неоформленные; все остальные имена, независимо от их дискурсивной выделенности, выступают как оформленные» [Муравьева 2008: 387].

4.3.2. Синтаксический подход

В рамках синтаксического объяснения дифференцированного маркирования прямого дополнения в тюркских языках можно выделить два подхода – структурный [Лютикова 2014; Pereltsvaig, Lyutikova 2015] и позиционный [Baker, Vinokurova 2010; Levin, Preminger 2012].

Исходя из того, что некоторые из структурных типов именных групп, обязательно маркируемые аккузативом, могут быть нереферентными, Е. А. Лютикова предлагает правила синтаксической природы для объяснения дифференцированного маркирования прямого дополнения [Лютикова 2014: 55]. В мишарском диалекте татарского языка она выделяет ряд именных групп, с необходимостью получающих падежное маркирование в позиции прямого дополнения:

- 1) все местоимения-существительные (личные, анафорические, возвратные, вопросительные, неопределенные, отрицательно-полярные);
- 2) личные имена;
- 3) именные группы, содержащие «исчерпывающие» кванторы (*һәр* ‘каждый’, *ике дә* ‘оба’);
- 4) именные группы, содержащие указательные местоимения *бу* ‘этот’, *шул* ‘тот’;

5) именные группы, содержащие генитивный посессор и согласованные с ним по категории лица и числа (изафетная конструкция 3-го типа);

б) расщепленные количественные, кванторные и атрибутивные группы с субстантивированным числительным / квантором / прилагательным [Лютикова 2014: 54].

Е. А. Лютикова полагает, что «если считать референциальные характеристики именных групп “ответственными” за выбор между маркированной и немаркированной формой прямого дополнения, удастся объяснить, почему личные местоимения, личные имена, именные группы с универсальными кванторами и именные группы с указательными местоимениями требуют аккузативного показателя в контексте прямого дополнения: такие именные группы всегда определенные» [Там же: 54]. Вопросы остаются к последним двум группам, которые «не только не являются всегда определенными, но могут быть и нереперентными» [Там же: 55].

На основе синтаксической дистрибуции и структурных свойств в мишарском диалекте татарского языка выделяется «три класса именных проекций: **NP** (собственно именная группа) – существительное с разнообразными модификаторами, кроме генитивного посессора, группа, нейтральная в отношении числового противопоставления, выступающая в качестве компонента атрибутивизатора *-лы*; **NumP** (группа числа) – NP, в которой фиксировано значение категории числа, выступающая в качестве именного зависимого в изафетных конструкциях 2-го типа; **DP** (максимальная именная составляющая) – существительное с любыми модификаторами, в т. ч. с генитивным зависимым, а также проформы, выступающие в любых аргументных позициях, в т. ч. в позиции генитивного зависимого в именных группах [Там же: 62]. И так как все 6 случаев обязательного маркирования прямого дополнения, приведенные выше, относятся к структурному типу DP, именные группы максимальной структуры (DP) получают аккузативное кодирование, в то время как именные группы неполной структуры (NP и NumP) остаются немаркированными [Там же: 68].

При анализе дифференцированного маркирования прямого дополнения в якутском языке М. Бейкер, Н. Винокурова [2010] и Т. Левин, О. Премингер [2012] применяют позиционный подход в рамках конфигурационной теории падежа [Marantz 1991]. «Предполагается, что маркированные прямые дополнения располагаются вне глагольной группы и, таким образом, оказываются в одной локальной области с подлежащим. В этой конфигурации прямое дополнение получает зависимый падеж – морфологический аккумулятив. Если же прямое дополнение остается в глагольной группе, то отсутствуют структурные основания для приписывания зависимого падежа: в каждой из локальных областей (фаз) имеется только по одной лишенной падежа именной группе, и каждая из них в результате получает дефолтный именительный падеж» (цитируется по: [Лютикова 2014: 64]).

5. Обоснование парадигматико-синтагматического подхода к дифференцированному маркированию прямого дополнения

Анализ теоретических работ, объясняющих дифференцированное маркирование прямого дополнения, показывает, что можно выделить два концептуально разных подхода, определяющихся процессами парадигматического либо синтагматического характера. Парадигматический процесс характеризуется необходимостью выбора одного из элементов определенного множества, объединенного по принципу формальной или семантической общности их членов. Парадигматическими называют отношения между единицами, которые проявляются в их взаимоисключении и взаимозамене. Под синтагматическим процессом понимается комбинирование элементов одного уровня в речи. Синтагматические отношения характеризуют строение синтагмы как линейной и одновременной языковой последовательности [Соссюр 1977; Ельмслев 1960].

С позиций парадигматического подхода дифференцированное маркирование прямого дополнения служит для устранения «омонимии» подлежа-

щего и прямого дополнения: в естественных языках определённые грамматические отношения имеют тенденцию характеризоваться определёнными признаками, подлежащее обычно бывает определённым, одушевлённым и топикализированным, прямые дополнения – неопределёнными, неодушевлёнными и рематическими [Comrie 1989: 19]. Таким образом, эксплицитное падежное оформление получают такие прямые дополнения, которые в большей степени напоминают подлежащее, чтобы избежать неоднозначности [Aissen 2003; de Swart 2003; Primus 2007; Hoop, Malchukov 2008].

К синтагматическому подходу могут быть отнесены попытки теоретического объяснения дифференцированного маркирования объекта через теории согласования [Nichols 1986; Chomsky 2001]: выбор падежной формы зависит от отношений согласования, в которое вступают именные группы и вершина. Дифференцированное маркирование прямого дополнения рассматривается с точки зрения необходимости или отсутствия необходимости маркировки синтаксических отношений между прямым дополнением и сказуемым [Муравьева 2008; Baker, Vinokurova 2010], между компонентами именной группы, находящейся в позиции прямого дополнения [Лютикова 2014]. К этому подходу мы также относим объяснение через влияние актуального членения предложения [Johanson 1977; Muravyova 1992; Dalrymple, Nikolaeva 2011].

Многофакторный подход, основанный на комплексном анализе параметров, определяющих выбор маркировки прямого дополнения [Сердобольская, Толдова 2012], охватывает и синтагматику, и парадигматику, но тем не менее не обеспечивает единства объяснительной модели.

Мы предполагаем, что дифференцированное маркирование прямого дополнения в тувинском и хакасском (шире в тюркских) языках имеет парадигматико-синтагматическое объяснение. Парадигматическое объяснение включает случаи устранения неоднозначности между прямым дополнением и другими членами предложения (не только с подлежащим), а синтагматическое объяснение охватывает случаи установления отношений между компо-

нентами синтагмы, входящей в высказывания различной синтаксической и коммуникативной структуры.

Выводы

При решении вопроса о выборе падежной формы прямого дополнения следует рассмотреть полный комплекс параметров, которые могут на него влиять. В тюркологии выбор маркирования прямого дополнения связывается со следующими факторами:

1) в первую очередь, с категорией определенности / неопределенности: ИГ, имеющие определенный референциальный статус, оформляются аккумулятивом, а неопределенные – номинативом;

2) с отношениями между глаголом и дополнением: если дополнение сливается с глаголом-сказуемым, то оно не получает эксплицитного оформления, если же действие и объект четко разграничиваются, то аккумулятивное оформление обязательно;

3) с порядком слов в предложении: прямое дополнение в номинативе употребляется только в позиции непосредственно перед сказуемым, если между ними оказывается какой-нибудь другой член предложения, то аккумулятивное оформление обязательно;

4) с коммуникативной структурой высказывания: если прямое дополнение находится в теме высказывания, то оно всегда оформляется аккумулятивом, если прямое дополнение само является ремой или находится в реме вместе со сказуемым, то эксплицитного падежного оформления оно не получает;

5) с дискурсивной значимостью именной группы: аккумулятивное оформление получают протагонисты дискурса при первом упоминании в тексте;

б) со структурным типом именной группы: падежное оформление прямого дополнения опирается на оппозицию двух структурных типов именной группы – максимальных именных проекций (именные группы с генитивным

зависимым) и именных групп малой структуры (существительное с разнообразными определениями, кроме генитивного посессора).

Таким образом, если ранние исследования ориентировались в большей степени на семантико-прагматический подход, связанный с характеристикой роли определенности и неопределенности для выбора падежного оформления прямого дополнения, то новые исследования опираются на прагматический и синтагматический подходы, пытаясь объединить факторы разной природы в единую объяснительную модель.

В рамках данного исследования проводится сопоставление дифференцированного маркирования прямого дополнения в тувинском и хакасском языках с точки зрения парадигматико-синтагматического подхода с целью установления факторов, релевантных для выбора морфосинтаксического маркирования прямого дополнения, и объяснения мотивации дифференцированного маркирования прямого дополнения.

Глава II. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОМУ МАРКИРОВАНИЮ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ В ТУВИНСКОМ И ХАКАССКОМ ЯЗЫКАХ

В данном исследовании мы исходим из определения парадигматики как одного из аспектов системного изучения языка, занимающегося парадигматическими отношениями, их классификацией, определением области их действий и т. п. [ЛЭС 1990]. Парадигматический процесс характеризуется необходимостью выбора одного из элементов определенного множества, объединенного по принципу формальной или семантической общности их членов. Парадигматическими называют отношения между единицами, которые проявляются в их взаимоисключении и взаимозамене [Ельмслев 1960; Соссюр 1977]. Согласно современным исследованиям, парадигматические отношения возможны между единицами всех уровней системы языка, включая синтаксический. Парадигматические отношения и связи на уровне синтаксиса возникают между членами предложения и между целыми предложениями.

В этой главе мы рассмотрим семантические, синтаксические и прагматические характеристики именных групп в позиции прямого дополнения, которые влияют на выбор его морфосинтаксического маркирования. В целом данная зависимость связана с явлением *омонимии на синтаксическом уровне*.

1. Определение и типы синтаксической омонимии

«Парадигматика на межсловном уровне проявляется в существовании так называемых парадигматических групп слов, объединенных тем или иным общим семантическим (тематическим) признаком. В частности, можно выделить две разновидности таких групп, включающие: 1) слова с тождественным внешним обликом и 2) слова с различным внешним обликом» [Татаринцев 1987: 119]. В состав первой группы Б. И. Татаринцев не включает «собственно омонимы, или лексические омонимы, с их “нулевыми” смысловыми свя-

зьями и отношениями, поскольку они образуют весьма условные парадигматические группы, основанные лишь на звуковом тождестве слов» [Татаринцев 1987: 119]. В нашей работе собственно лексическая омонимия также не рассматривается.

При определении синтаксической омонимии мы исходим из ее широкого понимания [Маслов 1963; Муравенко 2006]: это случаи, «когда в одном словосочетании (предложении) можем по-разному выделить или грамматически по-разному проинтерпретировать члены предложения и/или по-разному установить или проинтерпретировать синтаксические связи между ними» [Муравенко 2006: 153].

Явление синтаксической омонимии активно изучается в связи с исследованиями по автоматической обработке текста с 60-х годов XX в. [Дрейзин 1966; Иорданская 1967], когда выяснилось, что в языке намного больше омонимичных предложений, чем кажется.

Наиболее известны классификации синтаксической омонимии А. В. Гладкого и Е. В. Шкурко [Гладкий 1985; Шкурко 2013]. Сначала кратко рассмотрим классификацию, предложенную А. В. Гладким, который подразделяет типы синтаксической омонимии на стрелочную, разметочную и конституентную [Гладкий 1985: 110–126].

Под *стрелочной омонимией* понимают синтаксическую омонимию, когда для зависимого слова можно определить разных «хозяев»: *Он умеет заставить себя слушать* (*заставить себя* или *себя слушать*; примеры из [Муравенко, 2006]).

Разметочная омонимия возникает за счет различной интерпретации (разметки) формы и синтаксической связи. Она может проявляться при:

1) различной разметке связи между вершиной и зависимой частью, когда можно по-разному интерпретировать связь между этими словами. Пример: *Преследование тигра закончилось неудачей* (субъектная связь: *тигр преследовал кого-то*; объектная связь: *кто-то преследует тигра*);

2) различной разметке формы, когда можно по-разному понять форму слова: *он не выучил правила* (родительный падеж единственного числа или винительный падеж множественного числа). Омонию можно снять добавлением определения;

3) различной разметке и формы, и типа связи, когда различная интерпретация форм может быть связана с различной интерпретацией связей: *Звонок Марии* (кому? или чей?); *Мать любит дочь* (*Мать* (им. п.) *любит* *дочь* (вин. п.); *Мать* (вин. п.) *любит* *дочь* (им. п.)); *День сменяет ночь. Море окружают материки.*

Конституентная омонимия возникает, когда рядом расположенные слова можно по-разному объединять в группы. *В концерте приняли участие известные ансамбли и самодеятельные коллективы* (известны только ансамбли или самодеятельные коллективы тоже?).

«Часто синтаксическая омонимия сочетается с лексическими омонимами или омоформами. Такая омонимия называется лексико-синтаксической. Например, в предложении *Казню и милую* по-разному можно интерпретировать не только синтаксические связи и форму слова *милую*, но и понять сами слова: в первом случае *и* – соединительный союз, а *милую* – глагол в форме 1-го лица единственного числа, при втором понимании *и* – усилительная частица, а *милую* – существительное в винительном падеже единственного числа» [Муравенко 2006: 156].

Е. В. Шкурко выделяет два подтипа синтаксических омонимов: 1) омонимы-номинативы и 2) омонимы-предикативы. К *омонимам-номинативам* относятся словосочетания, представляющие собой наименования различных учреждений: *Дом культуры лакокрасочного завода имени М. В. Ломоносова* (Дом культуры имени Ломоносова или завод имени Ломоносова). *Омонимами-предикатами* называются синтаксически неоднозначные предложения, содержащие компонент, соотносящийся с несколькими доминантами, причем каждому подчинению соответствует своя семантическая структура: *Привет освободителям Харькова от немецко-фашистских*

захватчиков (привет передается ветеранам, освободившим город от немецко-фашистских захватчиков, или немецко-фашистские захватчики приветствуют освободителей Харькова?) [Шкурко 2013: 312].

Для русского языка Е. В. Шкурко предлагает классификацию омонимов-предикативов на основе принципов разграничения омонимии:

I. Видовая классификация.

1. *Чисто синтаксические омонимы*, существование которых обусловлено сугубо синтаксическими причинами, а именно: порядком расположения слов в высказывании, возможностью различного деления предложения на синтагмы или, чаще, совокупностью этих условий, а также омонимичностью самих моделей высказываний: *18 апреля был составлен протокол о расчете одного из посетителей центра за оказанные услуги в виде массажа иностранной валютой* (Расположение словосочетания *иностранной валютой* позволяет соотнести его как с компонентом *о расчете*, так и с ближайшим словом *массаж*).

2. *Морфолого-синтаксические омонимы*, существование которых определяется наличием в предложении морфологических омонимов (языковых единиц, совпадающих в звучании и написании при образовании грамматических форм слов, принадлежащих к одной или разным частям речи) и возможностью двоякого членения фразы на синтагмы: *Уста прекрасной ищут речи* (морфологический омоним *прекрасной* выступает в роли прилагательного при соотнесении с компонентом речи или является адъективным существительным в случае соотнесения со словом *уста*).

3. *Парадигматико-синтаксические омонимы*, существование которых обусловлено наличием в высказывании парадигматических омонимов (словесных форм одного и того же слова, совпадающих в пределах одной системы парадигм) и возможностью его соотнесения с двумя предполагаемыми доминантами: *Именно таким мы должны оставить этот обчий для всего человечества дом нашим детям – процветающим, а не больным* (Если соотнести однородные определения *процветающим, а не больным* с глаголом-

сказуемым, получим конструкцию «должны оставить процветающим, а не больным домом», в которой омонимизирующие элементы имеют форму творительного падежа единственного числа; если же данные компоненты объединить в сочетание «должны оставить процветающим, а не больным детям», однородные определения воспринимаются как форма дательного падежа множественного числа).

II. Семантическая классификация.

1. Конструкции, при восприятии которых возникает ошибочная смысловая связь, нарушающая логичность высказывания, корректируемая семантикой его компонентов: *...там она нашла глазами Стиву и потом увидела прелестную фигуру и голову Анны в черном бархатном платье* (компонент *в черном бархатном платье* соотносится реципиентом с ближайшим словосочетанием *голова Анны*, что алогично и абсурдно).

2. Конструкции, в которых обе связи, возникающие между двумя доминантами и омонимизирующим элементом, воспринимаются как нечто правдоподобное, вполне допустимое: *Высокого гостя из Киева приехали встречать представители городских властей* (компонент *из Киева* может быть соотнесен как со словом *гость*, так и с сочетанием *приехали встречать*).

III. Грамматическая классификация.

Вся совокупность омонимичных предложений может быть разделена на бесчисленное количество групп, отличающихся друг от друга грамматическими особенностями. В первую очередь подобные конструкции можно разбить на две категории: простые и сложные предложения. Сложные предложения данного типа чаще всего представлены сложноподчиненными конструкциями, среди которых наиболее распространены предложения с союзным словом *который*. Простые омонимичные предложения можно подразделить на многочисленные группы самых разнообразных моделей: конструкции с деепричастными, причастными и сравнительными оборотами, конструкции с существительными в различных падежных формах, конструкции

с однородными членами и др. Достоинством грамматической классификации является то, что она позволяет определить частотность возникновения ошибочной смысловой связи в конструкциях различных типов.

IV. Позиционная классификация.

Поскольку любое синтаксически неоднозначное предложение содержит компонент, который грамматически может быть связан с двумя другими элементами высказывания, все множество синтаксических омонимов можно разделить на три группы в зависимости от того, какую позицию занимает в данном предложении омонимизирующий его элемент. Если обозначить компонент, обладающий способностью объединяться с несколькими словами или словосочетаниями, символом *X*, а элементы, претендующие на синтаксическую связь с ним, *A* и *B*, мы получим три модели омонимичных предложений:

- 1) *X A B*, где двуплановый компонент *X* находится в препозиции;
- 2) *A X B*, где *X* стоит в интерпозиции;
- 3) *A B X*, где омонимизирующий элемент находится в постпозиции.

Любое предложение с ошибочной смысловой связью можно отнести к одной из данных разновидностей базовых схем:

X A B: *Горничная с накрахмаленной (X) на голове (A) наколкой (B) (Горький о литературе).*

Конструкции, в основе которых лежит данная модель, встречаются в современном русском языке редко. Объясняется это тем, что «неправильность» подобных предложений очевидна, вследствие чего авторы высказываний успешно их корректируют, тем самым снижая вероятность проникновения в печать описанных выше конструкций.

A X B: *Взгляд горожан радовали (A) который год подряд (X) с любовью и заботой высаживаемые (B) цветочно-кустарниковые ансамбли.*

A B X: *Четыре гранаты (A) с запалами (B) неустановленного образца (X) найдены во время ремонта... [Шкурко 2013: 312–314].*

Таким образом, объектом рассмотрения в данной главе являются слова, вступающие в парадигматические отношения омонимии на синтаксическом уровне, речь идет о случаях, вызывающих неоднозначность содержания и синтаксической структуры высказывания. Мы предполагаем, что явление синтаксической неоднозначности, устраняемой аккузативным маркированием прямого дополнения, является частным случаем синтаксической омонимии.

2. Случаи синтаксической омонимии, устраняемой аккузативным маркированием ПД

Основываясь на приведенных выше классификациях, мы предлагаем условное деление всех возможных случаев синтаксической омонимии, устраняемой аккузативным маркированием прямого дополнения. Прямое дополнение может вступать в омонимичные отношения с подлежащим, обстоятельствами и даже послелогоми, поэтому мы различаем актантную омонимию и частеречную омонимию. При этом омонимичные отношения могут носить разный характер. Мы выделили пять разновидностей: 1) лексико-синтаксическая омонимия; 2) лексико-грамматическая омонимия; 3) семантическая омонимия; 4) семантико-прагматическая омонимия; 5) позиционная омонимия.

2.1. Лексико-синтаксическая омонимия

Прямое дополнение обязательно получает аккузативное маркирование при полной формальной омонимии подлежащего и прямого дополнения, которую мы назвали *лексико-синтаксическая омонимия*. М. И. Боргояков писал об этом случае, что «винительный падеж у прямого дополнения обязателен тогда, когда это дополнение и подлежащее выражены одним и тем же име-

нем» [Боргояков 1976: 72]. Это явление встречается достаточно редко, преимущественно между одушевленными именами.

Тув.

(1) *Кижси боду-ла анаа олурза, кижси кижини канчаарыл?* [Бюрбю 2012: 461]

кижи=∅ бод=у-ла анаа олур=за кижси=∅
человек=NOM сам=POSS.3-PRТCL просто сидеть=COND человек=NOM
кижи=ни канча=ар=ыл
человек=АСС что делать=PrP=Q

‘Если человек сам не спрашивается, что человек сделает человеку?’

Хак.

(2) *Кізі кізіні өдір салар (полар) ни?* (ПМА)

кізі=∅ кізі=ні өдір сал=ар ни
человек=NOM **человек=АСС** убивать AUX:клась=PrP.3Sg Q

‘Человек человека убьет ли?’

Очевидно, что здесь аккузативное маркирование служит маркером актантной (семантической), коммуникативной и синтаксической роли ИГ в высказывании, что особенно актуально, когда из-за изменения актуального членения предложения существительное, выражающее подлежащее, может релативизироваться, или, наоборот, в случаях, когда тематизируется ПД, как в примере (3).

Тув.

(3) *Кижини кижси дарлаар.* [Кудажы 1965: 9]

кижи=ни кижси=∅ дарла=ар
человек=АСС человек=NOM эксплуатировать=PrP.3Sg

‘Человека эксплуатирует человек.’

2.2. Лексико-грамматическая омонимия

В тюркских языках к числу «парадигматических омонимов» относится также «особый вид омонимии, который создается в результате так называемой конверсии» [Исхаков, Пальмбах 1961: 179]. Такие группы слов получили название «лексико-грамматических омонимов» [Юлдашев 1972], «лексико-грамматических вариантов слов» [Татаринцев 1987: 119], «функциональных омонимов» [Ахманова 1974: 374]. В целом они определяются как парадигма-

тические группы слов с тождественным внешним обликом, имеющие близкие или одинаковые лексические значения, но принадлежащие к разным частям речи [Татаринцев 1987: 122]. «Лексическое значение и соответствующие той или иной части речи грамматические свойства и грамматические признаки, омонимичные с другими частями речи, проявляются только в контексте» [Исхаков, Пальмбах 1961: 180], поэтому они могут быть отнесены к синтаксическим омонимам.

В хакасском языке, как писал М. И. Боргояков, «винительный падеж требуется при именах прилагательных, числительных и причастиях, когда они употребляются в качестве прямого дополнения» [Боргояков 1976: 72]. Н. Поппе на материале башкирского языка отмечал обязательность аккумулятивного маркирования номинализаций [Poppe 1964]. Обязательное аккумулятивное маркирование ПД служит устранению данного вида синтаксической омонимии, когда речь идет о разграничении имени и его лексико-грамматических вариантов в высказывании, которые по частеречной принадлежности могут быть причастием, наречием, числительным, прилагательным, адъективным или адвербиальным местоимением, служебными словами.

2.2.1. Причастие

«В определенных случаях причастия употребляются также в значении имен существительных» [Исхаков, Пальмбах 1961: 296]. Субстантивация происходит с помощью прибавления аффикса принадлежности. В позиции прямого дополнения всегда маркируется аккумулятивом. Это касается и субстантивированных причастных оборотов, и зависимых частей придаточных предложений.

Тув.

(4) *Олурганнарны эргилдир көре каапкан.* [Кудажы 1965: 38]

олур=ган=нар=ны эргилдир көр=е ка=ап=кан
сидеть=PP=PL=ACC вокруг смотреть=CV AUX:оставлять=PERF=PP.3Sg
'Обвел взглядом сидевших.'

Тув.

(5) *Аъдының орааштынганын эдип, солуй өртеп каан.* [Кудажы 1965: 10]

аъд=ы=ның	орааш=тын=ган=ы=н	эди=п
лошадь=POSS.3=GEN	запутаться=REFL=PP=POSS.3=ACC	исправить=CV
солу=й	өрте=п	ка=ан
менять=CV	привязывать=CV	AUX:оставлять=PP.3Sg

‘Он привязал коня в другом месте, предварительно убрав запутанности.’

Тув.

(6) *Ынчалза-даа сөөлгү чылдарда түрк шеригни өске аныяк баштыңчылар тулчуушкуннарже эдертип киирип турганын кым билбес боор.* [Куулар 2013: 6]

ынчалза-даа	сөөлгү	чыл=дар=да	түрк	шериг=ни
однако	последний	год=PL=LOC	тюркский	армия=ACC
өске	аныяк	баштыңчы=лар=Ø	тулчуушкун=нар=же	
другой	молодой	полководец=PL=NOM	сражение=PL=LAT	
эдер=т=ип		киир=ип	тур=ган=ы=н	
следовать=CAUS=CV		вводить=CV	AUX:стоять=PP=POSS.3=ACC	
кым=Ø	бил=бес	бо=ор		
кто=NOM	знать=NEG.PrP	AUX:быть=PrP		

‘Однако все знают, что в последние годы турецкие войска на сражения водили другие молодые полководцы.’

2.2.2. Наречие

Наречие обычно определяется как часть речи, которая указывает на признак действия (глагола) или признак признака (прилагательного). Наречия происходят от других частей речи и постепенно пополняются из них же. Поэтому наречия лексически и морфологически соотносительны с теми частями речи, от которых они происходят. В предложении они служат обстоятельствами или определением качества. Многие наречия омонимичны со словами, относящимися к другим частям речи [Исхаков, Пальмбах 1961: 416–417]. Наречие сочетается с глаголом способом примыкания, поэтому часто возникают омонимичные конструкции типа: немаркированное имя (ПД) – глагол (сказуемое) / наречие (обстоятельство) – глагол (сказуемое).

Неоформленное прямое дополнение может состоять в омонимичных отношениях с наречием, образованные путем конверсии разной направлен-

ности: существительное – прилагательное – наречие, например, *шын* ‘правда’, ‘правдивый’, ‘правдиво’, наречие – существительное, например, *даарта* ‘завтра’ ‘завтрашний день’.

В примере (7) употребляются два слова с антонимичными значениями *хөй* ‘много’ и *эвээш* ‘малость’, первое слово является наречием, а второе – существительным в позиции прямого дополнения. В примере (8) слово *хөй* ‘много’ является существительным в позиции прямого дополнения.

Тув.

(7) *Хөй эмнээш, эвээшти алдым.* [Тока 1951: 7]

хөй	эмнэ=эш	эвээш=ти	ал=ды=м
много	лечить=CV	мало=ACC	братъ=PAST=1Sg

‘Полечив много, мало получил.’

Тув.

(8) *Эрес хөйнү көргөн кырганын хөөржүдүп каан.* [Кудажы 1965: 22]

Эрес=Ø	хөй=нү	көр=ген	кырган=ы=н
Pers=NOM	много=ACC	видеть=PP	старик=POSS.3=ACC
хөөржүд=үп	ка=ан		
похоронить=CV	AUX:оставлять=PP.3Sg		

‘Эрес похоронил отца, который многое повидал.’

Часто потенциально омонимичные наречиям существительные употребляются с аффиксами принадлежности, которые, вероятно, служат также маркерами субстантивности.

Тув.

(9) *Мен база шынын чугааладым.* [Кудажы 1965: 36]

мен=Ø	база	шын=ы=н	чугаала=ды=м
я=NOM	тоже	правда=POSS.3=ACC	говорить=PAST=1Sg

‘Я тоже сказал правду.’

Тув.

(10) *Кырган-биле кым маргыжар боор – шынын чугаалап олурган.* [Монгуш 2012: 9]

кырган-биле	кым=Ø	маргыж=ар	бо=ор
старик-POSTP	кто=NOM	спорить=PrP	AUX:быть=PrP
шын=ы=н	чугаала=п	олур=ган	
правда=POSS.3=ACC	говорить=CV	AUX:сидеть=PP.3Sg	

‘Кто же будет спорить со стариком, говорящим правду.’

В хакасском примере (11) продемонстрирован случай, где потенциально есть вероятность неоднозначной трактовки частеречной принадлежности слова *сын* ‘правда / правдиво’. Но носители языка больше склоняются к варианту, где *сын* – это немаркированное прямое дополнение, хотя допускают возможность трактовки *сын* как наречия. Такая же ситуация в примере (12).

Хак.

(11) *Хызамас сын чоохтапча.* [Хулгалар 1991: 12]

Хызамас=∅ сын=∅ / сын чоохта=пча
 Pers=NOM правда=NOM / правдиво говорить=PRES.3Sg
 ‘Хызамас говорит правду / *Хызамас говорит правдиво.’

Хак.

(12) *Пирее кизе ол чахсы иткен ме?* [Хай Пырыс 2013:19]

пирее кизе=e ол=∅ чахсы=∅ / чахсы ит=кен ме
 один человек=DAT он=NOM хорошее=NOM / хорошо делать=PP.3Sg Q
 ‘Кому-нибудь он сделал что-то хорошее? / *Кому-нибудь он делал хорошо?’

В тувинском языке в аналогичных конструкциях вариант с немаркированным прямым дополнением невозможен, в таких случаях эти слова будут интерпретированы как наречие. Вероятно, в тувинском языке более последовательно устраняется омонимия в паре «наречие – существительное». В хакасском языке такая неоднозначность допускается. Возможно, поэтому М. И. Боргояков не включает наречия в указанный выше список субстантивированных частей речи, обязательно маркируемых в позиции ПД аккузативом.

2.2.3. Числительное

Количественные числительные, когда они выражают счетное понятие, отвлеченное от конкретных предметов, склоняются по падежам, принимая те же падежные аффиксы, что и существительные. «В этом отношении нет грамматического различия между существительными и числительными, которые в составе предложения могут, как и существительные, быть любыми

членами предложения» [Исхаков, Пальмбах 1961: 206]. В данном случае количественные имена числительные в позиции ПД чаще имеет аккузативное маркирование, реже – номинативное.

Поскольку количественные числительные часто употребляются друг с другом как актанты одного предиката, падежное маркирование обязательно для определения роли каждого.

Тув.

(13) *Үшке дөрттү кадарга чеди боор.* [Исхаков, Пальмбах 1961: 206]

үш=ке дөрт=тү кад=ар=га чеди=∅ бо=ор
три=DAT четыре=АСС складывать=PrP=DAT семь=NOM быть=PrP
'К трем прибавить четыре – получится семь.'

Тув.

(14) *Чээрби ийиден онну казыырга, он ийи артар.* [Исхаков, Пальмбах 1961: 206]

чээрби ийи=ден он=ну казы=ыр=га он ийи арт=ар
двадцать два=ABL десять=АСС отнимать=PrP=DAT десять два оставаться=PrP
'От двадцати двух отнять десять – останется двенадцать.'

«Количественные числительные, когда они выступают в качестве количественных определителей предмета, служат определениями к существительным и приближаются к прилагательным» [Исхаков, Пальмбах 1961: 207]. В таких случаях может быть опущено определяемое слово, выраженное существительным, а определение-числительное субстантивируется, представляя собой синтез значений членов сочетания. Довольно часто они принимают аффиксы принадлежности. В этом случае они выражают какой-либо конкретный предмет [Исхаков, Пальмбах 1961: 207] и в позиции ПД всегда маркируются аккузативом.

Тув.

(15) *База бирээни шикеш, база өргүп каан.* [Кудажы 1965: 5]

база бирээ=ни иш=кеш база өргү=п ка=ан
еще один=АСС пить=CV еще подносить=CV AUX=PP
'Выпив еще одну, также поднес.'

Тув.

(16) *Үш шулбунуң ийизин өлүрдүм.* [Тыва улустун тоолдары 2012: 55]

үш шулбу=нуң ийи=зи=н өлүр=дү=м
три демон=GEN два=POSS.3=ACC убить=PAST=1Sg
'Убил двух демонов из трех.'

Хак.

(17) *Сыныхтаглар соонда читі проекттең алтызын таллап алганнар.* [Газета «Хабар», Хабарлар, 27.06.2018]

сыныхтаг=лар=∅ со=он=да читі проект=тең алты=зы=н
проверка=PL=NOM конец=POSS.3=LOC семь проект=ABL шесть=POSS.3=ACC

талла=п ал=ған=нар
выбирать=CV AUX:брать=PP=3PL

'После проверок выбрали шесть из семи проектов.'

Субстантивированные порядковые, собирательные, разделительные числительные и числительные приблизительного счета в позиции ПД также всегда маркируются аккузативом и чаще всего употребляются с аффиксами принадлежности.

К частному случаю, когда ПД чаще получает номинативное оформление, относится его субстантивированный вариант, обозначающий оценку за успеваемость в учебном заведении. Здесь они составляют устойчивые выражения с некоторыми глаголами, часто употребляемыми с ними.

Тув.

(18) *Бөгүн математикада беш алдым.* (ПМА)

бөгүн математика=да беш=∅ ал=ды=м
сегодня математика=LOC пять=NOM брать=PAST=1Sg

'Сегодня по математике получил пятерку.'

2.2.4. Прилагательное

Наиболее распространенным видом формальной синтаксической омонимии в тюркских языках является омонимия между лексико-грамматическими вариантами типа «прилагательное – существительное», которая является результатом конверсии. В большинстве примеров исходными являются качественные прилагательные весьма разнообразной лексической

семантики и сочетаемости. Субстантивированные имена прилагательные обычно обозначают конкретный объект, характеризуемый наличием такого признака [Татаринцев 1987: 134]. Это касается также субстантивированных относительных прилагательных, находящихся в позиции ПД. При конверсии они обычно получают аффикс принадлежности.

Тув.

(19) *Барган-на черинден араганың ажсыын ижер, эьттиң чаглыын чиир.* [Бюрбю 1973: 542]

бар=ган-на	чер=ин=ден	арага=ның	ажы=ы=н
идти=PP-PRTCL	место=POSS.3=ABL	алкоголь=GEN	горький=POSS.3=ACC
иж=ер	эьт=тиң	чаглы=ы=н	чи=ир
пить=PrP	мясо=GEN	жирный=POSS.3=ACC	есть=PrP

‘Где бы ни был, пьет самую горькую водку, ест самое жирное мясо.’

Хак.

(20) *Колхоз пүт парзох, Сойан пасханы пүдирербіс тинче.* [Хулғалар 1991: 27]

колхоз=Ø	пүт	пар=з=ох	Сойан
колхоз=NOM	строить	AUX:идти=COND=PRTCL	Сойан
пасха=ны	пүдир=ер=біс	ти=пче	
другой=ACC	строить=PrP=1PL	говорить=PRES	

‘Как только колхоз отстроится, Сойан говорит, [что мы] другой построим.’

2.2.5. Местоимение

К местоимениям относятся такие слова, которые, не характеризуя содержания, только указывают на предметы, на их качественные или относительные признаки и на их число. «По своему лексическому значению и грамматическим признакам одни местоимения в тюркских языках соотносительны с именами существительными, другие – с прилагательными, третьи – с числительными, четвертые – с наречиями и, выступая в качестве их морфологических синонимов, выполняют в предложении те же синтаксические функции, что и соответствующие части речи» [Исхаков, Пальмбах 1961: 215].

В этом разделе мы обсудим падежное маркирование субстантивированных местоимений в позиции ПД. К субстантивируемым можно отнести указательные, определительные местоимения, часть вопросительных и опре-

делительно-отрицательных местоимений. Маркирование местоимений, изначально соотносимых с существительными, мы рассмотрим ниже, в разделе, посвященном семантической и семантико-прагматической омонимии.

К субстантивируемым указательным местоимениям можно отнести некоторые производные указательные местоимения прилагательного и наречного типа.

Тув.

(21) *Ынчаар-ла, олар ийиниң ындызын бүгү суур билир апарган.* [Кудажы 1965: 25]

ынчаар-ла	олар=∅	ийи=ниң	ЫНДЫЫ=ЗЫ=Н
так-PRТCL	они=NOM	два=GEN	такой=POSS.3=ACC
бүгү	суур=∅	бил=ир	апар=ган
весь	деревня=NOM	знать=PrP	AUX:стать=PP

‘Так о них узнала вся деревня.’

Хак.

(22) *Мындагы искезің ме?* [Хулғалар 1991:15]

мындаг=ны	ис=кез=иң	ме
такой=ACC	слышать=PP=2Sg	Q

‘Слышал такое?’

В рамки этого раздела попадают вопросительные местоимения *кайы?* ‘который?’, *каш?* / *чеже?* ‘сколько?’, *кандыг?* ‘какой?’, *кайда?* ‘где?’, которые в определенных условиях могут субстантивироваться и получать падежное маркирование.

В хакасском языке имеются следующие вопросительные местоимения: *кем?* ‘кто?’, *ниме?* ‘что?’, *хайдаг?* ‘какой?’, ‘каков?’, *хайзы?* ‘который?’, *нинче?* ‘сколько (штук)?’, *ханча?* ‘сколько (в основном по количеству)?’ и т. д.

Тув.

(23) *Эртен кайыны барып дилээр деп тур сен, Өскүс-оол?* [Тувинские народные сказки 1994: 260]

эртен	кайы=ны	бар=ып	дилэ=эр	де=п	тур=∅
завтра	где=ACC	идти=CV	искать=PP	сказать=CV	AUX:стоять=PRES
сен	Өскүс-оол=∅				
2Sg	Pers=NOM				

‘Где ты думаешь завтра искать, Оскюс-оол?’

Хак.

(24) Чох, – тидір иней, – нинчені дее тирзе, садарга чарабас. [Хакас чонының нымахтары 1986: 24]

чох	ти=дiр	иней=∅	нинче=нi	дее
нет	говорить=PrP	бабушка=NOM	сколько=ACC	PRTCL
пир=зе	сад=арга	чарабас		
давать=COND	продавать=INF	нельзя		

‘Нет, – говорит бабушка, – хоть сколько даст, продать нельзя.’

2.2.6. Служебные слова

В качестве ПД могут употребляться и *служебные слова* в сочетании со знаменательными словами. «Служебными словами называются слова, которые служат в речи для выражения отношений между основными, так называемыми знаменательными словами. К ним в тувинском языке, как и в других тюркских языках, относятся: а) частицы, б) послелогои, в) служебные имена, г) союзы, д) вспомогательные глаголы, е) предикативные слова» [Исхаков, Пальмбах 1961: 429]. В определенных условиях они могут употребляться как субстантивированные имена и в позиции ПД всегда маркируются аккузативом.

Тув.

(25) Таңды дегни чип-даа алдым, далай дегни ижип-даа алдым. [Тыва улустуң тоолдары 2012: 32]

таңды=∅	дег=ни	чи=п-даа	ал=ды=м
тайга=NOM	как=ACC	есть=CV-PRTCL	AUX:брать=PAST=1Sg
далай=∅	дег=ни	иж=ип-даа	ал=ды=м
море=NOM	как=ACC	пить=CV-PRTCL	AUX:брать=PAST=1Sg

‘Я уже съел столько [еды], что можно сравнить с величиной тайги, я выпил столько [питья], что можно сравнить с величиной моря.’

Если в примере (25) убрать аккузативное маркирование, то смысл изменится, получится, что герой поел, как тайга.

Тув.

(26) *Өг-бүлө бюджетиниң кайы хирезин телефон дамчыштыр чугаа чиптер чүве.* [Монгуш 2013: 6]

өг-бүлө=∅ бюджет=и=нин кайы хире=зи=н телефон=∅
семья=NOM бюджет=POSS.3=GEN какой около=POSS.3=ACC телефон=NOM
дамчыштыр чугаа=∅ чи=пт=ер чүве
посредством разговор=NOM съедать=PERF=PrP PRTCL

‘Сколько съедают разговоры по телефону из семейного бюджета!’

Тув.

(27) *Кем-херек үүлгедишикиннериниң бештиң бирин, чыл санында административтиг чурум хажыдышышкыннарын бүдүн чартык муңдан эвээш эвести илередиң турар силер.* [«Шын», 2014, №114)

кем-херек=∅ үүлгедишикин=нер=и=ниң беш=тиң бир=и=н
преступление=NOM нарушение=PL=POSS.3=GEN пять=GEN один=POSS.3=ACC
чыл=∅ сан=ын=да административтиг чурум
год=NOM число=POSS.3=LOC административный порядок
хажыдышышкын=нар=ы=н бүдүн чартык муң=дан эвээш эвес=ти
нарушение=PL=POSS.3=ACC полный половина тысяча=ABL мало не=ACC
илереди=ип тур=ар силер
выявлять=CV AUX:стоять=PrP 2PL

‘Вы выявляете одну пятую часть всех преступлений и каждый год не менее пятисот административных правонарушений.’

Хак.

(28) *Мин кічіг туста пічікке Пора Катанов чіли үгрєнгєн ползам, пар-чох кўзім саларчыхпын істі чохтарны орта чолга кирєрге.* [Боргояков 2008: 12]

мин=∅ кічіг тус=та пічік=ке Пора Катанов=∅ чіли үгрєн=гєн
я=NOM детский время=LOC письмо=DAT Pers=NOM как учиться=PP
пол=за=м пар-чох кўз=ім=∅ салар=чых=пын
быть=COND=1Sg все сила=POSS.1Sg=NOM класть=PART=1Sg
іст=і чох=тар=ны орта чол=га кир=єрге
внутри=POSS.3 нет=PL=ACC правильный путь=DAT направлять=INF

‘Если бы я в детстве обучался грамоте, как Пора Катанов, то приложил бы все силы, чтобы направить на правильный путь завистников.’

Таким образом, в тувинском и хакасском языках аккумулятивное маркирование ПД связано, помимо прочего, с явлением лексико-грамматической омонимии. Немаркированность субстантивированных частей речи в позиции ПД создает два вида неоднозначности: во-первых, неоднозначность частеречной принадлежности и семантико-синтаксической роли в предложении, из-за чего высказывание теряет смысловые связи между компонентами; во-вторых, неоднозначность, возникающая в связи с возможной двусмысленной

интерпретацией высказывания. Первый вид неоднозначности возникает преимущественно в связи с употреблением субстантивированных причастий, прилагательных, числительных, местоименных прилагательных, второй – в связи с употреблением субстантивированных наречий, местоименных наречий, служебных слов.

2.3. Семантическая омонимия ³

Основанием «омонимичного прочтения» подлежащего и ПД может быть семантическое сходство. В высказывании объект-пациенс может иметь таксономические признаки субъекта-агенса, что может привести к неоднозначной интерпретации высказывания. Одной из таких сем, создающих омонимичность субъекта-агенса и объекта-пациенса, является одушевленность. Поэтому в некоторых языках мира одушевленные ИГ обязательно имеют эксплицитное маркирование в позиции ПД, которое отличает их от обычно немаркированных подлежащих [Comrie 1989; Aissen 2003; Primus 2007].

В тюркских языках категория одушевленности / неодушевленности в формальной грамматике не выделяется, но существует как скрытая категория. В тувинском языке вопрос *кым?* ‘кто?’ можно задать только к имени, обозначающему человека, а вопрос *чуу?* ‘что?’ к остальным именным классам [Исхаков, Пальмбах 1961: 225]. Таким образом, внутри семантической категории одушевленности / неодушевленности тувинского языка, которая определяется на основе лексико-семантического критерия, возможно выделение оппозиции «личность / неличность», находящей выражение в вопросительных, определительно-отрицательных (*кым-даа* ‘никто, кто-нибудь’, *чуу-даа* ‘ничто, что-нибудь’) и неопределенных (*кым-бир кижги* ‘кто-то’, *кайы-бир чуве* ‘что-то’) местоимениях.

³ Изложение данного раздела преимущественно опирается на статью автора диссертации [Ондар 2022].

В наших тувинских материалах одушевленность характерна для 96 % (2974 примеров) субъектов-агентов, для хакасского языка этот показатель равен 97 % (1536 примеров) ⁴.

Тув.

(29) *Сени манагзааш шаг болдувус.* [Кенин-Лопсан 2000: 6]

сен=и манагза=аш шаг=Ø бол=ду=**вус**
ты=АСС ждать=CV время=NOM быть=PAST=**1PL**

‘Мы тебя жждались.’

Хак.

(30) *Мин сірерні ундубаам паза хақан даа ундубаспын!* [Киргинеков 2011: 36]

мин=Ø сірер=ні унду=баам паза хақан даа
я=NOM вы=АСС забывать=PP.NEG.1Sg и никогда

унду=баспын

забывать=PrP.NEG.1sg

‘Я вас не забыл и никогда не забуду!’

ИГ с неодушевленным референтом в позиции субъекта-агента встречаются только в 4% (132 единиц) в тувинском и 3% (47 единиц) в хакасском языках.

Тув.

(31) < ... > *ол көрүш чүректи шуут өдүп турар.* [Куулар 2013: 7]

ол көрүш=Ø чүрек=ти шуут өд=үп тур=ар
этот взгляд=NOM сердце=АСС вообще пронизывать=CV AUX:стоять=PrP

‘... этот взгляд насквозь пронизывает сердце.’

Хак.

(32) *Минің столым сині хақан даа тимде сагыпча.* [Хулғалар 1991: 23]

минің стол=ым=Ø син=і хақан даа тимде сағы=пча
мой стол=POSS.1Sg=NOM ты=АСС всегда готовый ждать=PRES

‘Мой стол всегда готовый ждет тебя.’

96 % одушевленных субъектов-агентов в тувинском языке (2859 из 2974) и 98 % – в хакасском (1490 из 1536) выражены ИГ, обозначающими людей. Такой высокий процент «субъектов-личностей», на наш взгляд, под-

⁴ Близкие результаты получены на материале норвежского языка в выборке из 1000 предложений переходного типа, где одушевленными оказались референты более 97 % подлежащих [Øvrelid 2004].

тверждает прочные связи признака «личность» и категории субъекта-агенса, что исходит из основной характеристики агентивного участника — иметь волю, быть способным производить действие, описываемое предикатом [Primus 2007].

Такое объяснение согласуется с иерархией одушевленности, представленной выше, и именно по этой причине, вероятно, в тюркских языках вопрос *кым?* ‘кто?’ задается только по отношению к человеку.

Показательным является обязательность аккузативного маркирования вопросительного местоимения *кым?* ‘кто?’ и определительно-отрицательного местоимения *кым-даа* ‘всякий, кто угодно, кто-нибудь, никто’. Л. Йохансон писал об обязательной аккузативной маркированности неопределенного вопросительного местоимения *kim?* ‘кто?’ в турецком языке как исключения из «правила определенности» [Johanson 1977]. Насколько нам известно, практически единственной работой, посвященной роли фактора одушевленности в тюркских языках, является недавняя статья Э. Йарар [Yarar 2018], где на основе обязательности аккузативного маркирования местоимения *kim?* ‘кто?’ в позиции ПД говорится о релевантности фактора одушевленности в дифференцированном маркировании ПД. В некоторых исследованиях можно встретить упоминания о такой закономерности [Тугушева 1966: 121–122; Боргояков 1976: 61–62]. Имея в своем значении сему абстрактной неопределенности, данные классы местоимений используются только при указании на человека. Центральным в семантике данных местоимений является прототипический признак субъекта-агенса – «личность», который, вероятно, и определяет аккузативное маркирование.

Тув.

(33) *Салым-чол ам аңаа удур кымны салыптар деп?* [Ооржак 2006: 21]

салым-чол=∅ ам аң=аа удур **кым=ны** сал=ыпт=ар деп
судьба=NOM сейчас он=DAT против **кто=АСС** ставить=PERF=PrP сказать=CV
‘Кого же судьба выставит против него?’

Хак.

(34) *Кемни кӧрчем?* [Кильчичаков 1991: 16]

кем=ни кӧр=че=м
кто=АСС видеть=PRES=1Sg
'Кого я вижу?'

Нарицательные имена, обозначающие людей, в позиции ПД в наших материалах на тувинском языке получают аккузативное маркирование в 80 % случаев (145 примеров из 181), в хакасском – 82 % (54 примера из 66) ⁵. Процент маркировки ИГ-личностей в позиции ПД аккузативом очень высок. Мы выделили именные группы с такой семантикой в отдельную группу, учитывая то, что на выбор падежного показателя в роли ПД влияет деление имен существительных на «личность», в отношении которых задается вопрос *кым?* 'кто', и на «неличность», в отношении которых задается вопрос *чүү?* 'что'.

В группу «люди» включены термины родства, титулы, половозрастные обозначения людей: *оол* 'мальчик', *уруг* 'девушка, ребенок', *ашак* 'старик', слово *кижи* 'человек' и т. д.

Тув.

(35) *Ол черле чейзеңни өлүрер дивээн, < ... >* [Кудажы 2002: 7]

ол=∅ черле чейзен=ни өлүр=ер ди=вээн
он=NOM все-таки чейзен=АСС убить=PrP говорить=PP.NEG
'Она все-таки не хотела убивать чейзена ⁶...'

Хак.

(36) *Пу паланы позытна, Ариша.* [Доможаков 1975: 27]

пу пала=ны позыт=па Ариша=∅
этот ребенок=АСС отпускать=IMP.NEG.2Sg Ариша=NOM
'Этого ребенка не отпускай, Ариша'.

Нарицательные имена существительные, обозначающие людей, почти всегда получают аккузативное оформление в тех случаях, когда есть необходимость устранения неоднозначной трактовки высказывания, связанная с одушевленностью референта ИГ. Например, если в примере (37) убрать ак-

⁵ Учитывались только случаи употребления ИГ без аффиксов принадлежности, без индивидуализирующих определений, также не учитывались антропонимы, личные местоимения.

⁶ *Чейзен* – название титула в дореволюционной Туве.

кузативное маркирование ИГ *тывалар* ‘тувинцы’, то суть высказывания кардинально изменится: получится, что начали убивать тувинцы, а не наоборот.

Тув.

(37) *Ынаар Хемчикте тываларны өлүрүп эгелей берген дидир.* [Бюрбю 1973: 548]

ынаар Хемчик=те тыва=лар=ны өлүр=үп эгеле=й
там Хемчик=ЛОС тувинец=PL=ACC убивать=CV начать=CV
бер=ген ди=дир
AUX:давать=PP говорить=PrP
‘Поговаривают, что в Хемчике ⁷ начали убивать тувинцев’.

В примере (38) наблюдается аналогичное явление: ИГ *хакастарны* ‘хакасов’ без аккумулятивного маркирования не употребляется, так как может возникнуть неоднозначность. Здесь личное местоимение 3-го лица *ол* ‘она’ может интерпретироваться как указательное местоимение, относящееся к данной именной группе.

Хак.

(38) *Ол хакастарны пир дее көрбеең полған.* [Доможаков 1975: 23]

ол=Ø хакас=гар=ны пир дее көр=беең пол=ған
она=NOM хакас=PL=ACC никогда видеть=PP.NEG AUX:быть=PP
‘Она никогда не видела хакасов’.

Сложности при подсчетах вызывают случаи, в которых трудно решить, какой фактор является определяющим – топикальность или одушевленность, хотя между этими двумя признаками существует определенная корреляция: чем выше объект в иерархии одушевленности, тем он выше в иерархии топикальности [Ландер 2016: 22], т. е. признак одушевленности определяет степень топикальности ИГ.

Такова роль одушевленности и в бесермянском диалекте удмуртского языка, где этот фактор «не налагает строгих ограничений», но имеет «крайне важное значение» наряду с референциальным и коммуникативным статусом ИГ [Сердобольская 2019: 212]. В таком случае «должны учитываться разные

⁷ Название реки в западной Туве.

комбинации значений данных факторов, так как для них действуют правила разной степени строгости» [Там же: 213].

Роль фактора личности, как и практически всех факторов, определяющих дифференцированное маркирование объекта, не носит абсолютного характера, т. е. не все ИГ, обозначающие людей, в позиции ПД получают аккузативное маркирование, что обусловлено тем, что не всегда возникает такая неоднозначность.

Тув.

(39) *Мен барын, эмчи чалап кээйн.* [Бюрбю 1973: 437]

мен=∅ бар=ып эмчи=∅ чала=п кэ=эйн
я=NOM идти=CV врач=NOM приглашать=CV AUX:приходить=IMP.1Sg
'Я вызову врача'.

Хак.

(40) *Амга теере чалчы тутчалар.* [Хулғалар 1991: 17]

ам=га теере чалчы=∅ тут=ча=лар
сейчас=DAT до слуга=NOM держать=PRES=3PL
'До сих пор держат слуг.'

В примере (39) немаркированность ПД, во-первых, связана с рематизированным коммуникативным статусом референтов ИГ *эмчи* 'доктор', во-вторых, между предикатом *чала* 'приглашать, вызывать' и объектом-пациентом *эмчи* 'врач' устанавливается тесная взаимосвязь, так как данное существительное регулярно используется в качестве объекта-пациенса при этом глаголе. Аналогичный случай в хакасском языке проиллюстрирован в примере (40). Такое явление описывается как «вовлеченность в предикативный признак» [Болдырев 2003: 72]. Прототипический признак объекта-пациенса «вовлеченность» предотвращает возможность неоднозначной интерпретации. Это мы будем обсуждать в следующей главе.

При высокой степени вовлеченности неодушевленного имени в предикативный признак перестановка одушевленного субъекта действия в позицию перед сказуемым не приводит к аккузативному маркированию ПД: *Авам=∅ хлеб=∅ садын алды* 'Мама купила хлеб', *Хлеб=∅ авам=∅ садын алды* 'Хлеб купила мама'. При этом синтаксические роли подлежащего и ПД

не меняются, только логическое ударение переходит на ПД. Такая перестановка без изменения смысла высказывания невозможна при неодушевленном подлежащем и одушевленном ПД. Рассмотрим следующий пример: *Машина эмчи эккелген* ‘Машина привезла врача’, **Эмчи машина эккелген*. При перестановке смысл высказывания поменяется, и никакое логическое ударение уже не в силах донести суть высказывания, только аккузативное маркирование способно передать изначальный смысл.

Следующий класс имен, рассматриваемый в контексте одушевленности, – это существительные, обозначающие животных и других живых существ⁸, не являющихся людьми. Особое выделение данной группы продиктовано необходимостью проверки релевантности семы «одушевленность». В наших материалах существительные, обозначающие живых существ, не являющихся людьми, в качестве субъекта-агенса встретились в тувинском языке всего 115 раз в 3106 прототипических переходных клаузах, что составляет 3,7 %, в хакасском 3,9 % (в 64 из 1648 предложений).

Тув.

(41) *Ыт силерниң чүңерни канчапкан?* [Бюрбю 1973: 551]

ыт=Ø силер=ниң чү=нер=ни канча=п=кан
собака=NOM вы=GEN что=POSS.2PL=ACC делать=PERF=PP
 ‘Собака Вам что сделала?’

Хак.

(42) *Күрең ат алын азагынаң адайны чаза саап халган.* [Доможаков 1975: 18]

күрең ат=Ø алын азағ=ы=наң адай=ны
бурый лошадь=NOM передний нога=POSS.3=INSTR собака=ACC
 чаза са=ап хал=ған
 мимо ударить=CV AUX:остаться=PP.3Sg
 ‘Бурый конь мимо ударил собаку передней ногой’.

Данный класс существительных в позиции ПД получает аккузативное маркирование примерно в половине случаев – 52 % (51 из 99 примеров) в тувинском языке и 58 % (44 из 76 примеров) в хакасском языке.

⁸ Например, существа потустороннего мира в примерах из тувинских сказок.

Тув.

(43) *Ынчан сен семис тарбаганны союп ордуң.* [Кенин-Лопсан 2000: 6]

ынчан сен=∅ семис тарбаган=ны сой=уп ор=ду=ң
тогда ты=NOM жирный тарбаган=АСС свежевать=CV сидеть=PAST=2Sg
'Тогда ты сидел и свежевал жирного тарбагана⁹.'

Тув.

(44) *Мергенниң ол чарында шыргай аразынга койгун, торлаа дузактаан болза.* [Тока 1951: 9]

Мерген=ниң ол чары=ын=да шыргай=∅ ара=зын=га
Pers=GEN тот сторона=POSS.3=LOC дебри=NOM промежуток=POSS.3=DAT
койгун=∅ торлаа=∅ дузакта=ан болза
заяц=NOM куропатка=NOM ловить на петлю=PP POSTP
'Как было бы здорово на том берегу Мергена ловить на петлю зайцев и куропаток'.

Хак.

(45) *Хойны паба-ічем хадарчаңнар.* [Киргиников 2011: 49]

хой=ны паба-іче=м=∅ хадар=чаң=нар
овца=АСС отец-мать=POSS.1Sg=NOM пасти=PAST=PL
'Мои родители пасли овец.'

Хак.

(46) *Піс анда, хараазын хой хадарып, хон чөрчеңміс.* [Тиников 1982: 15]

піс=∅ анда хараазын хой=∅ хадар=ып хон
мы=NOM там ночью овца=NOM пасти=CV ночевать
чөр=чең=міс
AUX:ходить=PART=1PL
'Мы там ночевали, по ночам пасли овец'.

В позиции ПД неодушевленные имена существительные маркируются аккумулятивом в 41 % случаев (362 примера из 884) в тувинском языке, 39 % (120 примеров из 306) в хакасском языке. В примерах (47) и (48) представлены кореферентные ИГ, отличающиеся коммуникативным статусом.

Тув.

(47) { *Таалыңның бир талазынче холдааш,* } *пөс хаптан кадарлыг ээги уштуп келген.* [Кудажы 1965: 5]

пөс хап=тан кадарлыг ээги=∅ ушту=п кел=ген
тканевый мешок=ABL высохший ребро=NOM вынуть=CV AUX=PP

⁹ Млекопитающее из рода сурков.

{Засунув руку в одну часть переметной сумы,} вытащил оттуда засохшее ребрышко.’

Тув.

(48) *Соок этти дайнагылаан.* [Кудажы 1965: 5]

соок **эьт=ти** дайна=гыла=ан
холодный **мясо=АСС** жевать=ITER=PP

‘Пожевал холодное мясо.’

Хак.

(49) *Хыйга Кўн Арыг сарысха араласча, оолларына чõп пирче.* [Киргинеков 2011: 50]

хыйга Кўн Арыг=∅ сарыс=ха аралас=ча
умный Pers=NOM спор=DAT участвовать=PRES
оол=лар=ы=на **чõп=∅** пир=че
парень=PL=POSS.3=DAT **совет=NOM** давать=PRES

‘Умная Кун Арыг вмешивается в спор, дает своим сыновьям совет.’

Хак.

(50) *Ырыстыг ис-пайны поэы чаяпча, поэы чуртасты пўдирче.* [Киргинеков 2011: 55]

ырыс=тыг **ис-пай=ны** поэ=ы чая=пча
счастье=POSSV **богатство=АСС** сам=POSS.3 творить=PRES
поэ=ы=∅ **чуртас=гы** пўдир=че
сам=POSS.3=NOM **жизнь=АСС** строить=PRES

‘Сам создает счастливое богатство, сам строит жизнь.’

В калмыцком языке «неодушевленные имена существительные никогда не маркируются в нереферентном, а также и неопределенном употреблении. Если же неодушевленное имя имеет определенный референциальный статус, то немаркированная форма предпочтительнее, а маркированную носители признают возможной, хотя произносят редко» [Коношенко 2009: 51].

В наших материалах хакасское вопросительное местоимение *нине?* ‘что?’, отсылающее к классу имен, обозначающих не-личностей, во всех случаях в позиции прямого дополнения употребляется в номинативе, даже если оно отделено от глагола (пример 52). Аналогичное тувинское местоимение всегда оформляется аккузативом, его мы отдельно рассмотрим в разделе, посвященном топикальности.

Хак.

(51) *Ниме ырлап тирим?* [Хулғалар 1991: 10]

ниме=∅ ырла=п пир=им
что=NOM петь=CV AUX:давать=PrP.1Sg
‘Что мне спеть?’

Хак.

(52) *Ол сагаа ниме чахсы иткен?* [Хай Пырыс 2013: 18]

ол=∅ са=гаа ниме=∅ чахсы ит=кен
он=NOM ты=DAT что=NOM хорошо делать=PP
‘Что хорошего он тебе сделал?’

Обязательное номинативное маркирование вопросительного местоимения, выражающего неодушевленный объект, в позиции прямого дополнения характерно для калмыцкого [Коношенко 2009: 48] и русского языков, в которых оно связывается также с влиянием признака неодушевленности.

Омонимичное данному неопределенное местоимение *ниме* ‘что-то, нечто, что-нибудь’ может употребляться и в номинативе, и в аккузативе, в позиции прямого дополнения в целом оно ведет себя как обычное неодушевленное имя, маркированность которого зависит главным образом от факторов синтагматического характера.

Хак.

(53) *От инезіне ниме пирдіңер бе?* [Боргояков 2008: 14]

от=∅ ине=зі=не ниме=∅ пир=ді=ңер бе
огонь=NOM мать=POSS.3=DAT что=NOM давать=PAST=2PL Q
‘Матери огню что-нибудь давали?’

Хак.

(54) *Андағ даа полза, өөн нимені ундубинчам.* [Тиников 1982: 13]

андағ даа пол=за өөн ниме=ні унду=бинча=м
такой PRTCL быть=COND главный что-то=ACC забывать=PRES.NEG=1Sg
‘Если даже так главное не забываю’.

Таким образом, в тувинском и хакасском языках дифференцированное маркирование одушевленных и неодушевленных ИГ в позиции ПД в целом соответствует иерархии одушевленности: ИГ, референты которых занимают в иерархии одушевленности более высокие позиции, получают аккузативное

маркирование, в то время как неодушевленные объекты остаются чаще немаркированными.

Тув.

ИГ, обозначающие людей (80%) > Одушевленные ИГ (51%) > Неодушевленные ИГ (41%).

Хак.

ИГ, обозначающие людей (82%) > Одушевленные ИГ (58%) > Неодушевленные ИГ (39%).

Субъекты-агенты почти всегда обозначают лица, тогда как одушевленные ИГ, называющие нечеловеческие существа, и неодушевленные ИГ очень редко выступают в роли субъекта-агента, хотя строгого запрета нет. ИГ, обозначающие живых существ, и неодушевленные ИГ в позиции ПД маркируются аккузативом значительно реже, чем ИГ, обозначающие людей. Это показывает релевантность признака «личность» и как прототипического признака категории субъекта-агента, и как фактора, определяющего аккузативное маркирование ПД, что, вероятнее всего, указывает на тесные связи между прототипичностью и дифференцированным маркированием ПД.

Аккузативное маркирование ПД в тувинском и хакасском языках не является средством указания на одушевленность (или личность) референта ИГ, а немаркированность не связана с неодушевленностью (или неличностью) референта ИГ непосредственно. Роль одушевленности для дифференцированного маркирования ПД в тувинском и хакасском языках можно объяснить только через его отношение к стратегии различения субъекта и объекта для предотвращения потенциальной омонимии и двусмысленности высказывания. Если бы аккузативное маркирование служило грамматикализации категории одушевленности / неодушевленности (личности / неличности), то мы видели бы более последовательное аккузативное маркирование одушев-

ленных и немаркирование неодушевленных ИГ. Фактически фактор одушевленности вступает в силу лишь в тех случаях, когда требуется разграничение субъекта-агенса и объекта-пациенса.

2.4. Семантико-прагматическая омонимия

Кроме «врожденных» семантических признаков, основой омонимичности подлежащего и ПД могут быть семантико-прагматические признаки. Одним из таких признаков является «топикальность», которую мы признаем одним из важных признаков категории «подлежащего» и факторов, определяющих аккумулятивное маркирование прямого дополнения.

2.4.1. Топикальность

Референт интерпретируется как топик (тема) предложения, если в данной ситуации предложение относится к этому референту, т. е. выражает информацию, имеющую отношение к этому референту и увеличивающую знания адресата об этом референте [Lambrecht 1994: 131]. Рема определяется как семантический компонент прагматически структурированного предложения, посредством которого утверждение отличается от предпосылки [Lambrecht 1994: 213].

Нейтральные линейные позиции темы и ремы определяются обычно стандартным порядком слов и базовой коммуникативной структурой предложения. Первую позицию занимает подлежащее, которое является «первым претендентом на роль смысловой темы» [Падучева 2010: 116]. В тюркских языках сказуемое занимает конечную позицию и заключает в себе новую информацию о теме высказывания, «поэтому сказуемое на своем обычном месте всегда обладает коммуникативной активностью» [Амиров 1970: 38], т. е. обычно рематизировано. Прямое дополнение как компонент сказуемостной группы занимает предсказуемостную примыкающую позицию и чаще входит

в ремю высказывания вместе со сказуемым. Е. В. Падучева называет это «нормальной ремой», т. е. ремой предложения с нейтральной коммуникативной структурой: «Рема, являющаяся группой подлежащего или дополнения, как правило, сдвинутая; рема, являющаяся группой сказуемого, как правило, нормальная» [Падучева 2010: 117]. «Нейтральная коммуникативная структура – это такая, которая находится в наиболее естественном соответствии с синтаксической структурой и лексическим составом предложения» [Там же: 108]. Таким образом, в тюркских языках порядок компонентов [S]_{тема} [OV]_{рема} является коммуникативно нейтральным, или прототипическим.

«Топикальность, понимаемая как закреплённая на уровне грамматики (средствами порядка слов и/или иных маркеров) устойчивая связь между синтаксической позицией и коммуникативным статусом темы, признается одним из подлежащих свойств» [Циммерлинг 2019: 349]. Каноническое подлежащее обычно топикально, но нет запрета на несоответствие подлежащего со статусом темы, т. е. допускаются употребления в позиции ремы, хотя в статистически преобладающем случае имеют статус темы [Циммерлинг 2019: 349].

Как отмечал Б. Комри, в естественных языках определённые грамматические отношения имеют тенденцию характеризоваться определёнными признаками, в частности, подлежащее склонно быть определённым, одушевлённым и топикализированным, в то время как прямые дополнения склонны быть неопределёнными, неодушевлёнными и быть ремой [Comrie 1989: 19].

В реальном высказывании топикальное прямое дополнение (объект-пациент) обычно получает аккузативное маркирование. Ю. А. Ландер пишет, что «чем выше пациент в иерархиях топикальности, тем скорее он будет маркирован как таковой», и объясняет это тем, что здесь нарушаются ожидания: «необходимо специально маркировать функцию, поскольку ожидается, наоборот, более типичная функция агенса» [Ландер 2016: 22].

Однако топикальность может быть и парадигматической, т. е. некоторые ИГ имеют внутренние свойства, определяющие ее потенциальный топикальный статус в высказывании. К таким классам слов относятся личные, указательные, определительные, вопросительные местоимения (в тувинском языке) и имена собственные.

К основным общим характеристикам данных классов ИГ являются следующие. Референты данных местоимений и имен собственных не обязательно имеют высокую дискурсивную значимость, однако, по крайней мере, в определенном эпизоде дискурса имеют тематический (топикальный) статус. В объектно-предикатных отношениях они не образуют лексического и синтаксического единства. Когда они употребляются в позиции ПД, то должны получать эксплицитное маркирование как «подлежащеподобные» ИГ во избежание синтаксической неоднозначности.

2.4.1.1. Личные местоимения

«Личные местоимения указывают на лица по их отношениям к лицу говорящего, поэтому они соотносительны с существительными, изменяются по падежам и в предложении выполняют те же функции, что и существительные» [Исхаков, Пальмбах 1961: 216].

В тувинском языке личные местоимения (*мен* ‘я’, *сен* ‘ты’, *бис* ‘мы’, *силер* ‘вы’, *ол* ‘он, она, оно’ *олар* ‘они’) в аккумулятиве единственного числа присоединяют аффикс *-и*, *-у*, во множественном числе – *-ти*, *-ни*, *-ны*. Личные местоимения в хакасском языке (*мин* ‘я’, *син* ‘ты’, *нис* ‘мы’, *сирер* ‘вы’, *ол* ‘он, она, оно’ *олар* ‘они’) в аккумулятиве единственного числа присоединяют аффикс *-i*, *-ны*, во множественном числе – *-ти*, *-ни* / *-ны*.

Личные местоимения имеют анафорические и дейктические значения. Дейктическое значение предполагает отсылку к участникам акта речи и выражает пресуппозицию существования конкретного единичного объекта в общем «поле зрения» говорящего и слушающего [Падучева 2010: 133],

о котором обычно и идет речь в высказывании, где он упоминается, поэтому они чаще составляют тему в коммуникативной структуре высказывания. Что касается референтов действительных местоимений 1-го и 2-го лица, то они имеют наивысший топикальный статус как главные участники речевого акта и чаще всего находятся в позиции подлежащего. Анафорические местоимения отсылают к высказыванию, выражая кореферентные связи между элементами дискурса [Там же: 133]. И в каждом последующем упоминании обычно являются частью темы в качестве данного, точкой отсчета коммуникативной структуры высказывания.

Тув.

(55) *Бо дүне сени өлүргөш, тос шилги аьдыңны олчалап алыр.* [Тувинские народные сказки 1994: 250]

бо	дүне	се=ни	өлүр=гөш	тос	шилги
этот	ночью	ты=АСС	убивать=CV	девять	рыжий
аьд=ың=ны			олчала=п	ал=ыр	
лошадь=POSS.2Sg=АСС			отбирать=CV	AUX:брать=PrP	

‘Сегодня ночью убив тебя, отберут у тебя девять рыжих коней.’

Хак.

(56) *Галя пісті кірлеп салбас.* [Киргинцев 2011: 36]

Галя=∅	піс=ті	кірле=п	сал=бас
Pers=NOM	мы=АСС	марать=CV	AUX:клясть=PrP.NEG

‘Галя нас не запятнает.’

На наш взгляд, обязательное аккузативное маркирование личных местоимений в позиции ПД исходит из положения, что они обычно являются главными действующими лицами ситуации. А одним из ключевых признаков прототипа является то, что по сравнению с «нетипичными» представителями категории они характеризуются большей частотностью употребления [Rosch, Mervis 1975].

Тув.

(57) *Мени өлүрбейн көр.* [Тувинские народные сказки 1994: 252]

ме=ни	өлүр=бейн	көр=∅
я=АСС	убивать=NEG.CV	AUX:смотреть=IMP.2Sg

‘Пожалуйста, не убивай меня’.

Хак.

(58) *Оларны харга-саасханнар үдес чөргеннер* [Тиников 1982: 21].

олар=ны харга-саасхан=нар=Ø үдес чөр=ген=нер
они=АСС ворона-сорока=PL=NOM провожать AUX:ходить=PP=3PL
'Их провожали вороны-сороки.'

Таким образом, «активная позиция» является одним из важных сигналов их субъектной прототипичности, и именно поэтому они занимают вершину иерархии одушевленности. Даже в роли ПД данные классы местоимений стремятся занять позицию в начале предложения. К тому же в иерархиях одушевленности, определенности и топикальности личные местоимения занимают самые высшие позиции.

2.4.1.2. Указательные местоимения

Указательные местоимения содержат в себе общее значение указания на предмет (тув. *бо*, хак. *ну* 'этот', хак., тув. *ол* 'тот', тув. *дөө / доо / дүү / дуу*, хак. *тиги* 'тот, вон тот'), на их качество (тув. *ындыг*, хак. *андаг* 'такой', тув. *мындыг*, хак. *мындаг* 'такой') или количество (тув. *мынча*, *ынча*, хак. *мынча* 'столько'). Они склоняются и принимают аффиксы принадлежности. Указательные местоимения употребляются как в анафорической, так и в дейктической функциях [ЛЭС 1990: 295]. Указательные местоимения в тюркских языках относятся к субстантивированным, так как изначально они служили определительными словами, например, *бо кижги* 'этот человек', *бо чүүл* 'эта вещь', *ол кижги* 'тот человек', *ол чүүл* 'та вещь'. Как в случаях с числительным и прилагательным, определяемое указательным местоимением слово, выраженное существительным, опущено. На это указывают авторы «Грамматики хакасского языка» и делят указательные местоимения на две группы:

1) указательно-определительные местоимения, функционирующие в качестве определения. К ним относятся *ну*, *ол*, *тиги*. Местоимение *ол* является одновременно и личным местоимением 3-го л. ед. ч.;

2) указательно-субстантивные местоимения [Грамматика хакасского языка 1975:148].

В примере (59), например, вместо *ону* ‘его’, можно сказать *ол яблокту* ‘то яблоко’, а в примере (60) вместо *аны-мыны* ‘то-сё’ можно сказать *ол-пу нимелерни* ‘те вещи’.

Тув.

(59) *Ону чүгле чаңгыс согун-биле дүжүр адар.* [Ооржак 2006: 12]

о=ну	чүгле	чаңгыс	согун-биле	дүжүр	ад=ар
то=АСС	только	один	стрела-INSTR	спускать	стрелять=PrP

‘Только одной стрелой нужно его поразить.’

Хак.

(60) *Аны-мыны килістіріп, Аар-пеер тутлас турадыр.* [Киргиников 2011: 37]

а=ны-мын=ы	киліс=тір=іп	аар-пеер
он=АСС-такой=АСС	подгонять=CAUS=CV	туда-сюда
тут=ла=с	тур=адыр	
держать=ITER=RECIP	AUX:стоять=PRES	

‘Прикладывает одно к другому она, Подгоняет, выравнивает.’

Однако основной причиной их обязательного аккузативного маркирования является то, что обычно они топиализованы. Этим объясняется и обязательность аккузативного маркирования ИГ с определением – указательным местоимением, о чем также писали многие исследователи данной темы [Батманов 1938; Майзель 1957; Исхаков, Пальмбах 1961; Боргояков 1976; и др.].

2.4.1.3. Определительные местоимения

«К определительным местоимениям тувинского языка относятся такие слова, как *бүгү* ‘весь’, *бүгүде* ‘все’, *бүрүн* ‘весь’, *дооза* ‘все’, *дөгере* ‘все’, *төдү* ‘все’, *хамык* ‘весь’, *шупту* ‘весь’, *бүрү* ‘каждый, всякий’, *болган-на* ‘каждый, всякий’ и некоторые другие» [Исхаков, Пальмбах 1961: 239]. К определительным местоимениям хакасского языка относятся *прай* ‘весь, вся, все, всё’ и *полган на* ‘каждый, всякий, любой’. Эти местоимения являются обобщенно-качественными определениями: *прай чон* ‘весь народ’, *полган*

на *kızı* 'каждый человек' [Баскаков 1975: 156]. Сочетания определительных местоимений с аффиксами принадлежности образуют личные формы, имеющие собирательное значение: *прайзы* 'все они', *прайзыңар* 'все вы', *прайзылары* 'все они' [Баскаков 1975: 156]. Данный разряд местоимений указывает на совокупность объектов.

Определительные местоимения обычно выступают в качестве определений, но когда они стоят после имен, с которыми связаны по смыслу, то принимают аффиксы принадлежности, а если при этом управляются глаголом, то изменяются по падежам. В этом случае «между ними и предшествующим именем-определением, как правило, возникает притяжательная связь: предшествующее имя или личное местоимение ставится в основном или родительном падеже, а определительное местоимение (второй компонент словосочетания) получает соответствующий притяжательный аффикс» [Исхаков, Пальмбах 1961: 241]. Реже встречаются случаи склонения определительных местоимений без притяжательных аффиксов: *бо бугуну* 'это все' [Исхаков, Пальмбах 1961: 241].

Как отмечали практически все исследователи дифференцированного маркирования прямого дополнения в тюркских языках и как показывают материалы и тувинского, и хакасского языков, определительные местоимения в позиции ПД всегда оформляются аккузативом. Определительные местоимения в позиции определения также требуют обязательного аккузативного маркирования ПД.

М. И. Боргояков отмечал, что определительные и указательные местоимения в качестве определений «указывают на индивидуальный признак предмета или же совокупность предметов. Благодаря этому предмет (объект) выделяется из общего фона однородных предметов и представляется более конкретно. При помощи этих местоимений у слушателя и читателя создается индивидуализированный образ объекта и таким образом достигается наибольшая выразительность» [Боргояков 1976: 64].

Однако определительные местоимения могут указывать на какое-то конкретное множество, а могут указывать на абстрактное множество [Падучева 2010: 96], тем не менее в обоих случаях они выражают универсальную определенность, связанную с высокой позицией в иерархии топикальности.

Тув.

(61) *Харалаан, орук ара түрк доскуулга таваржы бергеш, арткан дайынчыларын барык шуптузун чидирген.* [Куулар 2013: 13]

хараалаан	орук=∅	ара	түрк	доскуул=га	
к сожалению	дорога=NOM	POSTP	тюркский	дозор=DAT	
таварж=ы	бер=геш	арт=кан	дайынчы=лар=ы=н	барык	
наткаться=CV	AUX:давать=CV	оставаться=PP	воин=PL=POSS.3=ACC	почти	
шупту=зу=н	чидир=ген				
все=POSS.3=ACC	терять=PP				

‘К несчастью, он потерял почти всех оставшихся воинов, наткнувшись по дороге на тюркский дозор.’

Хак.

(62) *Мини тут салыңар пастыхха, мин прайзын таным.* [Киргинеков 2011: 40]

мин=i	тут	сал=ыңар	пастых=ха	мин=∅
я=ACC	держать	AUX:клясть=IMP.2PL	начальник=DAT	я=NOM
прайзы=н	тан=им			
все=ACC	узнавать=PrP.1Sg			

‘Меня выберите в начальники – я всех буду узнавать.’

Также встречаются примеры определительных местоимений без аффикса принадлежности.

Тув.

(63) <...> *өске-даа хөй-хөй аас чогаал күүселделери хамыкты кайгаткан.* [«Шын», 17 июня 2014, №74: 4]

өске-даа	хөй-хөй	аас-чогаал=∅	күүселде=лер=и=∅
другой-PRTCL	много	фольклор=NOM	исполнение=PL=POSS.3=NOM
хамык=ты	кайгат=кан		
все=ACC	удивлять=PP		

‘<...> и много других фольклорных исполнений удивило всех’.

Тув.

(64) *Ол-ла бүгүнү Долзат бо эртен дүүн чаа болган чүве дег сактып турган.* [Даржай 1984: 9]

ол=ла	бүгү=нү	Долзат=∅	бо	эртен	дүүн	чаа	бол=ган
тот=PRTCL	весь=ACC	Pers=NOM	этот	утро	вчера	только что	быть=PP

чуве дег сакт=ып тур=ган
вещь как вспоминать=CV AUX:стоять=PP

‘Все это этим утром Долзат вспоминала, как будто это было только вчера.’

К семантико-прагматической омонимии мы также относим отношения определительного местоимения тув. *бот*, хак. *нос* ‘сам’ в позиции прямого дополнения и субъекта этого же предиката. Данное местоимение, как возвратное местоимение в русском языке, «отсылает к субъекту того же предиката, которому подчинено местоимение» [Падучева 2010: 133], поэтому для устранения омонимичности кореферентных актантов одного и того же предиката ПД обязательно маркируется аккузативом. Поскольку референт данного местоимения всегда связан с подлежащим, оно имеет топиальную природу.

Тув.

(65) *Уруг бодун кончуй берген.* [Монгуш 2012: 7]

уруг=∅ бод=у=н кончу=й бер=ген
девушка=NOM сам=POSS.3=ACC ругать=CV AUX:давать=PP

‘Девушка начала ругать себя.’

Хак.

(66) *Позым позымны махтабаспын.* [Тиников 1982: 23]

поз=ым=∅ поз=ым=ны махта=бас=пын
сам=POSS.1Sg=NOM сам=POSS.1Sg=ACC хвалить=PrP.NEG=1Sg

‘Сам себя не буду хвалить.’

2.4.1.4. Вопросительное местоимение *чүү?* ‘что?’

В тувинском языке представлены следующие основные вопросительные местоимения: *кым?* ‘кто?’, *чүү?* ‘что?’, *кандыг?* ‘какой?’, ‘каков?’, *кайы?* ‘который?’, *каш?* / *чеже?* ‘сколько?’, *кайда?* ‘где?’, *кажсан?* ‘когда?’ и т. д.

Все вопросительные местоимения в позиции ПД требуют обязательно-аккузативного маркирования, в том числе и вопросительное местоимение *чүү?* ‘что?’, аналог которого в хакасском языке в этой же позиции не маркируется.

В тувинском языке вопросительное местоимение *чүү?* ‘что?’ в позиции прямого дополнения в наших материалах встретилось 35 раз, и во всех случаях без исключения оно стоит в аккумулятиве.

Тув.

(67) *Чүнү дүжедиң?* [Тыва улустун тоолдары 2012: 27]

чү=нү *дүже=ди=ң*
что=ACC *видеть сон=PAST=2Sg*
‘Что тебе снилось?’

Мы предлагаем этому следующее объяснение. Коммуникативная специфика вопросительных предложений состоит в выяснении неизвестной информации. Если говорить о предложениях с вопросительными местоимениями, то содержание предложения актуализирует информацию о том, что выражается вопросительным местоимением. Вопросительное местоимение выражает нечто неизвестное, а вся остальная часть высказывания является комментарием к предмету вопроса, т. е. рематизированной частью высказывания. Ответное высказывание будет содержать эти же компоненты, однако темарематические роли поменяются местами, т. е. ремой станет ответ на основной вопрос, а вся остальная часть высказывания будет темой. Таким образом, основной причиной обязательного аккумулятивного маркирования данного вопросительного местоимения и других местоимений этого класса мы считаем признак топикальности.

Кроме того, производное от него определительно-отрицательное местоимение *чүү-даа* ‘ничто, что-либо’ также всегда маркируется аккумулятивом (пример 64), что, вероятно, объясняется отношением производности.

Тув.

(68) *Соскар чүнү-даа дыңнаваан.* [Кудажы 2002: 12]

Соскар=∅ *чү=нү-даа* *дыңна=ваан*
Pers=NOM *ничто=ACC-PRTCL* *слышать=PP.NEG*
‘Соскар ничего не слышал.’

Необходимо отметить, что в номинативе вопросительное местоимение *чүү?* ‘что?’ употребляется при глаголе *дээр* ‘говорить’ (пример 69), которое не является прямым объектом, что иллюстрирует пример (70).

Тув.

(69) *Ачам чүү дидир?* [Тыва улустун тоолдары 2012: 49]

ача=м=∅ **чүү=∅** ди=дир
отец=1Sg=NOM **что=NOM** сказать=PAST
‘Что мой отец сказал?’

Тув.

(70) *Ынчаарга Агылыгда «Чодураа» колхозту чүү дээр силер?* [Кудажы 1965: 36]

ынчаарга Агылыг=да Чодураа=∅ **колхоз=ту** **чүү=∅** дэ=эр
тогда Pers=LOC Pers=NOM **колхоз=ACC** **что=NOM** говорить=PP
силер
2PL

‘Тогда что скажете о колхозе «Чодураа» в Агылыге?’

2.4.1.5. Имена собственные

Следующая ИГ, обязательно маркируемая аккумулятивом, – это имена собственные. Они абстрагированы от конкретных лиц или объектов, а в коммуникативной ситуации максимально индивидуализированы и актуализируют знания участников речевого акта о называемом объекте. Имена собственные, являясь непосредственными наименованиями конкретных референтов, выражают максимальную определенность, поскольку они близки к дейктическому потенциалу местоимений. Всякий раз, когда имя собственное употребляется в живой речи, и для говорящего и для слушающего оно обозначает лишь один конкретный объект и ограничивается только им [Боргояков 1976: 59].

Тув.

(71) *Ол келген дораан Буянны хары-буру чок буруудадып-ла эгелээн* [Кудажы 2002: 12]

ол=∅ кел=ген дораан **Буян=ны** хары-буру=∅ чок
он=NOM приходить=PP сразу **Pers=ACC** вина=NOM нет

буруудад=ып=ла эгелэ=эн
винить=CV=PRTCL начать=PP

‘Он как пришел, сразу начал винить Буяна’.

Хак.

(72) *Аны хоостыра піс Алтынайны суурып аларбыс.* [Киргиников 2011: 46]

а=ны хоостыра піс=∅ **Алтынай=ны** суур=ып
он=АСС через мы=НОМ **Pers=АСС** снимать=CV
ал=ар=быс
AUX:братъ=PrP=1PL

‘Заодно и Алтынай снимем.’

Тув.

(73) *Бай-Тайгадан баткаш, Барыынны эрткеш, Чадаанга чоокшулап кел чыткан бис.* [Монгуш 2012: 6]

Бай-Тайга=дан бат=каш **Барыын=ны** эрт=кеш Чадаан=га
Бай-Тайга=ABL спускаться=CV **Барыын=АСС** проезжать=CV Чадаан=DAT
чоокшула=п кел чыт=кан бис
приближаться=CV приезжать AUX:лежать=PP 1PL

‘Выехав из Бай-Тайги, проехав Барыын, мы подъезжали к Чадану.’

Если анализировать с точки зрения структуры лексического значения по схеме: сигнификат – денотат – коннотат, то для имен собственных и местоимений характерно отсутствие ярко выраженного сигнификативного значения, т. е. в системе языка отсутствует некое понятийное ядро значения. Они обретают и реализуют свое значение только в рамках дискурса, т. е. всегда являются референтными. Более того, в дискурсе иметь собственное имя могут только дискурсивно значимые, топикальные участники. Общим в семантике имен собственных является «топикальность» и категориальная сема «ненарицательность».

Обязательность аккузативного маркирования антропонимов М. И. Боргояков связывал с признаком одушевленности. Он писал, что «порядок оформления винительным и основным падежом прямого дополнения, выраженного именами собственными, первоначально был связан с категорией одушевленности-неодушевленности, базирующейся на понятиях “лицо” – “нелицо”, “класс лиц” – “класс (нелиц) вещей”, а не с определенностью-

неопределенностью, так как любое имя собственное уже есть что-то определенное и конкретизированное» [Боргояков 1976: 60].

«Собственные имена неодушевленных предметов вместо винительного падежа оказываются в основном падеже. Это случается, главным образом, при глагольных послелогах, например, “Ленин чолы” *пастыра* ‘через (газету) “Ленин чолы”» [Боргояков 1976: 60]. Однако в позиции ПД все имена собственные чаще маркируются аккузативом, поэтому основной мотив здесь должен быть связан не с одушевленностью. Хотя не исключено, что одушевленность действительно играет важную роль в выборе аккузативного маркирования антропонимов, которые всегда получают эксплицитное маркирование, антропонимы в большей степени вступают в конкуренцию за место субъекта-агенса высказывания.

Таким образом, топикальность как семантико-прагматический признак подлежащего может быть основой парадигматических отношений между определенным классом ИГ, которые в позиции ПД могут претендовать на роль подлежащего. Аккузативное маркирование ПД в данных случаях устраняет потенциальную омонимию подлежащего и ПД.

2.4.2. Референциальный статус¹⁰

Поскольку референциальный статус ИГ представляется одним из главных факторов, влияющих на выбор в пользу маркирования ПД в тюркских языках, здесь мы рассмотрим данный признак как один из семантико-прагматических характеристик ИГ.

Семантико-прагматическая омонимия в данном случае может возникнуть на основе того, что «референциально эталонным подлежащим является конкретно-референтная, определенная ИГ. ИГ с другими референциальными статусами являются нестандартными, референциально неполноценными под-

¹⁰ Изложение данного раздела преимущественно опирается на статью автора диссертации [Ондар 2022].

лежащими» [Бергельсон, Кибрик 1987: 26], т. е. конкретно-референтная, определенная ИГ в позиции ПД может составлять конкуренцию за позицию подлежащего. Б. Комри считает, что определенность является одним из прототипических свойств субъекта-пациенса [Comrie 1989: 19].

Референциальный статус ИГ – это её обязательная семантико-прагматическая характеристика [Падучева 2010]. В языках мира референциальный статус может передаваться посредством определенных и неопределенных артиклей, однако тюркские языки не имеют артиклей, хотя числительное *бир* ‘один’ иногда выполняет роль неопределенного члена (артикля) [Исхаков, Пальмбах 1961: 249].

По определению Е. В. Падучевой, референция – это «соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями» [Падучева 2010: 79]. Референциальный статус ИГ определяется соотнесенностью с референтом, т. е. тем или иным индивидуальным объектом внеязыковой действительности [Там же: 83]. Референциальные статусы, таким образом, подразделяются на референтные и нереферентные. Далее референтные ИГ делятся на определенные, слабо определенные и неопределенные. ИГ осмысливается как определенная, если говорящий уверен, что её референт однозначно устанавливается слушающим. Слабо определенные ИГ указывают на объекты, «известные говорящему, но предполагаются неизвестными слушающему». А неопределенная референтная ИГ – это объекты, которые неизвестны ни говорящему, ни слушающему [Там же: 86–93]. Нереферентные ИГ «не обозначают никаких индивидуализированных объектов» [Там же: 94]. Близкой трактовки референциального статуса ИГ придерживался Т. Гивон: референтными являются ИГ, которые признаются говорящим существующими в рамках данного дискурса. Определенными, по мнению Т. Гивона, являются референтные ИГ, про которые говорящий имеет все основания полагать, что слушающий может каким-то образом сопоставить ей уникального референта [Givón 1983].

Аналогично иерархии одушевленности в типологической литературе выстроена иерархия определенности [Givón 1983: 407; Comrie 1989: 134–136; Aissen 2003], которая в усеченном виде выглядит так: *Определенные ИГ > Неопределенные референтные ИГ > Нереферентные ИГ*.

Чем выше ИГ в иерархии, тем больше вероятность ее эксплицитного маркирования в позиции ПД, соответственно, чем ниже, тем больше вероятность остаться немаркированной [Aissen 2003].

Приведем количественные данные, характеризующие определенность / неопределенность субъектов-агентов по нашим материалам (табл. 1). В тувинском языке субъекты-агенты оказались определенными в 2694 случаях из 3106, что составляет 87 %; неопределенные субъекты-агенты отмечены в 412 примерах (13 %). Важно отметить, что в выборку включены неопределенно-личные переходные предложения, которые преимущественно и составляют весь массив неопределенных субъектов-агентов.

Для объектов-пациентов результаты таковы: из 4431 употребления определенный референциальный статус имеют 3270 (74 %), неопределенный статус – 1161 (26 %), из которых 851 (19 %) – неопределенные референтные, 310 (7 %) – нереферентные (табл. 1).

Таблица 1

Результаты статистического подсчета распределения признака референциального статуса

Признак	Роль	
	Субъект-агент	Объект-пациент
Определенность	87 % (2694)	74 % (3270)
Неопределенность	13 % (412)	19 % (851)
Нереферентность		7 % (310)

Таким образом, и субъект-агент, и объект-пациент примерно с одинаковой частотой характеризуются определенным референциальным статусом, хотя наблюдается небольшая разница в пользу субъекта-агента.

В табл. 2 представлена зависимость формы выражения ПД номинативом или аккузативом в зависимости от определенности / неопределенности и референтности ИГ.

Таблица 2

Маркированность ПД и референциальный статус ИГ

Маркер	Референциальный статус ИГ					
	Определенные ИГ		Неопределенные референтные ИГ		Нереферентные ИГ	
	Тув.	Хак.	Тув.	Хак.	Тув.	Хак.
ACC	96% (3270)	97% (1265)	39% (332)	41% (175)	29% (90)	38% (80)
NOM	4% (131)	3% (45)	61% (519)	59% (250)	71% (220)	62% (130)

«Именной группе со статусом определенности соответствует презумпция существования и единственности объекта в общем поле зрения говорящего и слушающего» [Падучева 2010: 87]. Как видно из табл. 2, определенные ИГ почти всегда получают аккузативное маркирование.

Тув.

(74) *Дүрген, аътты ал!* [Кудажы 1965: 7]

дүрген **аът=ты** ал=∅
 быстро **лошадь=ACC** **брать=IMP.2Sg**
 ‘Быстро, бери лошадь!’

Хак.

(75) *Стол кистінде одырган аалчылар инейекті чөптөпчелер.* [Хакас чонының нымахтары 1986: 25]

стол=∅ кистінде одыр=ған аалчы=лар=∅ **инейек=ті**
 стол=NOM позади сидеть=PP **гость=PL=NOM** **бабушка=ACC**
 чөпте=пче=лер
 уговаривать=PRES=3PL
 ‘Сидевшие за столом гости уговаривают бабушку.’

Однако есть некоторые случаи, когда ПД с определенным референциальным статусом не получает аккузативного маркирования.

Чаще всего в позиции ПД аккузативное маркирование не получает посессор посессивной именной конструкции 1-го и 2-го лица, который всегда

референтен и определен через отношение к говорящему или слушающему. Подробнее рассмотрим данный случай в разделе «Маркирование прямого дополнения в составе ИКЗ с посессором в 1-м и 2-м лицах».

Тув.

(76) *Мен дуңмаларым эдерттип алгаиш, чээргеннеп чоруптум.* [Кенин-Лопсан 2000: 8]

мен=∅ дуңма=лар=ым=∅ эдерт=ип ал=гаиш
 я=NOM младший брат (сестра)=PL=POSS.1Sg=NOM брать с собой=CV AUX=CV
 чээрген=не=п чору=пт=ум
 щепка=VRBLR=CV уходить=PERF=1Sg

‘Взяв с собой своих младших братьев и сестер, пошла за щепками’.

Хак.

(77) *Чарным агырта пазыбыстың.* [Хакас чонының нымахтары 1986: 13]

чарн=ым=∅ агырта паз=ыбыс=ты=ң
 лопатка=POSS.1Sg=NOM больно давить=PERF=PAST=1Sg

‘Плечо мне до боли надавил [ты].’

Во-вторых, иногда аккузативом не маркируются определенные ПД, характеризующиеся прототипическим признаком объекта-пациенса – «вовлеченностью в предикативный признак».

Тув.

(78) {*От салып, шай чылыда бээр. < ... >*} *Шай кудар.* [Бюрбю 1973: 544, 545]

шай=∅ куд=ар
 чай=NOM наливать=PP

‘{Затопив печь, разогревает чай.} < ... > Наливает чай’.

В примере (78) речь идет о чае, который один из участников ситуации только что разогрел. Сочетание *шай кудар* ‘наливать чай’ составляет устойчивое синтаксическое единство, высказывание носит общеинформативный характер: отвечает на вопрос: *что делает?*, ПД и предикат находятся в реме. Речь идет о том, что делает участник ситуации, а не о чае.

В хакасском языке наблюдаем такую же закономерность.

Хак.

(79) *Амох үгре хайнап парар, үгре ізебістер* [Боргояков 2008: 14]

амох үгре=∅ хайна=п пар=ар үгре=∅ із=ебіс=тер
сейчас суп=NOM вариться=CV AUX=PrP суп=NOM пить=FUT=3PL
'Сейчас суп сварится, будем кушать'.

М. И. Боргояков писал, что определенные нарицательные ИГ употребляются в основном падеже, только если прямое дополнение находится непосредственно перед глаголом и логически не выделено: *Илона клуб арыгланча* 'Илона убирает клуб' [Боргояков 1976: 61]. «Логическое ударение», которое так часто упоминается в грамматических описаниях дифференцированного маркирования прямого дополнения в тюркских языках, связано с актуальным членением предложения, а именно с тематизацией компонента коммуникативной структуры высказывания. В примере М. И. Боргоякова суть предложения состоит в сообщении о том, чем занимается Илона, поэтому остальная часть высказывания является ремой. Таким образом, определенность референта прямого дополнения не всегда имеет решающую роль в аккузативном маркировании.

В-третьих, немаркированность ПД с определенным референтом связана с явлением, когда слово *кижи* 'человек' в тувинском языке применяется к самому говорящему, к 1-му лицу, т. е. референт ИГ в данном случае – это сам говорящий.

(80) *Ой, кижигүзе шааптың, Өскүс-оол.* [Тувинские народные сказки 1994: 260]

ой кижигүзе=∅ үз=е шаа=пт=ың Өскүс-оол=∅
INTJ человек=NOM отрезать=CV AUX=PERF=2Sg Pers=NOM
'Ой, смотри, не отрежь меня, Оскюс-оол'.

Данное явление в тюркских языках Южной Сибири достаточно распространено и реализуется обычно в прямой речи. Слово *кижи* употребляется здесь в качестве эфемизма, смягчающего конкретизацию.

Этим ограничивается список определенных ИГ, не получающих аккузативного маркирования в позиции ПД.

Однако большего внимания требуют случаи аккузативного маркирования неопределенных и нереферентных ИГ. Согласно статистическим данным, представленным в табл. 2, в тувинском языке неопределенные референтные ИГ маркируются аккузативом в 39 % случаев, а нереферентные – в 29 %, в хакасском – 41 % и 38 % соответственно, чего не может быть, если следовать логике: определенные – маркируются, неопределенные – не маркируются.

По Е. В. Падучевой, неопределенная ИГ включена «в некоторое множество – открытое, т. е. задаваемое общим именем (например, *какой-то учебник*), или определенное, т. е. находящееся в общем поле зрения говорящего или слушающего (например, *кто-то из нас*). <...> Объект, обозначаемый с помощью неопределенной ИГ, индивидуализируется именно своим участием в ситуации, которая описана в данном предложении – а не заранее, как в случае определенной ИГ, которой соответствует презумпция существования и единственности» [Падучева 2010: 92].

Референтная, но неопределенная ИГ, чаще находящаяся в реме высказывания отдельно или вместе с предикатом, обычно не получает аккузативного маркирования. ИГ данного типа часто сопровождаются числительным *бир* ‘один’ в качестве неопределенного артикля.

(81) <...> уруг Эресче бир-ле саазын сунган. [Кудажы 1965: 21]
 уруг=∅ Эрес=че бир-ле саазын=∅ сун=ган
 девушка=NOM Pers=LAT один=PRTCL бумага=NOM протягивать=PP
 ‘<...> девушка протянула Эресу какую-то бумагу’.

Аккузативное маркирование получают неопределенные референтные ИГ, которые оказываются в теме высказывания, т. е. являются тем, о чем идет речь в высказывании. Обычно в таких предложениях ПД линейно отделено от сказуемого, однако имеется много примеров, где ПД находится непосредственно перед управляющим глаголом.

Тув.

(82) *Мен дээк чаагай чемни кылып каар мен.* [Монгуш 2012: 10]

мен=∅ дээк чаагай **чем=ни** кыл=ып ка=ар мен
я=NOM очень вкусный **еда=АСС** делать=CV AUX:оставлять=PP 1Sg
'Я приготовлю очень вкусную еду.'

Тув.

(83) *Бир сөстү балай иткеш, улай бижиир.* [Бюрбю 1973: 404]

бир **сөс=тү** бала=й ит=кеш ула=й
один **слово=АСС** вычеркивать=CV AUX:толкать=CV добавлять=CV
бижи=ир
писать=PP
'Вычеркнув одно слово, пишет далее.'

Хак.

(84) *Тирлиг аргазына киис үчүргени салбаам, чайгы мал соох алдырбас тiп сагынгам.* [Боргояков 2008: 17]

тирлиг арга=зын=а киис **үчүрге=ни** сал=ба=ам
потный спина=POSS.3=DAT войлочный **подклад=АСС** класть=PP.NEG=1Sg
чайгы мал=∅ соох=∅ ал=дыр=бас тiп сагын=гам
летний лошадь=NOM холод=NOM брать=CAUS=PrP.NEG так думать=PP.1Sg
'Не стал класть на потную спину подклад, думал, что летом лошадь не простынет.'

Хак.

(85) *Нандырыгны син тударзың.* [Доможаков 1975: 32]

нандырыг=ны син=∅ туд=ар=зың
ответ=АСС ты=NOM держать=PP=2Sg
'Ты будешь отвечать'.

«Нереферентные ИГ – это субстантивные ИГ, которые не обозначают никаких индивидуализированных объектов. У нереферентных ИГ возможны следующие денотативные статусы: 1) экзистенциальный; 2) универсальный; 3) атрибутивный; 4) родовой» [Падучева 2010: 94]. Экзистенциальные ИГ употребляются в ситуации, когда речь идет об объекте, который относится к классу объектов того же рода и не индивидуализирован, т. е. он в принципе не может быть предъявлен или указан, поскольку не выбран из этого класса. Универсальной ИГ соответствует квантор общности 'для всякого' по переменной, которая принимает значения из экзистенционала общего имени в составе этой ИГ. Атрибутивные ИГ иллюстрируется фразой *Убийца Смита сумасшедший* в том ее понимании, когда говорящий имеет презумпцию суще-

ствования и единственности убийцы, но не имеет в виду никакого конкретного человека. При родовом употреблении ИГ соотносится с представителем класса. Родовое употребление является нереферентным, поскольку не обязывает говорящего к признанию существования индивидуализированного объекта в универсуме речи: обсуждается род объектов на примере одного представителя [Там же: 94–98].

В примере (86) показана нереферентная ИГ, существительное *акша* ‘деньги’ употребляется в самом общем смысле, как родовое понятие в своем сигнификативном значении. В данном случае ИГ вместе с глаголом находится в реме.

Тув.

(86) *Солдаттардан акша албас улус бис.* [Кудажы 1965: 30]

солдат=тар=дан **акша=Ø** ал=бас улус=Ø бис
 солдат=PL=ABL **деньги=NOM** брать=PrP.NEG люди=NOM 1PL
 ‘Мы не берем денег у солдат’.

В следующих примерах проиллюстрированы случаи аккузативного маркирования нереферентных ИГ. Здесь ИГ находится в позиции топики.

Тув.

(87) *Хөрлээлей бээрге, өрттү өжүрери берге болгай.* [Кудажы 1965: 15]

хөрлээле=й бэ=эр=ге **өрт=тү** өжүр=ер=и берге
 бушевать=CV AUX:давать=PrP=DAT **пожар=ACC** тушить=PrP=POSS.3 трудно
 бол=гай
 AUX:быть=OPT
 ‘Трудно ведь потушить пожар, когда он уже разросся’

Хак.

(88) *Арыгдагы суглыг отты оттапчатса, мал сухсабинча.* [Боргояков 2008: 18]

арыгдагы суғ=лығ **от=ты** оттапчат=са мал=Ø
 лесной вода=POSSV **травя=ACC** есть траву=COND скот=NOM
 сухса=бинча
 испытывать жажду=PRES.NEG
 ‘Если сырую лесную траву есть, то конь не хочет пить.’

Хак.

(89) *Чітібес пычахты пілебечең, испеске – чоохтабачаң тидірлер.* [Тиников 1982: 15]

чіті=бес	пычах=ты	піле=бече=ң	ис=пес=ке
заостряться=PrP.NEG	нож=АСС	точить=PRES.NEG=2Sg	слушать=PrP.NEG=DAT
чоохта=бача=ң		тид=ір=лер	
говорить=PRES.NEG=2Sg		говорить=PrP=3PL	

‘Не заостряющийся нож не точат, не слушающему нельзя говорить, так говорят.’

Итак, мы рассмотрели условия, влияющие на маркированность и немаркированность определенных и неопределенных ИГ в позиции ПД. С одной стороны, в тувинском и хакасском языках дифференцированное маркирование определенных и неопределенных ИГ в позиции ПД подчиняется типологической иерархии определенности: ИГ, референты которых занимают более высокие позиции в иерархии определенности, более вероятно получают аккузативное маркирование, в то время как неопределенные объекты остаются чаще немаркированными:

Тув. Определенные ИГ (96 %) > Неопределенные референтные ИГ (39 %) > Нереферентные ИГ (29 %).

Хак. Определенные ИГ (97 %) > Неопределенные референтные ИГ (41 %) > Нереферентные ИГ (38 %).

С другой стороны, количественный анализ показал, что определенные ИГ в позиции ПД иногда употребляются в номинативе, а неопределенная референтная и нереферентная ИГ в позиции ПД часто употребляется в аккузативе, что связано с топикальным коммуникативным статусом ИГ. Поэтому в целом определенность референта ИГ в тувинском и хакасском языках не является признаком подлежащего, который влияет на маркирование прямого дополнения. И поскольку между определенностью и топикальным статусом есть очевидная обусловленность, высокий процент аккузативного маркиро-

вания определенных ИГ можно связать с влиянием признака топиальности¹¹.

2.5. Позиционная омонимия

Позиционная омонимия относится к собственно синтаксическому типу омонимии. Несмотря на то, что в тюркских языках порядок слов относительно нестрогий, тем не менее у каждого члена предложения есть базовые позиции. Базовый порядок слов служит для кодирования грамматических ролей. Стандартной позицией подлежащего является начальная, конечную позицию занимает сказуемое, позиция прямого дополнения – перед сказуемым. В составе атрибутивного словосочетания определение всегда находится в препозиции по отношению к определяемому, а в составе предложения подлежащее всегда находится в позиции перед сказуемым, определяющие слова – перед определяемыми, дополняющие слова и обстоятельства – перед дополняемыми. Таким образом, стандартный порядок членов тюркского предложения: подлежащее – обстоятельство – дополнение – сказуемое [Баскаков 1966: 33]. Косвенное дополнение ставится перед прямым дополнением [Сафиулина 1965: 333; Ефремов 2013: 96].

Суть позиционной омонимии заключается в том, что при изменении базового порядка слов возможны различные перестановки, которые чаще приводят к неоднозначности синтактико-семантической роли некоторых членов предложения, в частности подлежащее и ПД могут занять позиции друг друга, тогда ПД обязательно получает аккузативное маркирование {O_{ACC} S_{NOM} V}. Если прямое дополнение стоит в абсолютном начале предложения, где при стандартном порядке слов находится подлежащее, то это обуславливает позиционную конкуренцию между ними.

¹¹ Сначала мы придерживались другой гипотезы, согласно которой дифференцированное маркирование ПД служит для указания на семантико-прагматические характеристики ИГ (подробнее см. в статье [Ондар 2022: 163]), но данная гипотеза не подтвердилась.

Тув.

(90) *Өскүс-оолду кадайы ине кылдыр хуулдуруп алгаш, дааранып олурган* [Тувинские народные сказки 1994: 258]

Өскүс-оол =ду	кадай=ы=∅	ине=∅	кылдыр	хуулдур=уп
Pers =АСС	жена=POSS.3=NOM	иголка=NOM	POSTP	превращать=CV
ал=гаш	дааран=ып	олур=ган		
AUX:брать=CV	шить=CV	сидеть=PP		

‘Превратив Оскюс-оола в иголку, его жена сама сидела и шила.’

Хак.

(91) *Чаачыны пасхазы даа матап көрген.* [Бурнаков 1987: 8]

чаачы =ны	пасха=зы=∅	даа	матап	көр=ген
воин =АСС	другой=POSS.3=NOM	PRTCL	сильно	смотреть=PP

‘Другие тоже рассматривали воина.’

Обязательное аккузативное маркирование ПД в таких случаях можно объяснить его линейной и коммуникативной отдаленностью от глагольной группы. Поэтому здесь аккузативное маркирование может иметь и синтагматическое, и парадигматическое объяснение.

Выводы

Аккузативное маркирование ПД является средством устранения различных типов синтаксической омонимии. Во-первых, мы можем выделить актантную синтаксическую омонимию, которая возникает в результате формально-синтаксической, семантической, позиционной конкуренции именных групп, выступающих в высказывании актантами одного предиката. Во-вторых, аккузативное маркирование является средством устранения «частеречной синтаксической омонимии» между различными частями речи и номинализациями в позиции ПД. Указанные виды омонимии могут комбинироваться между собой. Например, обязательность аккузативного маркирования личных местоимений связана с семантической и семантико-прагматической омонимиями, обязательное маркирование указательных местоимений – с лексико-грамматической и прагматической, маркирование определительно-

го местоимения *бот* 'сам' – с лексико-синтаксической и семантико-прагматической. Таким образом, необходимость аккузативного маркирования некоторых ИГ получает объяснение на уровне парадигматических отношений между компонентами лексического состава предложения.

Глава III. СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОМУ МАРКИРОВАНИЮ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ В ТУВИНСКОМ И ХАКАССКОМ ЯЗЫКАХ

В рамках данной главы предлагается сопоставительное изучение дифференцированного маркирования ПД в тувинском и хакасском языках с целью установления факторов синтагматического характера, релевантных для выбора морфосинтаксического маркирования ПД.

Под синтагматикой понимается «анализ особых линейных отношений между знаками языка, возникающих между последовательно расположенными его единицами при их непосредственном сочетании друг с другом» [ЛЭС 1990: 447]. Синтагматический подход включает случаи установления отношений между компонентами синтагмы, входящей в высказывания различной синтаксической и коммуникативной структуры.

1. Синтагматические отношения на уровне предложения и глагольной синтагмы

Поскольку синтагматические отношения устанавливаются прежде всего порядком слов, а изменение порядка слов обусловлено коммуникативной структурой высказывания, мы приведем некоторые общие положения о порядке слов и коммуникативной структуре высказывания в тюркских языках.

Для тюркских языков прототипическим является порядок слов типа SOV, где S – агентивный участник ситуации (подлежащее), O – пациентивный участник ситуации (прямое дополнение), а V – предикат (сказуемое). Несмотря на то, что в тюркских языках порядок слов относительно нестрогий, тем не менее у каждого члена предложения есть базовые позиции. Стандартной позицией подлежащего является начальная, конечную позицию занимает сказуемое, позиция прямого дополнения – перед сказуемым. В составе атрибутивного словосочетания определение всегда находится в препози-

ции по отношению к определяемому, а в составе предложения подлежащее всегда находится в позиции перед сказуемым, определяющие слова – перед определяемыми, дополняющие слова и обстоятельства – перед дополняемыми. Таким образом, стандартный порядок членов тюркского предложения: подлежащее – обстоятельство – дополнение – сказуемое [Баскаков 1966: 33].

В предложении порядок слов может выполнять конструктивно-синтаксическую, коммуникативную или стилистическую функции. «Для порядка слов в тюркских языках характерны все перечисленные функции, и в этом смысле общая теория порядка слов в полной мере приложима и к тюркским языкам» [Тугушева 1966: 120].

Основная функция порядка слов в предложении – конструктивно-синтаксическая. «Конструктивно-синтаксическая функция порядка слов состоит в том, что он является показателем иерархии конструктивных связей и отношений, составляющих предложение словесных форм» [Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий 2008: 244]. «Кроме того, эта функция предполагает фиксацию нормативных тенденций, касающихся расположения отдельных функциональных элементов предложения относительно друг друга» [Там же 2008: 245], т. е. устанавливает порядок синтагматических связей и отношений между компонентами структуры предложения.

Конструктивно-синтаксическая функция порядка слов в тюркских языках ограничена несколькими задачами: «1) во всех случаях использования приема примыкания как одного из способов выражения синтаксических отношений; в этом случае порядок слов получает морфологическое значение; 2) в словосочетаниях, при перемене мест членов которых получается иная синтаксическая структура: *güzel at* ‘красивая лошадь’, *at güzel* ‘лошадь – красива’» [Кононов 1956: 433]. Н. К. Дмитриев выделяет третий случай, когда с помощью порядка слов устанавливаются синтаксические функции подлежащего и дополнения [Дмитриев 1961: 19]. В примере: «*тегуче кием тегэ* ‘портной платье шьет’ только определенный порядок слов (подлежащее –

дополнение – сказуемое) позволяет нам определить падежную функцию слова *кием* ‘платье’, которое формально ничем не отличается от слова *тегуче* ‘портной’: единственным дифференцирующим фактором служит здесь порядок слов» [Дмитриев 1961: 19].

Порядок слов в предложении устанавливает последовательность разных по коммуникативной значимости частей высказывания и тем самым служит для точной передачи смысла высказывания. Изменение порядка слов влечет за собой и изменение смысла передаваемой информации, следовательно, при изменении порядка слов изменяется и актуальное членение [Амиров 1970: 35]. В тюркских языках актуализирующей является непосредственно предсказуемая позиция. Все члены предложения, коммуникативно выделяемые, ставятся в этой позиции [Баскаков 1961; Амиров 1970].

Предложение может состоять частично или полностью из новой информации, тогда фокус может быть широким и узким. Вслед за Н. В. Сердобольской и С. Ю. Толдовой [Сердобольская, Толдова 2012], мы принимаем, что «широкий» фокус соответствует понятию «рема», а собственно фокусом называется наиболее значимая часть ремы. Тема – это то, о чем сообщается новая информация. В теме может находиться не один топикальный референт, поэтому в данной работе под «топиком» мы будем понимать наиболее значимую информацию, которая находится ближе к началу высказывания.

Стилистическая функция порядка слов реализуется в художественно-публицистической речи, имитируя нежесткий словоупотребление устно-разговорной речи [Энциклопедический словарь-справочник ... 2008: 245], такой порядок слов служит выявлению экспрессивной и эмоциональной значимости отдельных членов предложения.

Материалы на тувинском языке показали три возможных варианта расположения основных компонентов модели с переходными глагольными предикатами (табл. 3). В хакасском языке выявлено большее количество вариантов расположения компонентов: возможны 6 комбинаций.

**Порядок расположения основных компонентов линейной структуры
модели с переходными глаголами**

Язык	Порядок расположения основных компонентов					
	SOV	OSV	SVO	VOS	OVS	VSO
Тувинский	95,3 % 2922 ед.	4,4 % 134 ед.	0,3 % 11 ед.	–	–	–
Хакасский	91 % 1583 ед.	5,8 % 100 ед.	2,2 % 39 ед.	0,6 % 11 ед.	~0,2 % 3 ед.	~0,2 % 4 ед.

1.1. Порядок компонентов SOV

В обоих рассматриваемых языках порядок слов в целом ожидаемо соответствует модели SOV (табл. 3).

В синтаксически нейтральных предложениях синтагматические отношения между компонентами определяются прежде всего порядком слов. Между стандартным порядком слов и базовой коммуникативной структурой предложения есть определенные соответствия. Первую позицию занимает подлежащее, которое является «первым претендентом на роль смысловой темы» [Падучева 2010: 116]. Сказуемое занимает конечную позицию и заключает в себе новую информацию о теме высказывания, «поэтому сказуемое на своем обычном месте всегда обладает коммуникативной активностью» [Амиров 1970: 38], т. е. обычно рематизировано. Прямое дополнение как компонент сказуемостной группы занимает предсказуемостную примыкающую позицию и чаще входит в рему высказывания вместе со сказуемым. Е. В. Падучева называет это «нормальной ремой», т. е. ремой предложения с нейтральной коммуникативной структурой» [Там же: 117]. «Рема, являющаяся группой подлежащего или дополнения, как правило, сдвинутая; рема, являющаяся группой сказуемого, как правило, нормальная» [Там же]. «Нейтральная коммуникативная структура – это такая, которая находится в наиболее естественном соответствии с синтаксической структурой и лекси-

ческим составом предложения» [Там же: 108]. Таким образом, в тюркских языках порядок компонентов [S]_{тема} [OV]_{рема} является коммуникативно нейтральным, или прототипическим.

При этом именная группа в позиции прямого дополнения может иметь относительную семантическую свободу или определенную степень синтаксического сращения с глаголом-хозяйном [Муравьева 2008: 406]. В подобных случаях прямое дополнение и сказуемое чаще представляют собой в разной степени «стяженную синтаксическую конструкцию» [Тугушева 1966: 122–123]. Основным способом синтаксической связи в такой глагольной синтагме является примыкание. Ядро новой информации, сообщаемой о субъекте, заключает в себе предикат, а не объект. Основная роль прямого дополнения состоит в характеристике действия. «В этом случае действие как бы не переходит на объект, а лишь характеризуется со стороны объекта, определяется объектом» [Гаджихамедов 2000: 85]. В традиции когнитивной лингвистики это явление называется «вовлеченностью в предикативный признак, в том смысле, что без объекта предикативный признак остается семантически недостаточным» [Болдырев 2002: 72]. «В семантической структуре предложения объект и предикат образуют единый комплекс с той или иной степенью спаянности элементов» [Арутюнова 1976: 125]. В таких конструкциях референт ПД имеет в основном нереферентный или неопределенный референциальный статус, как в примерах (92) и (93).

Тув.

(92) *Кызыл-оол харыы бербээн.* [Кудажы 2002: 9]

КЫЗЫЛ-ООЛ=∅	харыы=∅	бер=бээн
Pers=NOM	ответ=NOM	давать=PP.NEG

‘КЫЗЫЛ-ООЛ не ответил.’

Хак.

(93) *Хараа Ир Тохчын түс түзепче.* [Хакас чонының нымахтары 1986: 30]

Хараа Ир Тохчын=∅	түс=∅	түзе=пче
Pers=NOM	сон=NOM	видеть сон=PRES

‘Хараа Ир Тохчын сон видит.’

Однако есть случаи, когда немаркированное прямое дополнение имеет определенный референциальный статус. В примере (94) речь идет об ответном письме, который один из участников ситуации только что получил. Сочетание *харыы номчуур* ‘читать ответ’ относится к разряду устойчивых, прямое дополнение и предикат находятся в реме. Хакасский пример (95) демонстрирует похожую ситуацию. В данных случаях определенность референта именной группы, которая обычно требует аккузативного маркирования, уже не релевантна.

Тув.

(94) *Эрес харыы номчааш, чиктиг бодаан.* [Кудажы 1965: 26]

Эрес=∅ харыы=∅ номча=аш чиктиг бода=ан
 Pers=NOM ответ=NOM читать=CV странно думать=PP
 ‘Эрес, прочитав ответ, странно подумал.’

Хак.

(95) *Сынап көрiңер, – апсах хоостаан хаңза сунча.* [Доможаков 1975: 23]

сын=ап көр=iңер апсах=∅ хооста=ан
 пробовать=CV AUX:смотреть=IMP.2PL старик=NOM украшать=PP
 хаңза=∅ сун=ча
 трубка=NOM протягивать=PRES
 ‘Попробуйте, – старик протягивает украшенную трубку’.

Таким образом, при стандартном порядке расположения компонентов линейной и коммуникативной структуры предложения в тувинском и хакасском языках необходимость эксплицитного маркирования синтагматических отношений между прямым дополнением и сказуемым отпадает из-за их синтаксического, семантического и коммуникативного единства в силу очевидности синтагматических отношений между компонентами глагольной синтагмы.

Если ПД стоит непосредственно перед сказуемым и является фокусом ремы, сказуемое остается характеризующей частью ремы. Поэтому линейная и коммуникативная целостность глагольной синтагмы в целом сохраняется и прямое дополнение не получает аккузативного маркирования.

Тув.

(96) *Көгээр-биле кады улчуга берген дазыл дашка суп каан чораан.* [Кудажы 1965: 5]

көгээр-биле	кады	улчуг=а	бер=ген	дазыл
когээржик=POSTP	вместе	бродяжничать=CV	AUX:давать=PP	корневой
дашка=Ø	су=п	ка=ан	чора=ан	
бокал=NOM	положить=CV	AUX:оставлять=PP	AUX:уходить=PP	

‘Оказалось, что вместе с *когээр*ом¹² в сумку положили небрежно брошенный деревянный бокал.’

Хак.

(97) *Киче Мылолар аалында чуртанчатхан Пичес азыраан полган, чолга хойлаан яблах сух турген.* [Боргояков 2008: 12]

кичее	Мылолар	аал=ын=да	чурта=п=чатхан	Пичес=Ø
вчера	Pers	деревня=POSS.3=LOC	жить=PERF=PART	Pers=NOM
азыра=ан	пол=ған	чол=ға	хойла=ан	яблах=Ø
кормить=PP	AUX:быть=PP	дорога=DAT	печь=PP	картошка=NOM
сух	пир=ген			
засунуть	AUX:дать=PP			

‘Вчера живущий в деревне Мылолар Пичес кормил, в дорогу дал печеной картошки.’

В тувинском языке достаточно частотны случаи намеренного разрыва семантико-синтаксической «спаянности» между прямым дополнением и глаголом. Прямое дополнение при этом сохраняет общий с глаголом рематический статус, хотя фокус ремы смещается к действию. Если для тувинского языка это обычная практика, то для хакасского языка такие случаи нехарактерны (по крайней мере, по словам информантов, непривычны), и аккузатив встречается только при ИГ с аффиксом принадлежности 3-го лица (пример 100).

Тув.

(98) *Кайгамчык байырлал-биле байыр чедирип тур мен.* [«Шын», №81, 8 июля 2014: 2]

кайгамчык	байырлал-биле	байыр=Ø	чедир=ип
замечательный	праздник-POSTP	поздравление=NOM	передавать=CV
тур=Ø	мен		
AUX:стоять=PRES	1Sg		

‘Поздравляю вас с замечательным праздником.’

¹² *Көгээр* (тув.) – традиционный кожаный сосуд.

Тув.

(99) Эң эки участок төлээлеринге оларның коллегалары байырны чедирген. [«Шын», 2014]

эң эки участок=∅ төлээ=лер=ин=ге олар=ның
самый хороший участок=NOM представитель=PL=POSS.3=DAT они=GEN
коллега=лар=ы=∅ **байыр=ны** чедир=ген
коллега=PL=POSS.3=NOM **поздравление=ACC** передать=PP
'Лучших участковых поздравили их коллеги.'

Хак.

(100) Пістің правительство «Арктика-2015» проекттің төстегілеріне алгызын читірген [«Хабар», 11 марта, среда 2015, № 25 (20837): 2]

піс=тің правительство=∅ Арктика-2015=∅ проект=тің
мы=GEN правительство=NOM Арктика-2015=NOM проект=GEN
төстегі=лер=ин=е **алгыз=ы=н** читір=ген
основатель=PL=POSS.3=DAT **благодарность=POSS.3=ACC** передавать=PP
'Наше Правительство поблагодарили основателей проекта «Арктика-2015».'

Показательным является употребление в тувинском и хакасском языках сочетания тув. *аас-кежик күзээр*, хак. *часка алгурга* 'желать счастья'. В тувинском языке данное сочетание без аккумулятивного оформления практически не употребляется, хотя номинативный вариант возможен. Вариант с аккумулятивным оформлением придает словам говорящего коннотативное значение неподдельности, искренности, действительного участия. Говорящему важно, чтобы его слова не прозвучали шаблонно и банально. А именно так воспринимается устойчивый характер данного словосочетания.

Тув.

(101) Фестивальдың киржикчилеринге чедишикиннерни болгаш Тываның чонунга аас-кежикти күзеп тур мен. [«Шын» 2014, №74: 4]

фестиваль=дың киржикчи=лер=ин=ге чедишикин=нер=ни болгаш
фестиваль=GEN участник=PL=POSS.3=DAT успех=PL=ACC соңј:и
Тыва=ның чон=ун=га **аас-кежик=ти** күзе=п тур=∅ мен
Тыва=GEN народ=POSS.3=DAT **счастье=ACC** желать=CV AUX=PRES 1Sg
'Участникам фестиваля желаю успехов и жителям Тувы желаю счастья.'

Хак.

(102) Прайзына часка алганчам. [«Хабар», Хабарлар, 18.02.2022]

прай=зын=а **часка=∅** алга=пча=м
все=POSS.3=DAT **счастье=NOM** желать=PRES=1Sg
'Всем им желаю счастья.'

ПД, находящееся непосредственно перед сказуемым, может быть частью темы, тогда оно получает аккузативное маркирование. Тематизация ПД «отдаляет» его от обычно рематизированной группы сказуемого, поэтому ключевую роль в пользу маркирования, вероятно, играет утрата коммуникативного единства, вызывающая необходимость маркировки синтагматических отношений объекта и предиката.

Тув.

(103) *Телеграмманы силгивишаан.* [Бюрбю 1973: 393]

телеграмма=ны силги=вишаан

телеграмма=АСС трясти=CV

‘Продолжал трясти телеграмму.’

Хак.

(104) *Олар чазыдагы атысты искеннер.* [Доможаков 1975: 25]

олар=∅ чазыдагы атыс=ты ис=кен=нер

они=NOM степной выстрел=АСС слышать=PP=3PL

‘Они выстрел в степи слышали.’

Если ИГ в позиции ПД находится в теме, она чаще имеет определенный референциальный статус, однако случаи, когда именная группа имеет неопределенный или нереферентный статус, достаточно частотны. Неререферентные именные группы в теме употребляются, например, в поучениях, поговорках и пословицах, в своем родовом, сигнификативном значении.

Тув.

(105) *Тудугну эгелээр бетинде баштай-ла бок-сакты аштап кааптар болгай* [«Шын», 26 июня 2014, № 76: 3]

тудуг=ну эгелэ=эр бет=ин=де баштай-ла

стройка=АСС начинать=PrP перед=POSS.3=LOC сначала=PRTCL

бок-сак=ты ашта=п ка=апт=ар бол=гай

мусор=АСС чистить=CV AUX:оставлять=PERF=PrP AUX:быть=OPT

‘Перед тем как стройку начинать, необходимо ведь сначала мусор почистить.’

Хак.

(106) *Саайны сагыбачаң, Киненні китебечең.* [Хыйға сөс 2021: 14]

саай=ны сағы=бачаң кинен=ні ките=бечең

несчастье=АСС ждать=PART.NEG неудача=АСС выслеживать=PART.NEG

‘Несчастья не ждут, Неудачу не выслеживают.’

Хак.

(107) *Тагны көргелекке, идегің көдірбе, суғны көргелекке маймааң суурба.*

[Хулғалар 1991: 22]

тағ=ны	көр=гелек=ке	идег=ің=∅	көдір=бе
гора=АСС	видеть=PART=DAT	подол=POSS.2Sg=NOM	поднимать=IMP.NEG.2Sg
суғ=ны	көр=гелек=ке	майма=аң=∅	суур=ба
вода=АСС	видеть=PART=DAT	обувь=POSS.2Sg=NOM	снимать=IMP.NEG.2Sg

‘Не увидев гору, не поднимай подол, не увидев воду, не снимай обувь’

Аккузативное маркирование ПД может быть связано с дискурсивной значимостью референта. Зависимость эксплицитного маркирования прямого дополнения от дискурсивной значимости референта ПД обсуждалась в типологических работах [Givón 1984; Lambrecht 1994; de Swart 2007]. На материале уральских языков на обязательность аккузативного маркирования дискурсивно значимых именных групп в позиции ПД указывала Н. В. Сердобольская [Сердобольская 2012].

В примере (108) описывается процесс рождения будущего коня главного героя, который является одним из протагонистов. В данном примере он впервые упоминается в тексте и только вводится в дискурс. Обычно в таких случаях прямое дополнение оформляется номинативом. Основания для выбора маркированной формы прямого дополнения оказываются неясными.

Тув.

(108) {*Ол душта адазының кыйбык-кара беги үш чылда боозааш, үш айда долгаткаш, козага хорумну хоорулдур теп чыткаш,*} эр кара кулунну төрүп ап-тыр эвеспе. [Тыва улустуң тоолдары 2012: 31-32]

эр	кара	кулун=ну	төрү=п	а=п-тыр
мужской	черный	жеребенок=АСС	родать=CV	AUX:брать=CV-PRTCL

эвеспе
PRTCL

‘{В это время черная кобыла отца, выносив в течение трех лет, испытывая схватки в течение трех месяцев, пройдя великие мучения,} родила черного жеребенка.’

Все остальные случаи аккузативного маркирования прямого дополнения при его контактном расположении со сказуемым определяются характером парадигматических отношений прямого дополнения с другими членами предложения.

При стандартном порядке основных компонентов линейной структуры высказывания между ПД и сказуемым могут находиться другие компоненты высказывания, модель приобретает вид SOxV. В таких случаях непосредственная линейная связь между дополнением и сказуемым разрывается, что приводит к более частотному маркированию ПД.

ПД получает аккузативное маркирование, когда перед сказуемым стоит рематизируемый член предложения. Синтаксическое и коммуникативное единство объектно-глагольной синтагмы нарушается, поэтому аккузативное маркирование обязательно как маркер связи между сказуемым и дополнением.

Тув.

(109) *Сенден артык кадайны кайын тывар кижжи мен?* [Бюрбю 1973: 430]

сен=ден	артык	кадай=ны	кайын	тыв=ар	кижи=∅
ты=ABL	лучше	жена=ACC	откуда	находить=PrP	человек=NOM
мен					
1Sg					

‘Откуда я найду жену лучше тебя?’

Хак.

(110) *Тоғысты иртеезін ит салза, истіг сағыс.* [Боргояков 2008: 22]

тоғыс=ты	иртеезін	ит	сал=за	истіг	сағыс=∅
работа=ACC	утром	делать AUX:	класть=COND	приятный	мысль=NOM

‘Если сделать работу с утра, будет хорошо.’

Показательны примеры (111) и (112), идущие в тексте непосредственно друг за другом. В примере (111) девочка впервые упоминается в дискурсе, а в примере (112) существительное *уруг=ну* ‘девочку’ занимает тематическую позицию, ремой является описание ситуации наречения именем, где в фокусе – имя девочки.

Тув.

(111) *Угбам Албынчы уруг божжаан.* [Тока 1951: 9]

угба=м=∅	Албынчы=∅	уруг=∅	божа=ан
сестра=POSS.1Sg=NOM	Pers=NOM	девочка=NOM	рожать=PP

‘Сестра Албынчы родила девочку’.

Тув.

(112) *Уругну Сүрүңмаа деп адап алганнар.* [Тока 1951: 9]

уруг=ну Сүрүңмаа=∅ де=п ада=п ал=ган=нар
девочка=АСС Pers=NOM сказать=CV называть=CV AUX=PP=3PL
'Девочку назвали Сурунмаа.'

Однако встречаются и такие примеры, в которых ПД остается немаркированным. Как отмечает И. А. Муравьева, «неоформленность сохраняется главным образом в тех случаях, когда между неоформленным именем и глаголом вставляется клитика из некоторого ограниченного списка»: *mi* 'вопросительная частица', *da* 'тоже', *bile* 'даже', *daha* 'еще' [Муравьева 2008: 358]. Этот список в языках варьируется. Например, в тувинском и хакасском языках вопросительные частицы *бе* (тув.) и *ме* (хак.) не могут находиться между ПД и сказуемым.

Тув.

(113) *Хойтпак хөреңгилээш паш тигерден, шай безин борартыр сүт бар эвес.* [Тока 1951: 12]

хойтпак=∅ хөреңгилэ=эш паш=∅ тиг=ер=ден
хойтпак=NOM заквасить=CV котел=NOM класть на огонь=PrP=ABL
шай=∅ безин бора=р=т=ыр сүт=∅ бар эвес
чай=NOM даже серый=VRBLZ=CAUS=PrP молоко=NOM есть PRTCL
'Даже нет молока, чтобы сероватый цвет чаю придать, не говоря уже о том, чтобы, заквасив хойтпак, гнать араку.'

Хак.

(114) *Анда ол тимір дее хабыстырча.* [Бурнаков 1987: 6]

анда ол=∅ **тимір**=∅ дее хабыстыр=ча
там он=NOM **железо**=NOM PRTCL варить=PRES
'Там он и железо варит.'

Между немаркированным ПД в номинативе и сказуемым могут находиться и различные неосложненные обстоятельства.

Тув.

(115) *Кижидыка сүртетпе.* [Бюрбю 1973: 393]

кижи=∅ дыка сүрте=т=пе
человек=NOM сильно волноваться=CAUS=IMP.NEG.2sg
'Не заставляй меня сильно волноваться.'

Тув.

(116) *Угаанныг кыс кадай кылдыр ап алганымга чоргаарланып турган мен* [Монгуш 2012: 4]

угаан=ныг	кыс=∅	кадай=∅	кылдыр	а=п
ум=POSSV	девушка=NOM	жена=NOM	как	брать=CV
ал=ган=ым=га		чоргаарлан=ып	тур=ган	мен
AUX:брать=PP=1Sg=DAT		гордиться=CV	AUX:стоять=PP	1Sg

‘Я радовался тому, что взял в жены умную девушку.’

Хак.

(117) *Кичее мин арага көп икем ме, нога-да пазым тыысталча?* [Боргояков, 2008: 24]

кичее мин=∅	арага=∅	көп	і	ске=м	ме	нога-да
вчера я=NOM	водка=NOM	много		пить=1Sg	Q	почему-то
паз=ым=∅		тыыстал=ча				
голова=POSS.1Sg=NOM		болеть=PRES				

‘Вчера водки многопил ли, почему-то голова болит?’

Несмотря на то, что данные слова нарушают синтаксическое примыкание ПД и сказуемого, они, на наш взгляд, не нарушают коммуникативной и семантической целостности глагольной синтагмы, поэтому аккузативное маркирование необязательно.

1.2. Порядок компонентов OSV

При данном порядке слов группа ПД занимает начальную позицию и обычно является темой высказывания. В таком случае ПД обязательно маркируется аккузативом. В примере (118) *орук* ‘дорога’ упоминается впервые в тексте (имеет неопределенный референциальный статус), однако из контекста понятно, что речь идет о дороге до дома одного из участников ситуации, поскольку в предыдущем предложении он просит помочь добраться до дома. Актуальный в данном случае вопрос «А кто покажет дорогу?» опирается на логическую пресуппозицию. В примере (119) местоимение *олар* ‘они’ выносятся в начальную позицию как топик.

Тув.

(118) *Орукту мен айтып бээр мен.* [Монгуш 2012: 16]

орук=ту мен=∅ айт=ып бэ=эр мен
дорога=АСС я=NOM показывать=CV AUX:давать=PP 1Sg
'Дорогу я покажу.'

Хак.

(119) *Оларны харга-саасханнар үдес чөргеннер.* [Тиников 1982: 21]

олар=ны харга-сааскан=нар=∅ үдес чөр=ген=нер
они=АСС ворона-сорока=PL=NOM провожать AUX:ходить=PP=3PL
'Их провожали вороны-сороки.'

С одной стороны, обязательное аккузативное маркирование прямого дополнения здесь можно объяснить его линейной и коммуникативной отдаленностью от глагольной группы, с другой стороны, прямое дополнение стоит в абсолютном начале предложения, где при прямом порядке слов находится подлежащее, что обуславливает позиционную конкуренцию между ними. Поэтому здесь аккузативное маркирование может иметь и синтагматическое, и парадигматическое объяснение.

1.3. Порядок компонентов SVO

Порядок слов данного типа в тувинском языке выполняет скорее стилистическую функцию и в наших материалах встречается только в диалогах из пьес.

Тув.

(120) *Кым эгеледи ону?* [Бюрбю 1973: 546]

кым=∅ эгеле=ди о=ну
кто=NOM начинать=PAST это=АСС
'Кто это начал?'

В хакасском языке такой порядок слов является достаточно частотным (табл 3.) и, в отличие от тувинского, встречается также в обычных повествовательных предложениях, вероятно, его можно оценить, как стилистически нейтральный.

Хак.

(121) *Мин пілбинчем ол киректі.* [Хакас чонының нымахтары 1986: 5]

мин=∅ піл=бинче=м ол кирек=ті
я=NOM знать=PRES.NEG=1Sg тот дело=ACC
'Об этом деле я не знаю.'

Хак.

(122) *Хоортай апсах ам на танып салған ибінде хонған ипчіні.* [Доможаков 1975: 27]

Хоортай=∅ апсах=∅ ам на таны=п сал=ған
Pers=NOM старик сейчас PRTCL узнавать=CV AUX:клась=PP
иб=ін=де хон=ған ипчі=ні
дом=POSS.3=LOC ночевать=PP женщина=ACC
'Старик Хоортай только сейчас узнал ночевавшую у него дома женщину.'

Зависимый компонент причастно-падежной полипредикативной конструкции тоже может находиться в постпозиции по отношению к главной части (пример 123), распространенность данного порядка слов в хакасском языке можно объяснить влиянием русского языка, для которого такой порядок компонентов является базовым.

Хак.

(123) *Хайда көргезің огырға хазағлығ аттығ парганын.* [Боргояков 2008: 22]

хайда көр=гезің огыр=ға хазағ=лығ ат=тығ
где видеть=PP.2Sg воровство=DAT подкова=POSSV лошадь=POSSV
пар=ған=ы=н
ехать=PP=POSS.3=ACC
'Где ты видел, чтобы на воровство ехали на подкованной лошади.'

Общим для двух языков является тематический статус выносимого за сказуемое прямого дополнения. В тюркологии данную позицию называют пассивной, туда «выносятся та часть высказывания, которая с точки зрения говорящего кажется менее значительной или может быть сообщена в последнюю очередь» [Амиров 1970: 35].

1.4. Типы порядка слов, характерные только для хакасского языка

При высокой степени сходства порядка слов в тувинском и хакасском языках, наблюдаются различия в количестве возможных вариантов расположения компонентов линейной структуры: в хакасском языке порядок слов

более свободный, при этом соблюдается общетюркский принцип вынесения в позицию после сказуемого только топикализованных компонентов высказывания.

1.4.1. Порядок компонентов OVS

Такой порядок слов (табл. 3) не нарушает стандартного порядка следования компонентов объектно-предикатной синтагмы, поэтому прямое дополнение может иметь и аккузативное (пример 124), и номинативное (пример 125) оформление. При этом подлежащее сохраняет топикальность.

Хак.

(124) *Анзын (чохыр ниме – ол адай) хаңылааннаң іле танып салған ирен.* [Доможаков 1975: 12]

ан=зы=н	чохыр ниме=∅	ол	адай=∅	хаңыла=ан=наң
тот=POSS.3=ACC	серый вещь=NOM	этот	собака=NOM	скулить=PP=INSTR
іле	тан=ып	сал=ған	ирен=∅	
отчётливо	узнавать=CV	AUX:класть=PP	мужчина=NOM	

‘То (что серое – это собака) по визгу легко узнал мужчина.’

Хак.

(125) *Ам, таллап-таллап, оолгына ах халтар ат тут пирген Оспа.* [Хакас чонының кип-чоохтары 1990: 12]

ам	талла=п-талла=п	оолг=ын=а	ах	халтар
теперь	выбирать=CV-выбирать=CV	сын=POSS.3=DAT	белый	мухорый
ат=∅	тут	пир=ген	Оспа=∅	
лошадь=NOM	поймать	AUX:давать=PP	Pers=NOM	

‘Теперь, поискав-повыбирая, сыну бело-мухорого коня поймал Оспа.’

1.4.2. Порядок компонентов VSO

При таком порядке слов за сказуемое выносятся и подлежащее, и прямое дополнение. Ремой является глагольная группа за исключением прямого дополнения, которое вместе с подлежащим составляют тему высказывания. Прямое дополнение, отделенное от сказуемого несколькими словами, обязательно оформляется аккузативом.

Хак.

(126) *Холга киріп алам мин самурайымны.* [Шулбаева 2006: 218]

хол=ға кир=іп ал=а=м мин=∅
рука=DAT загонять=CV AUX:братъ=PrP=1Sg я=NOM

самурай=ым=ны

самурай=POSS.1Sg=ACC

‘К рукам приберу я своего самурая.’

1.4.3. Порядок компонентов VOS

Данный тип порядка слов близок к предыдущему: оба актанта вынесены за предикат, рематическая часть охватывает глагол и обстоятельство. Различие состоит в том, что личное местоимение в позиции ПД стоит перед субъектом как более топиальная часть темы (пример 127).

Хак.

(127) *Кем піледір, хайди-хайди көрерлер мында оларны орындагы чон...* [Доможаков 1975: 24]

кем=∅ піл=едір хайди-хайди көр=ер=лер мында
кто=NOM знать=PrP как-как смотреть=PrP=3PL здешний

олар=ны орындагы чон=∅

они=ACC местный народ=NOM

‘Кто знает, как на них посмотрит здесь местный народ.’

Таким образом, стандартный порядок слов в предложении однозначно определяет синтагматические отношения между компонентами синтаксической и коммуникативной структуры высказывания, благодаря чему эксплицитного маркирования ПД не требуется. Но как только между ПД и сказуемым образуется линейная, семантическая или коммуникативная дистанция, возникает необходимость эксплицитного маркирования синтагматических отношений между ними. В этом состоит необходимость аккузативного маркирования ПД, что в целом подтверждает теорию «согласования».

2. Синтагматические отношения в рамках именной группы в позиции прямого дополнения

В данном параграфе рассмотрена зависимость дифференцированного маркирования ПД от характера синтагматических отношений между компонентами определительных ИГ, выступающих в качестве ПД. Е. И. Убрятова на основе материала якутского языка пишет: «Прямое дополнение оформляется показателем винительного падежа и в том случае, когда оно входит в различные определительные словосочетания» [Убрятова 2006: 117–120]. Некоторые ученые выделяют лишь конкретные определения, оказывающие влияние на маркировку. К примеру, С. С. Майзель на материале турецкого языка выделяет ряд определений, которые требуют маркировки объекта винительным падежом, и определения, «недостаточные для идентификации представления об этих предметах у говорящего и слушающего» [Майзель 1957: 60]. М. И. Боргояков также отмечал, «что не всякое определение указывает на реальную конкретность предмета и что это зависит от характера определения» [Боргояков 1976: 65].

В тюркских языках существуют две основные группы именных определительных сочетаний:

а) детерминативные определительные сочетания, в которых ни определение, ни определяемое не имеет иного морфологического выражения, кроме порядка слов;

б) притяжательные определительные сочетания (изафетные конструкции), в которых отношение определения и определяемого, кроме порядка слов, выражено специальными аффиксами родительного падежа (или без них) при определении и аффиксами принадлежности – при определяемом [Баскаков 1979: 221–222].

2.1. Детерминативные определительные сочетания

«Определение (атрибут, детерминант) – зависимая синтаксическая позиция в составе субстантивного словосочетания; словоформа с признаковым значением, занимающая данную позицию. Посредством определения реализуются отношения между наименованием субстанции и названием признака, т. е. такие отношения, при которых признак мыслится не отвлеченно, а в единстве со своим носителем» [ЛЭС 1990: 349].

Наша задача – проследить характер влияния различных определений на выбор падежного показателя прямого дополнения. Для этого следует, прежде всего, выделить типы детерминативных определений в тувинском языке.

По частеречной принадлежности определения делятся на следующие типы:

- 1) определение-прилагательное;
- 2) определение-существительное;
- 3) определение-числительное;
- 4) определение-местоимение;
- 5) определение-причастие.

По составу мы разделили определения на следующие типы:

- 1) простые, состоящие только из одного слова;
- 2) сочетание определений – при имени могут стоять несколько определений;
- 3) определения-словосочетания – в качестве определения могут использоваться целые словосочетания, состоящие из двух или нескольких имен: в составе таких определительных словосочетаний, бывают свои определения, дополнения, обстоятельства [Баскаков 1975: 343].

В зависимости от типа определения ПД может иметь обязательное аккумулятивное маркирование или допускать и номинативное, и аккумулятивное оформление.

2.1.1. Простые определения

В исследуемых материалах тувинского и хакасского языков ПД, определяемые указательными и определительными местоимениями, всегда оформляются аккузативом.

Тув.

(128) *Чейнеш, сен бо оолду барып чемгер.* [Монгуш 2012: 6]

Чейнеш=∅ сен=∅ **бо** оол=ду бар=ып чемгер=∅
Pers=NOM ты=NOM **этот** парень=АСС идти=CV кормить=IMP.2Sg
'Чейнеш, ты накорми этого парня.'

Хак.

(129) *Ол за сағынтыр пу чазыны чазап саларга.* [Кирикеев 2011: 60]

ол=∅ за сағын=тыр пу **чазы=ны** чаза=п
он=NOM PRTCL думать=PrP **этот** степь=АСС украшать=CV
сал=арга
AUX:клясть=INF
'Он же думал украсить эту степь.'

Тув.

(130) *Ынчан-на Марадона чааскаан безин шупту улусту тиилеп шыдаар деп билген мен.* [Ооржак 2006: 27]

ынчан-на Марадона=∅ чааскаан безин **шупту** улус=ту тииле=п
тогда-PRTCL Pers=NOM один даже **все** люди=АСС побеждать=CV
шыда=ар де=п бил=ген мен
мочь=PrP сказать=CV знать=PP 1Sg
'Уже тогда я понял, что Марадона даже один сможет победить всех.'

Хак.

(131) *Анзы прай чонны сагыссыратча.* [Киргинеев 2011: 61]

ан=зы=∅ **прай** чон=ны сагыссыра=т=ча
это=POSS.3=NOM **весь** народ=АСС переживать=CAUS=PRES
'Это заставляет переживать весь народ.'

Все остальные ИГ, определяемые простыми качественными и относительными прилагательными, существительными, числительными, причастиями, местоимениями (кроме указательных и определительных местоимений и местоимений в родительном падеже), оформляются и номинативом, и аккузативом. Маркированные ПД составляют примерно 34 % случаев. В хакасском языке этот показатель равен почти 42 %.

2.1.1.1. Качественные прилагательные

NOM

Тув.

(132) *Долзаттың чурттап турган өрээлинге кире сал-ла дораан аңаа ногаан-көк саазын сунган.* [Даржай 1984: 7]

Долзат=тың чуртта=п тур=ган өрээл=ин=ге
 Pers=GEN жить=CV стоять=PP комната=POSS.3=DAT
 кир=е сал=ла дораан а=ңаа **ногаан-көк**
 входит=CV AUX:отпускать=PRТCL тот час же она=DAT **зелено-синий**
саазын=∅ сун=ган
бумага=NOM протягивать=PP
 ‘Заходя в комнату, где жила Долзат, быстро протянул ей сине-зеленую бумагу.’

Хак.

(133) *Пірде чир-сугчыларыңнаң хада Чыл пазы үлүкүнде пай хазыңа аймах чаламалар палгапчазың...* [Киргинеков 2011: 55]

пирде чир-сугчы=лар=ың=наң хада чыл=∅
 иногда земляк=PL=POSS.2Sg=PRТCL вместе год=NOM
 паз=ы=∅ үлүкүн=де пай хазың=а **аймах**
 голова=POSS.3=NOM праздник=LOC богатый береза=DAT **разный**
чалама=лар=∅ палга=пча=зың
ленточка=PL=NOM привязывать=PRES=2Sg
 ‘Иногда с земляками привязываешь ленточки к священной березе на празднике Нового года...’

ACC

Тув.

(134) *Чылыг сугну Бежендей кончуг ижип, шиңейндир аартагылап олурган.* [Тока 1951: 13]

чылыг суг=ну Бежендей=∅ кончуг иж=ип
теплый вода=ACC Pers=∅ очень пить=CV
 шиңейндир аарта=гыла=п олур=ган
 шумно прихлебывать=ITER=CV сидеть=PP
 ‘Бежендей теплую воду выпивая, шумно захлебывал.’

Тув.

(135) *Улуг чооганы кешкеш, Буян бедик тей кырынга үнүп келген.* [Кудажы 2002: 10]

улуг **чоога=ны** кеш=кеш Буян=∅
большой **ложбина=ACC** переправляться=CV pers=NOM

бедик тей=∅ кыр=ын=га үн=үп кел=ген
 высокий холм=NOM верх=POSS.3=DAT выходит=CV приходит=PP
 ‘Перейдя большую ложбину, Буян взошел на высокий холм.’

Хак.

(136) *Мин идөк, трактордаң түзип, иргі коопты харанчатхабын.* [Тиников 1982: 5]

мин=∅ идөк трактор=даң түз=ип иргі кооп=ты
 я=NOM также трактор=ABL сходить=CV **старый** **канава=ACC**
 хара=пчатха=бын
 всматриваться=PART=1Sg

‘Я также, спустившись с трактора, рассматривал старую канаву.’

2.1.1.2. Относительные прилагательные

NOM

Тув.

(137) *Маңгыр чейзеңче Анай-Кара октуг боо чаза тудупкан...* [Кудажы 2002: 7]

Маңгыр=∅ чейзең=че Анай-Кара=∅ ок=туг боо=∅
 Pers=∅ чейзен=LAT pers=NOM пуля=POSSV ружье=NOM
 чаз=а туд=уп=кан
 раскрывать=CV держать=PERF=PP

‘Анай-Кара высрелил в Мангыр чейзена...’

Хак.

(138) *Рюкзакта суглыг канистра апарчабыс.* [Киргиников 2011: 55]

рюкзак=га суг=лыг канистра=∅ апар=ча=быс
 рюкзак=LOC вода=POSSV канистра=NOM нести=PRES=1PL

‘В рюкзаке несем канистру с водой.’

ACC

Тув.

(139) *«Кызылга ынак мен» деп бижиктиг футболкаларны үлээн.* [«Шын», 1 июля 2014, № 78]

Кызыл=га ынак мен де=п бижик=тиг футболка=лар=ны
 Pers=DAT влюбленный 1Sg сказать=CV **надпись=POSSV** **футболка=PL=ACC**
 үлэ=эн

раздавать=PP

‘Раздавали футболки с надписью «Я люблю Кызыл».’

Хак.

(140) *Ырыстыг ис-пайны поэзы чаяпча, поэзы чуртасты пүдирче.* [Тиников 1982: 12].

ырыстыг ис-пай=ны поэзы=Ø чая=пча
счастливый богатство=ACC сам=POSS.3=NOM творить=PRES

поэзы=Ø чуртас=ты пүдир=че
сам=POSS.3=NOM жизнь=ACC строить=PRES

‘Сам создает счастливое богатство, сам строит жизнь.’

2.1.1.3. Существительные

NOM

Тув.

(141) *...хаа кижичи чоруткан.* [Тувинские народные сказки 1994: 250]

хаа кижичи=Ø чору=т=кан
посыльный человек=NOM идти=CAUS=PP

‘...посыльного отправил.’

Хак.

(142) *Аннаңар тас хазаа пүдиргебіс...* [Хай Пырыс 2013: 10]

аннаңар тас хазаа=Ø пүдир=гебіс
поэтому камень кошара=NOM строить=PP.1PL

‘Поэтому мы построили каменную кошару.’

ACC

Тув.

(143) *Ажылда кижини бажыңындан дилээр боор бе.* [Серен-оол 1995: 5]

ажыл=да кижичи=ни бажың=ын=дан дилээр бо=ор бе
работа=LOC человек=ACC дом=POSS.3=ABL искать=PrP AUX:быть=PrP Q

‘Неужели ищут рабочего человека дома.’

Хак.

(144) *Пістің ир кізіні хомайлабинчалар.* [Шулбаева 2006: 224]

піс=тің ир кізі=ні хомайла=бинча=лар
мы=GEN мужчина человек=ACC критиковать=PRES.NEG=PL

‘У нас мужчину не критикуют.’

2.1.1.4. Числительные

NOM

Тув.

(145) *Кырында мөге тудужун кошкадыптарга, оозу артынче үне халып келди, бир сан алзынты.* [Ооржак 2006: 20]

кыр=ын=да мөге=∅ тудуж=у=н кошкад=ыпт=ар=га
верх=POSS.3=LOC борец=NOM захват=POSS.3=ACC ослаблять=PERF=PrP=DAT
оо=зу=∅ арт=ын=че үн=е халы=п
он=POSS.3=NOM задняя часть=POSS.3=LAT выходить=CV AUX:бегать=CV
кел=ди **бир сан=∅** алзы=п=ты
AUX:приходить=PAST **один балл=NOM** проигрывать=PERF=PAST
'Когда борец сверху ослабил захват, тот забежал за спину, проиграл один балл.'

Хак.

(146) *Пір-ікі чірче читіріңер.* [Хулғалар 1991: 14]

пір-ікі чірче=∅ читірі=іңер
один-два чашка=NOM преподносит=IMP.2PL
'Одну-две чашки предподносите.'

ACC

Тув.

(147) *Олимпийжи чылда Чечен-оол Россияга үшкү черни алган.* [Ооржак 2006: 19]

олимпийжи чыл=да Чечен-оол=∅ Россия=га **үшкү чер=ни**
олимпийский год=LOC Pers=NOM Россия=DAT **третий место=ACC**
ал=ган
брат=PP
'В олимпийский год Чечен-оол занял 3-е место на Чемпионате России.'

Хак.

(148) *Таң чариин сахтапчатхан туста пір мандаринні үзөлеңе үлестіріп чеєбіс.* [Киргиников 2011: 58]

таң чари=и=н сахта=пчатхан тус=га **пір**
рассвет свет=POSS.3=ACC ждать=PART время=LOC **один**
мандарин=ні үзөлең=е үлестірі=п че=ебіс
мандарин=ACC втроем=DAT делить=CV кушать=PP.1PL
'Во время ожидания восхода, мы ели один мандарин, поделив на троих.'

2.1.1.5. Одиночное причастие

NOM

Тув.

(149) ...*тараан чер илииртээр*... [Кудажы 2002: 8]

тара=ан чер=∅ илииртэ=эр
сеять=PP земля=NOM боронить=PrP
'... боронить пахотную землю...'

Хак.

(150) *Сынап көрiңер, – апсах хоостаан хаңза сунча*. [Доможаков 1975: 23]

сына=п көр=iңер апсах=∅ хооста=ан
пробовать=CV AUX:смотреть=IMP.2PL старик=NOM украшать=PP
хаңза=∅ сун=ча
трубка=NOM протягивать=PRES
'«Попробуйте» – старик протянул украшенную трубку.'

ACC

Тув.

(151) *Арткан хонуктарны Кызыл-оол ада-иезиниң аалынга эрттирген*. [Даржай 1984: 10]

арт=кан хонук=тар=ны Кызыл-оол=∅ ада-ие=зи=ниң
оставаться=PP суток=PL=ACC Pers=NOM родители=POSS.3=GEN
аал=ын=га эрт=тир=ген
аал=POSS.3=DAT проходить=CAUS=PP
'Оставшиеся дни Кызыл-оол провел в доме своих родителей.'

Хак.

(152) ...*сарналчатхан тахпахты ундубас иде iстiме сииртiп салгам*. [Тиников 1982: 9]

сарна=л=чатхан тахпах=ты унду=бас ид=е
петь=PASS=PART тахпах=ACC забывать=PrP.NEG делать=CV
iстi=м=е сиирт=iп сал=ғам
нутро=POSS.1Sg=DAT впитать=CV AUX:класть=PP.1Sg
'...хорошенько впитал в себя поющийся тахпах.'

2.1.1.6. Местоимения

NOM

Тув.

(153) *Үнер айда Салбакай меңээ база ындыг телефон садын бээрин аазаан.*

[Монгуш 2012: 6]

үн=ер	ай=да	Салбакай=∅	мең=ээ	база	ындыг
наступать=PrP	месяц=LOC	Pers=NOM	я=DAT	тоже	такой
телефон =∅	сад=ып	бэ=эр=и=н		ааза=ан	
телефон =NOM	покупать=CV	AUX:давать=PrP=POSS.3=ACC		обещать=PP	

‘На следующем месяце Салбакай мне обещала купить такой же телефон.’

Хак.

(154) *Нинче урустар көредір Чобат суг.* [Доможаков 1975: 20]

нинче	урус=тар=∅	көр=едір	Чобат=∅	суг=∅	
сколько	драка=PL=NOM	видеть=PART	Pers=NOM	река=NOM	

‘Сколько драк видит река Чобат.’

ACC

Тув.

(155) *Бистер ындыг чемпионну билеткеп болур бис.* [Ооржак 2006: 9]

бис=тер=∅	ындыг	чемпион =ну	билетке=п	бол=ур	бис
мы=PL=NOM	такой	чемпион =ACC	подготовить=CV	AUX:быть=FUT	1PL

‘Мы можем подготовить такого чемпиона’.

Хак.

(156) *Андаг аттарны кинода ла көртисчелер, неке.* [Бурнаков 2006: 8]

андаг	ат=тар=ны	кино=да	ла	көр=тис=че=лер	неке
такой	лошадь=PL=ACC	кино=LOC	PRTCL	видеть=CAUS=PRES=3PL	вероятно

‘Таких лошадей, видимо, видели только в кино’

ИГ с простыми определениями в большинстве случаев не имеют маркировки аккузативом. Видимо, они чаще выполняют атрибутивную функцию, в силу чего практически не отличаются от имени без определений в плане морфосинтаксического маркирования в позиции ПД.

Аккузативное маркирование ПД с простым определением связано с теми же факторами, что и одиночное имя, здесь определение служит для дополнительного уточнения и конкретизации.

Тув.

(157) *Ак чемни аас дээр чоор.* [Серен-оол 1995: 9]

ак чем=ни аас=∅ дэ=эр чоор
белый пицца=АСС рот=NOM говорить=PrP PRTCL

Букв.: Белую пищу отведать нужно.

‘Белой пищей обязательно надо угоститься.’

В примере (157) ИГ употребляется исключительно в аккумулятиве, т. е. немаркированный вариант неграмматичен. Несмотря на то, что в контексте речь идет о молоке, которое предлагает выпить говорящий слушающему, в этом высказывании ключевым является родовой статус ИГ «белая пицца» как молочный продукт вообще. ИГ находится в теме высказывания и топикализована.

Таким образом, простые определения, исключая выраженные указательным и определительными местоимениями, не имеют в своей семантике значений, которые однозначно влияли бы на выбор той или иной маркировки ПД. Простые определения в основном выступают в характеризующей функции, придавая предмету определения дополнительную характеристику, недостаточную для идентификации данного объекта. А идентифицирующую функцию определения выполняют либо в силу свойственной их семантике индивидуализирующего значения (указательные, определительные определения), либо как средства для топикализации, конкретизации ИГ. Об это свидетельствует также то, что почти во всех предложениях с маркированным ПД с простыми определениями установлен порядок слов, где ПД отдален от сказуемого. А в данном случае определение служит для уточнения и конкретизации.

2.1.2. Сложные определения

В выборе маркировки ПД со сложными определениями также нет однозначности, однако процент маркировки аккумулятивом больше, чем при простых определениях.

2.1.2.1. Сочетание определений

При одном определяемом имени может стоять несколько определений. Здесь имеются в виду не однородные определения, а определения разных типов. Такие случаи мы объединили в одну группу – *сочетание определений*. ПД с сочетанием определений маркируются аккумулятивом в 56 % случаев в тувинском языке, в 64 % случаев в хакасском, что относительно больше, чем процент оформления ИГ с простыми определениями.

Тув.

(158) *Угбам ийи чиңге хадың кезип алган.* [Тока 1951: 9]

угба=м=Ø	ийи	чиңге	хадың=Ø	кез=ип
старшая сестра=POSS.1Sg=NOM	два	тонкий	береза=NOM	резать=CV
ал=ган				
брат=PP				

‘Сестра срубила две тонкие березы.’

Тув.

(159) *...улуг даш колдуну ажыдыптарга...* [Тувинские народные сказки 1994: 268]

улуг	даш	колду=ну	ажыд=ыпт=ар=га
большой	каменный	боковина=ACC	открывать=RERF=PrP=DAT

‘...когда открыла большие каменные боковины...’

Хак.

(160) *Пістің ооллар ікі теер хап артын килгеннер.* [Хакас чоңының нымахтары 1986: 16]

піс=тің	оол=лар=Ø	ікі	теер	хап=Ø
мы=GEN	парень=PL=NOM	два	кожаный	мешок=NOM
арт=ын	кил=ген=нер			
взваливать=REFL	AUX:приходить=PP=3PL			

‘Наши парни принесли два кожаных мешка.’

2.1.2.2. Определения-словосочетания

У определяемого имени могут быть определения, состоящие из связанных между собой синтаксической связью слов – *словосочетаний*. Прямой объект с определением-словосочетанием в 83 % случаев в тувинском языке и 81 % случаев в хакасском оформляется аккумулятивом. Вероятность конкретизации и индивидуализации определяемого объекта в силу сложности опре-

деления возрастает, т. е. вероятность уникальности данного объекта становится выше, приближая определенность объекта к максимуму.

Тув.

(161) *...ай-хүн херелдиг алдын даңгына ийи мөңгүн хоода суг көдүрүп алган өгже кирип чыткан.* [Тувинские народные сказки 1994: 256]

ай=∅	хүн=∅	херел=диг	алдын	даңгына=∅	ийи
луна=NOM	солнце=NOM	луч=POSSV	золотой	дангына=NOM	два
мөңгүн	хоо=да	суг=∅	көдүр=үп	ал=ган	
серебряный	кувшин=LOC	вода=NOM	поднимать=CV	брать=PP	
өг=же	кир=ип	чыт=кан			
юрта=LAT	входить=CV	лежать=PP			

‘...лунно-солнце-лучистая золотая *дангына* в юрту входила, неся воду в двух серебряных кувшинах.’

Хак.

(162) *Оолның ахсына үс-төрт самнах суг ағысхан.* [Доможаков 1975: 17]

оол=ның	ахс=ы=на	үс-төрт	самнах	суг=∅
парень=GEN	рот=POSS.3=DAT	три-четыре	ложка	вода=NOM
ағыс=хан				

пускать жидкость=PP

‘В рот парня влила три-четыре ложки воды.’

Тув.

(163) *Мөңгүн хоода шайны мөңгүн аякка кудуп ижип олурган.* [Тувинские народные сказки 1994: 256]

мөңгүн	хоо=да	шай=ны	мөңгүн	аяк=ка	куд=уп
серебряный	кувшин=LOC	чай=ACC	серебряный	пиала=DAT	наливать=CV
иж=ип	олур=ган				
пить=CV	сидеть=PP				

‘Налил чай из серебряного чайника в серебряную чашку и стал пить.’

Хак.

(164) *Мында айланып, хайыныс чөрген чон пу чагында андаг сіліг хысты көрбеен полтырлар.* [Хакас чоңының нымахтары 1986: 7]

мында айлан=ып	хайыныс	чөр=ген	чон	пу	чағын=да
здесь кружиться=CV	хлопотать	AUX:идти=PP	народ	этот	близко=LOC
андаг сіліг	хыс=ты	көр=беен	пол=тыр=лар		
такой красивый	девушка=ACC	смотреть=PP.NEG	AUX:быть=PART=PL		

‘Тут носящийся, хлопочущий народ в ближайшей округе не видел такой красивой девушки.’

ИГ в позиции ПД с *причастным оборотом* в качестве определения оформляются в 96 % случаев аккузативом в тувинском языке, в 93 % случаев

в хакасском языке. С одной стороны, видимо, это связано со спецификой причастного оборота: развернутая характеристика объекта, которая исключает возможность всякого другого выбора, и, таким образом, ситуация, обозначаемая причастным оборотом, называется с целью уточнения референции тех или иных объектов. С другой стороны, причастная группа в качестве определения обычно сообщает уточняющую информацию и тесно связана с предыдущим контекстом или дискурсивной обстановкой, поэтому чаще попадает в тему высказывания, о чем свидетельствует в 70 % случаев инверсивный порядок слов в тувинском языке, при котором ПД отделено от сказуемого и находится ближе к началу предложения.

Тув.

(165) *Ажылче бар-даа чыткаш, автобус доктаар черге-даа тургаш, олары-биле үргүлчү чугаалажыр чаңчыл тып алган.* [Монгуш 2012: 5]

ажыл=че бар-даа чыт=каш автобус=∅ докта=ар
 работа=LAT ехать-PRТCL AUX:лежать=CV автобус=NOM останавливаться=PrP
 чер=ге-даа тур=гаш олар=ы-биле үргүлчү чугаалаж=ыр
 место=DAT-PRТCL стоять=CV они=POSS.3-с часто разговаривать=PrP
 чаңчыл=∅ ты=п ал=ган
 традиция=NOM найти=CV AUX:братъ=PP

‘Стало традицией часто с ними общаться и по дороге на работу, и стоя на остановке.’

Тув.

(166) *Ол уруг ынаар ыракта турган угбайны дилээн.* [Монгуш 2012: 6]

ол уруг=∅ ынаар ырак=та тур=ган угбай=ны
 тот девушка=NOM там далекий=LOC стоять=PP старшая сестра=ACC
 дилэ=эн
 просить=PP

‘Эта девушка позвала женщину, которая там дальше стояла.’

Хак.

(167) *Сала маңзыри арыг аразында, от өскен чирлер көргөп, адымны арғамчылап салдым.* [Боргояков 2008: 18]

сала маңзыр=и арыг=∅ ара=зын=да от=∅
 чуть спешить=CV лес=NOM внутри=POSS.3=LOC трава=NOM
 өс=кен чир=лер=∅ көр=гле=п ад=ым=ны
 вырастать=PP место=PL=NOM смотреть=ITER=CV лошадь=POSS.1Sg=ACC
 арғамчыла=п сал=ды=м
 привязать=CV AUX:отпускать=PAST=1Sg

‘Быстро просмотрел травянистые места в лесу, привязал своего коня арканом.’

Хак.

(168) *Пабам хаңаадаң чачыннаң төрткіл иде ораалган ниме алып-алып, турачахсар кирген.* [Киргиников 2011: 62]

паба=м=∅ хаңаа=дан **чачын=наң** **төрткіл** ид=е
отец=POSS.1Sg=NOM телега=ABL **бумага=INSTR** **квадратный** **делать=CV**
ора=л=ған **ниме=∅** ал=ып-ал=ып турачах=сар
заворачивать=PASS=PP **вещь=NOM** братъ=CV-братъ=CV домик=LAT
кир=ген
заноить=PP

‘Мой отец, взяв с телеги вчетверо завернутую бумагой вещь, занес в домик.’

Хак.

(169) *Тирлеен аргазы, хуруп, харал партыр, анаң мин хатыра хургап парган түктерни холнаң уззи тутхлаам.* [Боргояков 2008: 18]

тирле=ен арға=зы=∅ хуру=п харал пар=тыр
потеть=PP спина=POSS.3=NOM сохнуть=CV черный AUX:идти=PAST.EVID
анаң мин=∅ **хатыр=а** **хурга=п** **пар=ған**
потом я=NOM **твердеть=CV** **сохнуть=CV** **AUX:идти=PP**
түк=тер=ни хол=наң уғз=и тут=хла=ам
шерсть=PL=ACC рука=INSTR подравнивать=CV держать=ITER=PP.1Sg

‘Вспотевшая спина, высохнув, почернела, потом я подравнивал затвердевшую шерсть.’

Таблица 4

**Маркированность детерминативных определительных сочетаний
в позиции прямого дополнения**

№	Тип детерминативного определения	Тувинский язык		Хакасский язык	
		ACC	NOM	ACC	NOM
1	Указательное местоимение	100 %		100 %	
2	Определительное местоимение	100 %		100 %	
3	Причастный оборот	96 %	4 %	93 %	7 %
4	Словосочетание	83 %	17 %	81 %	19 %
5	Сочетание определений	56 %	44 %	64 %	36 %
6	Простые определения	34 %	66 %	42 %	58 %

Таким образом, ПД с детерминативными определениями в целом не требуют обязательного оформления аккузативом. Однако можно отметить, что количество и длина зависимых частей при имени влияет на выбор маркировки ПД. Значительную роль играет коммуникативная роль определяемого объекта в высказывании: маркированные аккузативом ИГ чаще находятся в теме высказывания, на что указывает, в частности, порядок слов, при котором ПД находится ближе к началу высказывания. В этом случае определения выступают чаще средством топикализации, устанавливая связи между определяемым объектом и предыдущим контекстом или дискурсивной ситуацией.

2.2. Посессивные определительные сочетания

ПД может являться вершиной посессивной конструкции, состоящей из двух именных членов: ПД обозначает предмет обладания, а зависящий от него компонент – обладателя. Первый компонент (посессор) маркируется номинативом (NOM) или генитивом (GEN). Выбор падежа обусловлен свойствами посессивной конструкции, семантикой входящих в ее состав компонентов, их референциальным статусом и т. п. Ср. примеры (170) и (171):

Тув.

(170) *бажың ханазы*

бажың=Ø хана=зы
дом=NOM стена=POSS.3
'стена дома'

Тув.

(171) *бажыңның ханазы*

бажың=ның хана=зы
дом=GEN стена=POSS.3
'стена дома'

В тюркологии для описания такой структуры используется термин «изафетная конструкция» (далее – ИК), т. е. притяжательное определитель-

ное сочетание, в котором отношение определения и определяемого, кроме порядка слов, выражено специальными аффиксами родительного падежа (или без них) при определении и аффиксами принадлежности – при определяемом [Баскаков 1959: 221–222].

Выделяются три типа ИК. Первый тип (ИК1, или безаффиксный изафет) современными исследователями как собственно изафетная конструкция не рассматривается, так как она не передает отношений принадлежности, а определяемое имя не имеет посессивного показателя (например, тув. *ыяш*=∅ *бажың*=∅ ‘деревянный дом’; букв.: дерево дом). В данной работе этот тип ИК не рассматривается.

В конструкциях второго типа (ИК2, или одноаффиксный изафет) посессор не имеет генитивного аффикса, а вершина оформлена посессивным показателем (например, тув. *кижи*=∅ *баж*=ы ‘голова человека’; букв.: человек голова=его).

В конструкциях третьего типа (ИК3, или двааффиксный изафет) посессор оформляется генитивным аффиксом, а посессум – посессивным (например, тув. *оол*=дуң *ном*=у ‘книга мальчика’; букв.: мальчик=GEN книга=его) [Майзель 1957: 17].

Второй компонент (посессум, объект обладания), находящийся в позиции ПД, принимает форму либо номинатива, либо аккумулятива. Это определяется свойствами посессивной конструкции или зависит от свойств высказывания в целом.

Тув.

(172) [*Ыт чеми эккелдим*] _{рема}.

ыт=∅	чем=и=∅	эккел=ди=м
собака=NOM	корм=POSS.3=NOM	приносить=PAST=1Sg

‘Я принес собачий корм.’

Тув.

(173) [*Ыттың чемин*] _{тема} [*утпас сен*] _{рема}.

ыт=тын	чем=и=н	ут=пас	сен
собака=GEN	корм=POSS.3=ACC	забывать=PrP.NEG	2Sg

‘Не забудь о корме собаки.’

В примере (172) ИГ является устойчивым сочетанием, имеет неопределенный референциальный статус, вместе с глаголом находится в реме высказывания. А в примере (173) речь идет о корме конкретной собаки, ИГ составляет тему высказывания.

Таким образом, при рассмотрении явления дифференцированного маркирования ПД в ИК пересекаются две разновидности дифференцированного падежного маркирования в тюркских языках: вариативное маркирование ПД и вариативное маркирование посессора в изафетных конструкциях. В этой связи интересно проверить, насколько факторы, влияющие на вариативность в обоих случаях, соотносятся друг с другом.

2.2.1. Маркирование прямого дополнения в составе ИКЗ

Описание закономерностей падежного варьирования в оформлении ПД целесообразно начать с ИКЗ, так как в составе этой конструкции оба компонента маркированы: посессор принимает показатель генитива, а посессум – лично-притяжательный аффикс.

По количеству эксплицитных компонентов ИКЗ делятся на односоставные (*бажыңы* ‘дом-его’) и двусоставные (*ооң бажыңы* ‘он.GEN дом-его’), по семантике первого компонента – на выражающие личную (*мээң номум* ‘я.GEN книга-моя’) или предметную принадлежность (*шаланың хири* ‘пол.GEN грязь-его’). ИКЗ, выражающие личную принадлежность, могут быть во всех трех лицах.

Падежное оформление ПД связано с категорией лица посессора: если лично-притяжательные аффиксы на посессуме указывают на 3-е лицо посессора, аккузативное маркирование ПД обязательно: ИКЗ 3-го лица – как односоставные, так и двусоставные – в позиции ПД всегда маркированы аккузативом:

∅ POSSM=POSS.3=ACC

POSSR=GEN POSSM=POSS.3=ACC.

Это дает основания предполагать наличие прямой зависимости между генитивным оформлением посессора и аккумулятивным оформлением вершины ИКЗ в позиции ПД.

Если посессум оформляется показателями 1-го или 2-го лица, то ПД может принимать форму либо аккумулятора, либо номинатива:

POSSR=GEN POSSM=POSS1,2=NOM/ACC.

Далее проанализируем, насколько факторы, определяющие выбор генитивного оформления посессора ИКЗ и аккумулятивного оформления ПД, соотносятся между собой, исходя из гипотезы, что обязательное аккумулятивное оформление ИКЗ в позиции ПД в тувинском языке прямым образом связано с факторами, определяющими генитивное оформление посессора.

П. В. Гращенко в работе, посвященной анализу ИК в мишарском диалекте татарском языке, сформулировал три ключевых правила выбора генитивного маркирования посессора ИКЗ.

«(I) В случае нераспространенных ИГ (т. е. при отсутствии модификаторов у зависимого имени и, как правило, при отсутствии у вершинного имени других модификаторов, кроме существительного, образующего ИК2 / ИК3) оформленный генитив (ИКЗ) связан с выражением определенного референциального статуса образуемой зависимым существительным ИГ.

(II) Генитивное оформление (ИКЗ) способны получать только те ИГ, которые обозначают объект, являющийся важным с точки зрения говорящего (и слушающего) участником событий дискурса.

(III) В том случае, когда референциальный статус предписывает зависимому имени безгенитивное оформление, но: а) это имя имеет свои модификаторы, или б) у вершинного имени существуют дополнительные модификаторы; предпочтительнее, тем не менее, оформлять его показателем генитива (ИКЗ)» [Гращенко 2002: 22, 25, 28].

2.2.1.1. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в составе ИКЗ с посессором в 3-м лице

Односоставная ИКЗ с посессором в 3-м лице в позиции ПД в номинативе не употребляется. В позиции посессума могут находиться и неопределенные, и неодушевленные, и другие ИГ, не требующие обязательного аккумулятивного маркирования. Вероятно, ключевую роль здесь играет топикальность посессора. «Мысленное восполнение односоставного изафета с аффиксом принадлежности 3-го лица недостающим членом имеет различные степени достоверности. Обычно первый член опускается потому, что он совсем незадолго до употребления односоставного изафета уже фигурировал в разговоре или тексте, живо сохранился в памяти участников разговора» [Майзель 1957: 124]. Очень часто опущенный первый член изафета обозначает «совокупность всего ранее сказанного, целую обстановку» [Там же: 125]. Часто недостающим членом является подлежащее.

Тув.

(174) *Кызытпа чазы-биле сыйда оьгун ап алгаиш, {бөрүнү аъттың хөрээниң иштинге сындыра берген}*. [Тувинские народные сказки 1994: 252]

кызытпа	ча=зы-биле	сыйда	оьг=у=н	а=п
маленький	лук=POSS.3-INSTR	острый	стрела=POSS.3=ACC	братъ=CV
ал=гаиш				
AUX:братъ=CV				

‘Взяв свой маленький лук и остроконечную стрелу, {стал втискивать волка в конскую грудь.}’

Хак.

(175) *Ол иңніне чаа мылтыгын артын салтыр, а сол наньында өкер хылыс.*

[Тиников 1982: 18]

ол=∅	иңн=in=e	чаа	мылтыг=ы=н
он=NOM	плечо=POSS.3=DAT	новый	ружье=POSS.3=ACC
артын	сал=тыр	а	нан=ын=да
закидывать	класть=PART	conj	бедро=POSS.3=LOC
өкер	хылыс=∅		
красивый	шашка=NOM		

‘Он повесил ружье себе на плечо, а на левом бедре красивая шашка’.

Обязательное маркирование посессора ИКЗ генитивом, а посессума аккузативом в позиции ПД двусоставной ИКЗ с посессумом в 3-м лице в тувинском и хакасском языках связано в первую очередь также с топикальностью посессора. Ю. А. Ландер писал, что «чем выше посессор в иерархиях топикальности, тем скорее он будет маркирован как таковой» [Ландер 2016: 27]. Посессум ИКЗ с топикальным посессором маркируется аккузативом, при этом определенность или неопределенность посессума не имеет значения: она может быть и определенной, и неопределенной. Таких примеров в наших материалах большинство.

Тув.

(176) *Шак ол «ынчалза-даа» деп ындыг сөстүң аак-кээгин Херел ирей-кадай база чурттап эртер ужурга таварышкан.* [Кудажы 1965: 10]

шак ол	ынчалза-даа	деп	ындыг	сөстүң	аак-кээг=и=н
тот	но	так	такой	слово=GEN	горечь=POSS.3=ACC
Херел=∅	ирей-кадай=∅		база	чуртта=п	эрт=ер
Pers=NOM	старик-старуха=NOM		тоже	жить=CV	проходить=PrP
ужур=га	таварыш=кан				
случай=DAT	встречать=PP				

‘Чета Херел также вынуждена была столкнуться с горечью слова «но».’

Хак.

(177) *Пу хабахтың ахсын кем асхан?* [Хулғалар 1991: 19]

пу	хабах=тың	ахс=ы=н		кем=∅	ас=хан
этот	водка=GEN	крышка=POSS.3=ACC		кто=NOM	открывать=PP

‘Кто открыл эту водку?’

В многоступенчатых ИКЗ маркированность посессора может быть связана с топикальностью его посессора, как в примере (178), где речь идет о хозяйстве уже известного Караты-Хаана. Первый посессивный показатель – это анафорическая отсылка к личности хана.

Тув.

(178) *Ижик-дөжээниң хозун, кажжаа-хораазының иштин бакылаай-ла мен.* [Тувинские народные сказки 1994: 258]

ижик-дөжэ=э=ниң	хоз=у=н	кажжаа-хораа=зы=ның
кровать=POSS.3=GEN	полость=POSS.3=ACC	скотный двор=POSS.3=GEN

ишт=и=н бакыла=ай-ла мен
 внутрь=POSS.3=ACC заглядывать=IMP.1Sg-PRTCL 1Sg
 ‘Я под его кровать, в его скотный двор загляну.’

Хак.

(179) < ... >, *постарының ханын постары чіділер, кинчі идінең хада палаларының идін чіділер.* [Хакас чонының кип-чоохтары 1990: 9]

пос=тар=ы=ның хан=ы=н пос=тар=ы=∅
 сам=PL=POSS.3=GEN кровь=POSS.3=ACC сам=PL=POSS.3=NOM
 чі=ді=лер кинчі=∅ ид=і=нең хада
 есть=PAST=3PL ягненок=NOM мясо=POSS.3=PRTCL вместе
 пала=лар=ы=ның ид=і=н чі=ді=лер
 ребенок=PL=POSS.3=GEN мясо=POSS.3=ACC есть=PAST=3PL

‘< ... >, сами ели свою кровь, вместе с мясом ягненка ели мясо своих детей.’

В тувинском и хакасском языках генитивное маркирование посессора определяется также его одушевленностью. Некоторые одушевленные ИГ: вопросительное местоимение *кым?* ‘кто?’, антропонимы – требуют обязательного генитивного маркирования. Однако, в сущности, это связано с признаком топикальности.

Тув.

(180) *Кымның барын-даа, кымның чогу-даа эскербээн.* [Кудажы 2002: 14]

кым=ның бар=ы=н-даа кым=ның
 кто=GEN наличие=POSS.3=ACC=PRTCL кто=GEN
 чогу=у=н-даа эскер=бээн
 отсутствие=POSS.3=ACC=PRTCL замечать=PP.NEG.3Sg

‘Он не заметил ни чьего-либо присутствия, ни чьего-либо отсутствия.’

Хак.

(181) *Олар пір тоғыс итчелер – кемнің-де чуртазын нииктепчелер.* [«Хабар», Хабарлар, 23.05.2018]

олар=∅ пір тоғыс=∅ ит=че=лер кем=нің-де
 они=NOM один работа=NOM делать=PRES=3PL кто=GEN-PRTCL
 чуртаз=ы=н ниикте=пче=лер
 жизнь=POSS.3=ACC облегчать=PRES=3PL

‘Они делают одну работу – облегчают чью-то жизнь.’

В отличие от мишарского диалекта татарского языка, в тувинском и хакасском языках антропонимы в позиции посессора ИКЗ¹³ всегда маркируются генитивом.

Тув.

(182) *Акым Бежендейниң арнын көөрүмге...* [Тока 1951: 8]

акы=м=∅ **Бежендей=нин** **арн=ы=н**
 брат=POSS.1Sg=NOM **Pers=GEN** **лицо=POSS.3=ACC**
 кө=өр=үм=ге
 смотреть=PrP=1Sg=DAT

‘Когда я смотрю на лицо своего брата Бежендея...’

Хак.

(183) *Мин, ол туста кічиг дее ползам, мўнген Сарахсырның кўлўгін сизін салгам.* [Боргояков 2008: 19]

мин=∅ ол тус=та кічиг дее пол=за=м мўн=ген
 я=NOM тот время=LOC маленький PRTCL быть=COND=1Sg ездить=PP
Сарахсыр=ның **кўлўг=і=н** сизін сал=гам
Pers=GEN **мощь=POSS.3=ACC** осознавать AUX:класть=PP.1Sg

‘Я в это время хоть и был малым, сразу осознал мощь Сарасхыра.’

Что касается других имен собственных, то они допускают вариативное маркирование посессора: они могут быть в генитиве и номинативе.

Тув.

(184) *Кызыл чалбыыш Барык унун шыва берген турган.* [Кудажы 2002: 10]

кызыл чалбыыш=∅ **Барык=∅** **ун=у=н**
 красный пламя=NOM **Pers=NOM** **русло=POSS.3=ACC**
 шыв=а бер=ген тур=ган
 покрывать=CV AUX:давать=PP AUX:стоять=PP

‘Красное пламя покрыло русло Барыка.’

Хак.

(185) *Прайзы турып удурлаан Россия гимнн паза меропрятиеде пастагызын на толдырылган Хакасияның хазна гимнн.* [«Хабар», 13 марта 2015, №26: 7].

прай=зы=∅ тур=ып удурла=ан **Россия=∅** **гимн=і=н**
 все=POSS.3=NOM стоять=CV встречать=PP **Россия=NOM** **гимн=POSS.3=ACC**

¹³ Единственным исключением является написание отчества в паспорте, например, *Ооржак Маадыр Аян оглу.*

паза мероприятие=де пастагызын на толдырыл=ган Хакасия=нын
 еще мероприятие=LOC впервые PRTCL исполняться=PP Хакасия=GEN
 хазна=∅ гимн=i=n
 государство=NOM гимн=POSS.3=ACC

‘Все стоя приветствовали гимн России и также впервые исполняющийся на мероприятии государственный гимн Хакасии.’

В тувинском и хакасском языках, как и в мишарском диалекте татарского языка, вероятность генитивного маркирования посессора возрастает при появлении модификаторов у посессора или у вершины ИК, что приводит к изменению линейного расстояния между посессором и вершиной.

Тув.

(186) *Бойдустуң чаагай ногаан үнүжү чадыривысты дескиндир бүргей бээр*
 [Тока 1951: 11]

бойдус=туң чаагай ногаан **үнүж=ү=∅**
природа=GEN вкусный зеленый **растение=POSS.3=NOM**
 чадыр=ывыс=ты дескиндир бүрге=й бэ=эр
 изба=POSS/1PL=ACC вокруг окружить=CV AUX=PrP
 ‘Ароматные зеленые растения природы окружают нашу избу.’

Хак.

(187) *Оларга чухпин, көні ирте халзаң, асхыр, поэның идерге иткен тогызын итпин, тохтап парча.* [Боргояков 2008: 16]

олар=га чух=пин көні ирт=е хал=за=ң
 они=DAT показаться=NEG.CV мимо проходить=CV бежать=COND=2Sg
 асхыр=∅ **поз=ы=ның** ид=ерге ит=кен **тоғыз=ы=н**
жеребец=NOM сам=POSS.3=GEN делать=INF делать=PP **работа=POSS.3=ACC**
 ит=пин тохта=п пар=ча
 делать=NEG.CV останавливаться=CV AUX:идти=PRES

‘Если проскочить мимо них незаметно, жеребец-вожак останавливается, не выполняя свою работу.’

Линейная отдаленность между синтаксически связанными элементами конструкции приводит к необходимости эксплицитного маркера при зависимом компоненте. Такая мера необходима во избежание неоднозначности синтагматических отношений между членами распространенной конструкции.

В тувинском и хакасском языках встречаются ИКЗ со слабоопределенным [Падучева 2010: 90] и нереферентным статусом [Там же: 94] посессора.

В реальных высказываниях посессор ИКЗ часто имеет нереперентный экзистенциальный статус [Там же: 94], т. е. не является определенным, конкретным и выражает неиндивидуализированный объект. Посессор ИКЗ в примере (188) имеет дистрибутивный статус, т. е. имеется в виду не какая-то конкретная зима, а всякая. Здесь ИКЗ также находится в теме высказывания.

Тув.

(188) *Кыштың соогун бис-даа айыыл деп уткуур бис.* [Тока 1951: 9]

кыш=тың соог=у=н бис=∅-даа
 зима=GEN холод=POSS.3=ACC мы=NOM-PRTCL
 айыыл=∅ де=п утку=ур бис
 опасность=NOM сказать=CV встречать=PrP 1PL
 ‘Мы же встречаем зимний холод как опасность.’

Хак.

(189) *Олар мал-хустарның агырыгларын, хайди ол агырыгларны орта им-нирiн iстесчелер.* [«Хабар», 10 февраля 2015, № 14: 4]

олар=∅ мал-хус=гар=ның агырыг=лар=ы=н хайди ол
 они=NOM животные=PL=GEN болезнь=PL=POSS.3=ACC как тот
 агырыг=лар=ны орта имнир=i=н iстес=че=лер
 болезнь=PL=POSS.3=ACC правильно лечить=POSS.3=ACC изучать=PRES=PL
 ‘Они исследуют болезни животных, как их правильно лечить.’

В тувинском языке часто в таких случаях посессором ИКЗ являются вопросительные и определительно-отрицательные местоимения, которые сами в позиции ПД всегда имеют аккумулятивный показатель, а в позиции посессора в большинстве случаев маркируются генитивом.

Тув.

(190) *Буян эгезинде чүнүң-даа ужу-бажын тыппаан.* [Кудажы 2002: 11]

Буян=∅ эге=зин=де чү=нүн-даа
 Pers=NOM начало=POSS.3=LOC что=GEN-PRTCL
 уж=у-баж=ы=н тып=паан
 конец=POSS.3-начало=POSS.3=ACC находить=PP.NEG
 ‘Буян сначала ничего не мог понять.’

Тув.

(191) *Соскар кымның-даа чугаазын дыңнавайн, {отче чүткүп-ле турган}.* [Кудажы 2002: 12]

Соскар=∅ кым=ның-даа чугаа=зы=н дыңна=вайн
 Pers=NOM кто=GEN-PRTCL слово=POSS.3=ACC слушать=NEG.CV
 ‘Соскар, не слушая ничьи уговоры, {всё пытался пробиться к огню.}’

Обязательное генитивное и аккузативное маркирование данных классов местоимений в позиции посессора ИКЗ и ПД мы связываем, во-первых, с необходимостью определения их роли в семантико-синтаксической структуре высказывания, т. е. когда кто-то задает вопрос, он должен указать на семантическую роль главной вопрошаемой информации, во-вторых, с актуальным членением предложения: обычно это отрицательные предложения, и, возможно, в них актуализируется ограничение.

Случай генитивного маркирования, имеющий семантико-синтаксическое объяснение, продемонстрирован в примерах (192) и (193). Ситуация, описанная в примере (192), произошла раньше, и здесь *орун* ‘кровать’ вводится в дискурс впервые. С точки зрения грамматического звучания и влияния фактора неопределенности здесь также более ожидаемо оформление номинативом вместо генитива.

Тув.

(192) *Долзат хевин ужулбайн, оруннуң шывыын часпайн-даа чыдын алган*
[Даржай 1984: 7]

Долзат=∅	хев=и=н	ужул=байн
Pers=NOM	одежда=POSS.3=ACC	снимать=NEG.CV
орун=нун	шывы=ы=н	
кровать=GEN	покрывало=POSS.3=ACC	
час=пайн-даа	чыд=ып	ал=ган
открывать=NEG.CV-PRCL	лежать=CV	AUX=PP

‘Долзат, не снимая одежду, даже не расправив покрывало кровати, легла.’

Однако выбор автора находит объяснение: генитив здесь является необходимым для разбивки устойчивого сочетания *орун шывыы* ‘покрывало’, являющегося лексическим единством. Сочетание *оруннуң шывыы* в данном случае можно перевести как ‘покрывало кровати, или то, чем укрыта кровать’, т. е. кровать и покрывало специально разделяются как отдельные слова. А аккузативное маркирование всей ИГ связано с генитивным маркированием посессора. Независимо от причин генитивного маркирования посессора посессум ИКЗ в позиции ПД всегда маркируется аккузативом.

Ситуация, описанная в примере (193), происходит позже, чем ситуация, представленная в примере (192). ИГ *орун шывыы* ‘покрывало’ получает аккумулятивное маркирование по правилу топиальности: оно упоминается уже не в первый раз и в данном высказывании входит в тему. Однако посессор здесь оформляется номинативом, что указывает на лексическое единство словосочетания, которое по характеристикам относится к ИК2.

Тув.

(193) *Долзат орун шывыын дүргеш, {сандай кырынче салып кааш, чоорган иштинче кире халаан}*. [Даржай 1984: 11]

Долзат=Ø	орун=Ø	шывы=ы=н	дүр=геш
Pers=NOM	кровать=NOM	покрывало=POSS.3=ACC	складывать=CV

‘Долзат, сложив покрывало {и положив на стул, залезла под одеяло.}’

ИК2, выражающие лексические единства, при появлении фактора,рывающего эту связь, ведут себя точно так же, как синтаксическое сращение предиката и объекта при разнице их коммуникативного статуса, т. е. получают маркер на зависимом имени.

Таким образом, выбор генитива посессора ИК3 объясняется в основном влиянием категории топиальности. Генитивное маркирование посессора ИК3 с определенным, неопределенным или нереферентным статусом может быть обусловлено актуальным членением предложения: в таких случаях ИК3 находится в теме высказывания как данное. Кроме топиальности, выбор в пользу генитивного маркирования определяется одушевленностью референта некоторых ИГ, линейной отдаленностью компонентов ИК, наличием дополнительных определений. Такой же набор факторов релевантен для выбора аккумулятивного маркирования ПД. В таком случае, вероятно, обязательность аккумулятивного маркирования ИК3 в форме 3-го лица в позиции ПД объясняется тем, что факторы, определяющие выбор генитивного маркирования посессора, отделяют ПД от сказуемого, вследствие чего требуется согласование синтагматических отношений между ними.

2.2.1.2. Маркирование прямого дополнения в составе ИКЗ с посессумом в 1-м и 2-м лицах

Маркированность посессора в позиции ПД в односоставном изафете с аффиксом принадлежности 1-го и 2-го лиц (например, *огл=ум* ‘мой сын’) составляет примерно 50 % в тувинском языке и 64 % в хакасском.

Тув.

(194) ...*көске холуң чидиртин ап-тыр сен.* [Тока 1951: 11]

кес=ке	хол=уң=∅	чидирт=ип
горящие угли=DAT	рука=POSS.2Sg=NOM	обжигать=CV
а=п-тыр	сен	
AUX:братъ=PAST.EVID	2Sg	

‘Разорвав наш жалкий аркан, доползши до огня, обжег свою руку, оказалось.’

Хак.

(195) *Cözüm тирчем.* [Хулғалар 1991: 6]

сөз=ім=∅	пир=че=м
слово=POSS.1Sg=NOM	давать=PRES=1Sg

‘Даю свое слово.’

Как видим, ПД с аффиксом принадлежности 1-го и 2-го лица в качестве односоставного изафета маркируется и не маркируется примерно с одинаковой частотой. При этом ИГ с аффиксом принадлежности является определенной по признаку принадлежности говорящим, поэтому оформление аккузативом в данном случае также не зависит от определенности и неопределенности референта ИГ. Посессор имеет топикальный статус, поэтому топикальность посессора также не является решающим фактором.

В приведенных выше примерах ИГ находятся в реме высказывания, что, вероятно, указывает на роль коммуникативного статуса при номинативном оформлении ИГ. Однако немаркированные ПД встречаются и в теме высказывания. В примере (196) в позиции за сказуемым, где обычно могут находиться только тематизированные ИГ, мы видим немаркированное ПД.

Хак.

(196) *Амды тимне чоңуң ...* [Хай Пырыс 2013: 17]

амды тимне=∅ чон=ың=∅
сейчас готовить=IMP.2Sg народ=POSS.2Sg=NOM
'Теперь готовь свой народ ...'

Далее прокомментируем случаи, в которых ПД оформлено аккузативом. В примере (197) мы наблюдаем обратный порядок слов, при котором между ПД и сказуемым вставлено слово, что определяет коммуникативную структуру высказывания. Здесь ПД является данным и находится в теме – является топиком, что, видимо, и повлияло на маркировку аккузативом.

Тув.

(197) *Оглуңну барып кургагла.* [Серен-оол 1995: 9]

огл=уң=ну бар=ып кургаг=ла=∅
сын=POSS.2Sg=ACC идти=CV сухой=VRBLZ=IMP
'Иди, поменяй сыну пелёнку.'

В примере (198) ПД находится непосредственно перед сказуемым, однако оно также является топиком высказывания и получает аккузативное маркирование.

Хак.

(198) *Сала маңзыри арыг аразында, от өскен чирлер көрглеп, адымны арғамчылап салдым.* [Боргояков 2008: 18]

сала маңзыр=и арыг=∅ ара=зын=да от=∅ өс=кен
чуть спешить=CV лес=NOM внутри=POSS.3=LOC трава=NOM вырастить=PP
чир=лер=∅ көр=гле=п ад=ым=ны арғамчыла=п
место=PL=NOM смотреть=ITER=CV лошадь=POSS.1Sg=ACC привязать=CV
сал=ды=м
AUX:отпускать=PAST=1Sg
'Быстро просмотрел травянистые места в лесу, привязал своего коня арканом.'

В примере (199) автор мог бы использовать и немаркированную форму прямого дополнения, что не поменяло бы смысла сказанного. По нашему мнению, здесь важным фактором, повлиявшим на выбор формы, является намерение автора показать его искреннюю заинтересованность в благополу-

чий читателя. Показатель аккузатива усиливает эффект значимости сказанного, поэтому мы здесь видим топиализацию ИГ.

Тув.

(199) *Амыр-мендиңни айтырдым, номчукчу!* [Тока 1951: 5]

амыр-менди=ң=ни айтыр=ды=м номчукчу=∅
 благополучие=POSS.2Sg=ACC спрашивать=PAST=1Sg читатель=NOM

Букв. Я спрашиваю о твоём благополучии, читатель!

‘Приветствую тебя, читатель!’

Интересным является пример (200), где топик данного дискурса – река Мерген (глава озаглавлена также «Мерген»), о которой идет речь в начале текста, в позиции ПД не оформляется аккузативом. Данный пример интересен еще и тем, что «Мерген» является топонимом, т. е. именем собственным, которое в тувинском языке чаще оформляется аккузативом в силу признака топиальности.

Тув.

(200) ... *дораан-на төрээн Мергеним көргөн мен.* [Тока 1951: 5]

дораан=на төрээн Мерген=им=∅ көр=ген мен
 тот час же=PRTCL родной Pers=POSS.1Sg=NOM смотреть=PP 1Sg

‘... сразу же я увидел свою родную Мерген.’

Если при ПД с аффиксами 1-го и 2-го лица появляется любое определение, то оно чаще оформляется аккузативом.

Тув.

(201) ... *тос шилги аьдыңны олчалап алыр деп тур.* [Тувинские народные сказки 1994: 250]

тос шилги аьд=ың=ны олчала=п ал=ыр
 девять рыжий лошадь=POSS2Sg=ACC присвоить=CV ал=FUT

де=п тур=∅
 говорить=CV AUX:стоять=PRES

‘... девять твоих рыжих коней хочет присвоить себе’.

Хак.

(202) *Улуғ пилге сыхханча, көмес тее полза, мўнген адычаамны тынандырып аларга.* [Боргояков 2008: 16]

улуғ пил=ге сых=ханча көмес тее
 высокий перевал=DAT подниматься=CV немного PRTCL

пол=за	мўн=ген	адыча=ам=ны
AUX:быть=COND	ездить верхом=PP	лошадь=POSS.1Sg=ACC
тынан=дыр=ып	ал=арға	
отдыхать=CAUS=CV	AUX:братъ=INF	

‘Пока не поднялись на гору, хоть немного дать отдых своему коню.’

Таким образом, для получения аккузативного маркирования недостаточно нахождения в теме высказывания, вероятно, маркирование получают в данном случае только топиализованные ИГ.

Двусоставный двааффиксный изафет с аффиксом принадлежности 1-го и 2-го лица (например, *мээң оглум* ‘мой сын’) Н. К. Дмитриев связывает с конкретизацией, индивидуализацией определения и, следовательно, определяемого [Дмитриев 1960: 65].

В наших материалах по тувинскому языку ПД в двусоставном двааффиксном изафете с аффиксом принадлежности 1-го и 2-го лиц в 83 % случаев употребляется в аккузативе, в хакасском языке – в 91 %. Главным фактором, определяющим аккузативное маркирование ПД, является, по нашему мнению, также топиальность.

Показательным является пример (203), где встречается и маркированное, и немаркированное ПД в составе двусоставного и двааффиксная ИКЗ с посессором в 1-м и 2-м лицах, где наблюдается порядок слов с отдаленным от сказуемого ПД.

(203) *Ындыг болза, үш катап чаштын, сени тыпсымза, сээң кадайны мен алыйн, мен үш катап чаштыыйн, мени сен тыпсыңза, мээң кадайым сен ал.* [Тувинские народные сказки 1994: 258]

ындыг болза үш	катап чаштын=∅		
тогда	три раз	прятаться=IMP.2Sg	
се=ни	тып=сы=м=за	сэ=эң	кадай=ны мен=∅
ты=ACC	находить=COND=1Sg=COND	ты=GEN	жена=ACC я=NOM
ал=ыйн	ме=ни	сен=∅	тып=сы=ң=за
братъ=IMP.1Sg	я=ACC	ты=NOM	находить=COND=2Sg=COND
мэ=эң	кадай=ым=∅	сен=∅	ал=∅
я=GEN	жена=POSS.1Sg=NOM	ты=NOM	братъ=IMP.2Sg

‘Тогда спрячься три раза, если я тебя найду, твою жену я заберу, если ты меня найдешь, мою жену ты заберешь.’

В этой сказке речь идет в основном о красавице-жене главного героя, а жена хана – второстепенный персонаж. Существительное в позиции ПД, обозначающее жену главного героя, стоит в аккумулятиве, а там, где упоминается жена хана, аккумулятива нет. Жена главного героя является топиком для данного повествования и в рамках всего дискурса, а жена хана играет второстепенную роль.

Топикальность может наблюдаться и в рамках некоторой части дискурса или только в рамках одного высказывания.

Тув.

(204) *Мээң үш сай эртинемни хортан дайзын оорлап алгаи, чорупту!* [Тыва улустун тоолдары: 52]

мээң	үш	сай	эртине=м=ни	хортан	дайзын=∅
мой	три	камень	драгоценность=POSS.1Sg=ACC	коварный	враг=NOM
оорла=п	ал=гаш	чор=уп=ту			
воровать=CV	AUX:брать=CV	уходить=PERF=PAST			

‘Коварный враг украл три моих драгоценных камня.’

Хак.

(205) *Таң чарыда нымах салгазар, че иирде сирерниң нымахтарыңны истерге нинче кизи кирген, иртен ол синок кизи сыххан.* <...> [Боргояков 2008: 11]

таң=∅	чарыда	нымах=∅	сал=газар	че	
утро=NOM	до	сказка=NOM	рассказывать=PP.2PL	но	
иирде	сирер=ниң	нымах=тар=ың=ны	ист=ерге	нинче	
вечером	вы=GEN	сказка=PL=POSS.2PL=ACC	слушать=INF	сколько	
кизи=∅	кир=ген	иртен ол	синок	кизи=∅	
человек=NOM	входит=PP	утром тот	столько	человек=NOM	
сых=хан					
выходить=PP					

‘До рассвета рассказывали сказку, но сколько вечером зашло людей послушать, столько же утром и вышло.’

Аккумулятивное маркирование может быть связано также с одушевленностью референта ИГ, когда данная ИГ стоит в начале предложения с нулевым подлежащим и может интерпретироваться как подлежащее, если убрать аккумулятивное маркирование.

Тув.

(206) Бистиң чараш кыстарывысты ижиннелдирип каапсыңза канчаар мен?

[Монгуш 2012: 16]

бис=гинч чараш кыс=тар=ывыс=гы ижиннел=дир=ип
мы=GEN красивый девушка=PL=POSS.1PL=ACC беременеть=CAUS=CV
ка=ап=сыңза канча=ар мен
AUX=PERF=COND.2Sg что делать=PrP 1Sg

‘Что я буду делать, если наши красавицы-девушки заберемят от тебя?’

Хак.

(207) Минің туңмамны албаан полза, Сойанох чіли хысхырарчых. [Хулғалар 1991: 22]

мин-ін тунма=м=ны ал=баан пол=за
я=GEN сестренка=POSS.1Sg=ACC братъ=PP.NEG AUX:быть=COND
Сойанох=∅ чіли хысхырар=чых
Pers=NOM как кричать=PART

‘Если бы не взял мою сестренку, то кричал бы так же, как и Сойан.’

В случаях употребления неоформленного ПД прослеживаются те же закономерности, о которых мы говорили выше: во-первых, во всех ИГ нет других определений, кроме посессора; во-вторых, в предложении ПД занимает позицию непосредственно перед сказуемым; в-третьих, ПД и глагол имеют определенную степень синтаксической спаянности; в-четвертых, ПД и сказуемое имеют коммуникативный статус ремы.

Тув.

(208) Ам мээң адым бужартадырын бодава. [Серен-оол 1995: 11]

ам мэ=эң ад=ым=∅
сейчас я=GEN имя=POSS.1Sg=NOM
бужарта=д=ыр=ы=н бода=ва=∅
позориться=CAUS=PrP=POSS.3=ACC думать=IMP.NEG.1Sg

‘Не думай теперь опозорить мое имя.’

Хак.

(209) Че, минің чахиим толдырдыңар ба? [Хай Пырыс 2013: 11]

че минің чахи=им=∅ толдыр=ды=ңар ба
INTJ мой приказ=POSS.1Sg=NOM исполнять=PAST=2PL Q

‘Ну, исполнили ли мой приказ?’

Таким образом, материалы тувинского и хакасского языков показывают неслучайный характер выбора формы маркирования ПД, посессивных ИГ с посессором – участником коммуникативного акта. Аккузативное маркирование связано с топикальным статусом референта посессума: значимостью роли ИГ в конкретном высказывании или в дискурсе целом, одушевленностью. Номинативом оформляются ИГ, имеющие нетопикальный коммуникативный статус, сохраняющие определенную синтаксическую и коммуникативную спаянность со сказуемым. В целом выбор падежного маркирования ПД определяется свойствами самого посессума, поэтому имеется вариативность маркировки.

2.2.2. Маркирование прямого дополнения в составе ИК2

В этом типе ИК посессор не маркирован, а посессум содержит маркер посессивности 3-го лица: POSSR= \emptyset POSSM=POSS.3=NOM/ACC. Определение указывает на родовое или коллективное понятие, в котором не производится выделения единичных, индивидуальных частей [Дмитриев 1940: 50]; ИГ имеет неопределенный референциальный статус [Гращенков 2002: 29]. Такой тип изафета часто используется в устойчивых терминологических сочетаниях [Майзель 1957: 42], которые Е. И. Убрятова называет «лексическим единством» [Убрятова 2006: 122].

2.2.2.1. Факторы, определяющие аккузативное маркирование ИК2

ПД в составе ИК2 оформляется аккузативом, если посессор имеет топикальный статус. В примере (210) ИК3 находится в реме высказывания, маркированность посессума мотивирована через его непосредственное отношение к известному из ближайшего контекста гидрониму *Барык*, который является топиком данной части высказывания. В отрезке дискурса, из которого взят хакасский пример (211), речь также идет в основном о колхозе.

Тув.

(210) *Кызыл чалбыыш Барык унун шыва берген турган.* [Кудажы 2002: 10]

кызыл чалбыыш=∅ **Барык**=∅ ун=у=н
красный пламя=NOM **Барык**=NOM русло=POSS.3=ACC
шив=а бер=ген тур=ган
покрывать=CV AUX:давать=PP AUX:стоять=PP
'Красное пламя покрыло русло Барыка.'

Хак.

(211) *Паба-ічем колхоз хойын хадарып пастааннар.* [Тиников 1982: 15]

паба-іче=м=∅ колхоз=∅ хой=ы=н хадар=ып
родители=POSS.1Sg=NOM колхоз=NOM овца=POSS.3=ACC пасти=CV
паста=ан=нар
начинать=PP=3PL
'Мои родители начали пасти колхозных овец.'

Аккузативом всегда маркируются ИГ, где посессор имеет посессивный показатель 1-го или 2-го лица, как в примерах (212) и (213). В данном случае выбор в пользу аккузативного маркирования посессума объясняется «принадлежностью» посессора к участникам речевого акта как топикальных участников дискурса.

Тув.

(212) *Акың чугаазын дыңна, оглум* [Кудажы 2002: 15]

акы=н=∅ чугаа=зы=н дыңна=∅
страший брат=POSS2Sg=NOM слово=POSS.3=ACC слушать=IMP.2Sg
оглу=м=∅
сын=POSS.1Sg=NOM
'Послушай слова твоего брата, сынок'.

Хак.

(213) *Ленин, тізең, пабам чоогын көңніне киріп, пазын икібіс четкен осхас пілдірген.* [Тиников 1982: 19]

Ленин=∅ ті=зең паба=м=∅ чоог=ы=н
Pers=NOM говорить=COND.2Sg отец=POSS.1Sg=NOM разговор=POSS.3=ACC
көңн=ін=е кир=іп паз=ы=н икібіс=четкен
душа=POSS.3=DAT входит=CV голова=POSS.3=ACC кивать=PP1
осхас піл=дір=ген
как знать=CAUS=PP
'А Ленин, будто кивал головой, находя речь моего отца хорошей.'

ИК2 получает аккузативное маркирование, если она находится в теме высказывания. При этом не всегда референт ИГ имеет определенный референциальный статус. Он может быть топиком, тогда топикальность неопределенной ИГ выражается дополнительными определениями. В примерах (214) и (215) аккузативное маркирование ПД связано с наличием весомого модификатора – определения в виде причастного оборота, который часто служит топикализатором.

Тув.

(214) <...> деп, Саванды чугаалааш, өрттенип калган чоон чудук ужун будубиле тепкен. {Эжиктиң даиштындан бо чудук-биле так иттирип каан болду}. [Кудажы 2002: 14]

өрттен=ип	кал=ган	чоон	чудук=Ø
сгореть=CV	AUX:оставаться=PP	толстый	бревно=NOM
уж=у=н	буд=у-биле		теп=кен
конец=POSS.3=ACC	нога=POSS.3-INSTR		пинать=PP

‘...так сказав, Саванды пнул ногой кончик обгоревшего толстого бревна. {Оказалось, что дверь снаружи была тщательно подперта этим бревном.}’

Тув.

(215) {Кавайның дүвүнге күзүн көже берген} аалдар өдээнден чыып алганы-выс сарыг кидистер, чурук быжындыларын угбавыс чаткылап алган [Тока 1951: 9]

аал=дар=Ø	өдэ=эн=ден	чы=ып	ал=ган=ывыс
аал=PL=NOM	двор=POSS.3=ABL	собирать=CV	AUX:брать=PP=1PL
сарыг	кидис=тер=Ø	чурук=Ø	
желтый	войлок=PL=NOM	лоскут=NOM	

быжынды=лар=ы=н	угба=выс=Ø
кусок=PL=POSS.3=ACC	старшая сестра=POSS.1PL=NOM

чат=кыла=п	ал=ган
класть=ITER=CV	AUX=PP

‘{На дне колыбели} сестра разложила куски желтого войлока и лоскутки тканей, которые мы собрали со съехавших осенью аалов.’

Определенность ИГ может опираться на пресуппозицию единичности референта. В примере (216) *эмчи училищеэзи* ‘медицинское училище’ является единственным в Туве и, как данное, находится в теме высказывания. Данная ИГ может находиться и в реме, где она, скорее, не получила бы аккузативно-

го маркирования. Поэтому решающим фактором, определяющим аккузативное маркирование ИК2, является актуальное членение предложения.

Тув.

(216) {*Дуңмам дивеңер, мен Саара-биле чажыт кижжи мен*}, [эмчи училищезин] тема [кады доостувус] рема. [Серен-оол 1995: 8]

эмчи=∅ училище=зи=н кады доос=ту=вус
врач=NOM училище=POSS.3=ACC вместе заканчивать=PAST=1PL

‘{Не обращайтесь ко мне как к младшей сестре, мы с Сарой ровесники,} вместе заканчивали медицинское училище.’

Хак.

(217) *Пала табызын истип салып, апсах тидимзирек пол парган.* [Доможаков 1975: 22]

пала=∅ табыз=ы=н ист=ип сал=ып апсах=∅
ребенок=NOM голс=POSS.3=ACC слышать=CV AUX:класть=CV старик=NOM
тидимзирек пол пар=ған
нерешительный быть AUX:идти=PP.3Sg

‘Услышав детский голос, старик стал нерешительным.’

С актуальным членением предложения связано также аккузативное маркирование неопределенного ПД, чаще находящегося в реме высказывания. Это связано с тем, что фокус ремы находится либо на другом компоненте, либо на каком-то отдельном аспекте самого предиката. В примере (218) ПД и предикат имеют рематизированный коммуникативный статус, однако фокус находится на предикате, а точнее на информации о законченности действия, выраженной глаголом совершенного вида на -уп- (стянувшаяся форма совершенного вида на -увут-). В наших материалах это не единичный пример, когда форма совершенного вида влияет на маркированность неопределенной ИГ в позиции ПД.

Тув.

(218) [*Кызыл-оол*] тема [*үш ай чолаачылар курузун доозупкаш*, {ажылдай бергенде, шеригже кыйгырты берген}] рема} [Даржай, 1984, с. 8].

КЫЗЫЛ-ООЛ=∅ үш_ай чолаачы=лар=∅
Pers=NOM трехмесячный водитель=PL=NOM
куруз=у=н дооз=уп=каш
курс=POSS.3=ACC заканчивать=PERF=CV

‘Как только Кызыл-оол, закончив трехмесячные курсы вождения (букв.: курсы водителей), {начал работать, его призвали в армию.}’

Отвечает на вопрос: Что потом случилось?

Таким образом, аккузативное маркирование в позиции ПД получают и определенные, и неопределенные ИК2. Маркированность посессума ИК2 в позиции ПД зависит от топиальности посессора или тематического статуса ИГ независимо от определенности и неопределенности референта ИГ.

2.2.2.2. Факторы, определяющие номинативное оформление ИК2

ИК2 с нереферентным и неопределенным референциальным статусом в позиции ПД не маркируются аккузативом примерно в половине случаев. Пример (219) является классическим случаем «лексического единства», которое в данном случае имеет неопределенный референциальный статус и находится в реме высказывания вместе с управляющим глаголом.

Тув.

(219) [Орук демдектери тудуп алган болур] рема. [Серен-оол 1995: 3]

орук=∅	демдек=тер=и=∅	туд=уп
дорога=NOM	знак=PL=POSS.3=NOM	держат=CV
ал=ган	бол=ур	
AUX:брат=PP	быть=PrP	

‘Он держит в руках дорожные знаки.’

Хак.

(220) Чол пара, пір үгү дее табызы иснеем. [Боргояков 2008: 20]

чол=∅	пар=а	пір	үгү=∅	дее	табыз=ы=∅
дорога=NOM	идти=CV	один	сова=NOM	PRTCL	голос=POSS.3=NOM
ис=пеем					
слышать=PP.NEG.1Sg					

‘По дороге не услышал крика ни одной совы.’

В примере (221) представлена нереферентная ИГ также в реме высказывания.

Тув.

(221) {Хойтпак?} Па, бе хымызы танывас кижси сен бе, Долаана? [Серен-оол 1995: 4].

па	бе=∅	хымыз=ы=∅
INTJ	кобыла=NOM	кумыс=POSS.3=NOM

таны=вас	кижи=∅	сен	бе	Долаана=∅
знать=PrP.NEG	человек=NOM	1SG	Q	Pers=NOM

‘{Хойтпак^{14?}} Па, ты не знаешь кумыс кобылы, Долаана?’

Таким образом, ИК2 в позиции ПД употребляется в номинативе, если ее референт имеет неопределенный или нереферентный коммуникативный статус и она находится в реме высказывания при контактном расположении к управляющему глаголу и не имеет других определений.

Таким образом, при исследовании вариативного падежного оформления ИК2 и ИК3 в форме 3-го лица посессора в позиции ПД мы выявили ряд релевантных факторов, которые определяют выбор аккузативного маркирования. Обязательное аккузативное маркирование ИК3 в позиции ПД связано с наличием тех же факторов в структуре отношений между частями ИК3, которые определили выбор генитивного оформления посессора. Падежное маркирование ИК2 в позиции ПД не отличается от маркирования неизафетных ИГ.

Выводы

Таким образом, дифференцированное маркирование прямого дополнения может быть связано с характером синтагматических отношений между прямым дополнением и сказуемым и между компонентами именной группы, находящейся в позиции прямого дополнения.

Стандартный порядок расположения компонентов линейной и коммуникативной структуры предложения в тувинском и хакасском языках однозначно устанавливают синтагматические отношения между прямым дополнением и сказуемым, благодаря чему нет необходимости эксплицитного маркирования данных отношений, поэтому прямое дополнение получает номинативное оформление.

Прямое дополнение получает аккузативное маркирование при линейном, коммуникативном и семантическом «отдалении» от группы сказуемого,

¹⁴ Кисломолочный продукт.

поэтому ключевую роль в пользу маркирования играет утрата единства, вызывающая необходимость маркировки отношений объектно-глагольной синтагмы.

В целом наличие детерминативного определения при имени не приводит к маркированности прямого дополнения. Обязательное аккузативное маркирование может быть связано с семантикой определяющего слова либо с функцией определения в конкретном высказывании как средства для топикализации, конкретизации ИГ.

Выбор формы маркирования прямого дополнения, посессивных именных групп зависит от характера синтагматических отношений между посессором и посессумом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе анализа теоретической и типологической литературы, а также собранного языкового материала установлено, что выбор падежного маркирования прямого дополнения в тувинском и хакасском языках зависит от комплекса факторов парадигматического и синтагматического характера.

Если в тюркологии до сих пор превалировала точка зрения, согласно которой винительный падеж в современных тюркских языках служит для выражения объекта глагольного действия и одновременно для указания на его определенность или неопределенность [Гаджиева, Серебренников 1986: 63], то нам удалось установить, что аккузатив в тюркских языках служит для устранения синтаксической омонимии и для эксплицирования синтагматических отношений между прямым дополнением и сказуемым. Мы определили и классифицировали все случаи синтаксической омонимии, устраняемые аккузативным маркированием прямого дополнения, и факторы, вызывающие необходимость эксплицитного маркирования синтагматических отношений между прямым дополнением и сказуемым, главным из которых является несовпадение их тема-рематического статуса.

Прямое дополнение обязательно получает аккузативное маркирование для устранения полной формальной омонимии подлежащего и прямого дополнения, а также для разграничения имени и его лексико-грамматических вариантов, которые по морфологической характеристике могут быть причастием, наречием, числительным, прилагательным, местоимением и служебными словами.

Именные группы, референты которых занимают в иерархии одушевленности более высокие позиции, чаще получают аккузативное маркирование, в то время как неодушевленные объекты остаются чаще немаркированными. Аккузативное маркирование прямого дополнения служит для устранения семантической омонимии, когда требуется разграничение субъекта-агенса и объекта-пациенса с одушевленным референтом.

Прямое дополнение с семантико-прагматическим статусом топиальности, которая признается одним из подлежащих свойств, получает аккузативное маркирование для различения роли подлежащего и прямого дополнения. Впервые показано, что обязательность аккузативного маркирования личных, указательных, определительных и вопросительных местоимений и имен собственных связана с признаком топиальности и необходимостью устранения семантико-прагматической омонимии между подлежащим и прямым дополнением.

На основе количественных данных и конкретных примеров нам удалось показать, что категория определенности и неопределенности не имеет релевантного отношения к дифференцированному маркированию прямого дополнения: во-первых, не все именные группы с определенным референциальным статусом обязательно маркируются аккузативом, во-вторых, неопределенные и нереферентные именные группы в среднем в 36 % случаев маркируются аккузативом. Кажущаяся релевантность данного фактора связана с его отношением к актуальному членению предложения, которое и предопределяет выбор падежного маркирования прямого дополнения.

Аккузативное маркирование прямого дополнения служит устранению позиционной омонимии, связанной с различными коммуникативно обусловленными линейными перестановками в высказывании, приводящими к неоднозначности синтактико-семантической роли подлежащего и прямого дополнения.

С синтагматической точки зрения аккузативное маркирование прямого дополнения в тувинском и хакасском языках служит для установления синтагматических отношений между компонентами структуры глагольной синтагмы, в которую входит именная группа в позиции прямого дополнения.

Стандартный порядок слов в предложении однозначно определяет синтагматические отношения между компонентами синтаксической и коммуникативной структуры высказывания, благодаря чему эксплицитного маркирования ПД не требуется. Но как только между ПД и сказуемым образуется ли-

нейная, семантическая или коммуникативная дистанция, возникает необходимость эксплицитного маркирования синтагматических отношений между ними.

Удалось также установить, каким образом дифференцированное маркирование зависит от характера синтагматических отношений между компонентами именной группы, выступающей в позиции прямого дополнения. Как оказалось, некоторые определения в коммуникативном и семантическом плане отдаляют именную группу от глагольного предиката, вызывая необходимость эксплицитного маркирования синтагматических отношений между именной группой и глаголом.

В ходе исследования мы показали, что в целом явление дифференцированного маркирования прямого дополнения и в тувинском, и в хакасском языках вписывается в единую объяснительную модель.

В тувинском языке аккузативным маркированием прямого дополнения более последовательно устраняется синтаксическая омонимия в паре «наречие – существительное», в хакасском языке такая неоднозначность допускается.

Если в тувинском языке вопросительное местоимения *чуу?* ‘что?’ в позиции прямого дополнения оформляется только аккузативом, что связано с коммуникативными факторами, то в хакасском языке вопросительное местоимение *нине?* ‘что?’ в позиции прямого дополнения принимает форму только номинатива, что связано с влиянием категории одушевленности / неодушевленности.

В отличие от хакасского, в тувинском языке частотны случаи намеренного разрыва семантико-синтаксической «спаянности» между прямым дополнением и глаголом. Вариант с аккузативным оформлением придает словам говорящего коннотативное значение неподдельности, искренности, действительного участия, в хакасском языке такие случаи не встречаются.

Как видно, различия не касаются основополагающих принципов, что может указывать на применимость данного подхода ко всем тюркским язы-

кам. Данная перспектива требует отдельного рассмотрения с привлечением материалов тюркских языков различной генеалогической и территориальной принадлежности. Также необходимо проверить применимость парадигматико-синтагматического подхода к языкам других типологических систем, где существует явление дифференцированного маркирования прямого дополнения.

Список литературы

1. *Абдуллаев К. М.* Актуальное членение предложения в азербайджанском языке // Советская тюркология №1. 1983.
2. *Амиров Р. С.* Способы актуального членения в казахском языке // Советская тюркология. Баку, 1970. №6. С. 34–39.
3. *Артемьев Н. М.* Категория падежа: системный анализ (на материале долганского и якутского языков). СПб., 1999.
4. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
5. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
6. *Ахманова О. С.* Словарь омонимов русского языка. М., 1974.
7. *Ахматов И. Х.* Об основах теоретических вопросах выделения падежей имени существительного в современном карачаево-балкарском языке // Вопросы теории словосочетания и предложения в тюркских языках. Нальчик, 2006.
8. *Ашмарин Н. И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. Казань, 1903.
9. *Бавуу-Сюрюн М. В.* История формирования диалектов и говоров тувинского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск: 2018. 396 с.
10. *Бавуу-Сюрюн М. В.* Определительные конструкции в тувинском языке: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1988.
11. *Баркалова М. В.* Функционально-семантическая классификация глагольных моделей ненецкого языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Вып. 14. Новосибирск, 2004. С. 171–217.
12. *Баскаков Н. А.* Грамматика хакасского языка. М., 1975. 420 с.
13. *Баскаков Н. А.* Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1972.
14. *Баскаков Н. А.* Каракалпакский язык. Т. II. Ч. 1. М., 1957.

15. *Баскаков Н. А.* Простое предложение в каракалпакском языке: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Т. III. Синтаксис. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 232 с.
16. *Баскаков Н. А.* Тюркские языки. М., 1959.
17. *Баскаков Н. А.* Тюркские языки южной Сибири // Младописьменные языки народов СССР. М.-Л., 1959.
18. *Баскаков Н. А.* Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. 529 с.
19. *Батманов И. А.* Употребление падежей в киргизском языке. Фрунзе-Казань, 1938.
20. *Бичелдей К. А.* Вокализм современного тувинского языка (экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1985.
21. *Бичелдей К. А.* Теоретические проблемы фонетики современного тувинского языка. Москва, 2002.
22. *Благова Г. Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. М.: Наука, 1982. 304 с.
23. *Болдырев Н. Н.* Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики. Семантическая инвариантность / вариативность / Отв. ред. А. В. Бондарко и др. СПб.: Наука, 2002. С. 57–74.
24. *Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. 255 с.
25. *Бондарко А. В.* Понятия «инвариант» и «прототип» в системе анализа грамматической семантики // Когнитивная семантика: Материалы Второй междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике (11–14 сентября 2000 г.): в 2 ч. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Издательство Тамбовского государственного университета, 2000. Ч. 2. С. 166–169.
26. *Бондарко А. В.* Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуника-

- тивная перспектива высказывания. Определенность/ неопределенность / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : Наука, 1992. С. 29–70.
27. *Боргояков М. И.* Прямое дополнение в хакасском языке: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск, 1961. 19 с.
 28. *Боргояков М. И.* Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1976. 160 с.
 29. *Боргоякова Т. Н.* Способы выражения временных отношений между двумя событиями (на материале хакасского языка). М., 2002.
 30. *Бурлак С. А., Старостин С. А.* Введение в лингвистическую компаративистику: Учебник. М.: Едиториал УРСС, 2001. 272 с.
 31. *Вильданова Н. Г., Гарипов Т. М.* Один нулевой падеж или нулевые формы разных падежей? // Советская тюркология, 1988. № 4. С. 36–41.
 32. *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1972.
 33. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I / пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева; сост. М. С. Козлова. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
 34. *Гаджиахмедов Н. Э.* Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). Махачкала: Юпитер, 2000. 382 с.
 35. *Гарейшина А. Р.* Многофакторный подход к вариативному падежному маркированию (на материале дифференцированного маркирования прямого объекта и посессора в башкирском языке). Дипломная работа. МГУ, 2013.
 36. *Гладкий А. В.* Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. М., 1985. С. 110–126.
 37. Государственные и титульные языки России / Под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Академия, 2002. 616 с.
 38. *Грамматика алтайского языка.* Казань, 1869.

39. *Гращенков П. В.* Тюркская именная группа: тысяча и одна загадка (рукопись). М., 2002. <https://pandia.ru/text/78/577/35930-3.php>
40. *Григорян Е. Л.* Семантическая категория пациентивности (affectedness) и ее синтаксические реализации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2014. Вып. 2. С. 28–35.
41. *Гузев В.Г., Насилов Д.М.* Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности-неопределенности // Советская тюркология. Баку, 1971, № 5.
42. *Дмитриев Н. К.* Грамматика башкирского языка. М., 1948
43. *Дмитриев Н. К.* Грамматика кумыкского языка. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1940. 206 с.
44. *Дмитриев Н. К.* Грамматическая терминология в учебниках родного языка. М., 1955.
45. *Дмитриев Н. К.* Детали простого предложения // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Т. III. Синтаксис. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 19–49.
46. *Дмитриев Н. К.* Турецкий язык. М., 1960.
47. *Дрейзин Ф. А.* Синтаксическая омонимия: к постановке вопроса // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 9. М., 1966. С. 38–43.
48. *Дыренкова Н. П.* Грамматика ойротского языка. М.-Л., 1940.
49. *Дыренкова Н. П.* Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.
50. *Закиев М. З.* Татарская грамматика. Т. 3. Синтаксис. Казань, 1995.
51. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 30–154. 248 с.
52. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
53. *Ефимова З. В.* Факторы, влияющие на выбор референциальных средств в японском нарративе // Актуальные вопросы японского и общего языкознания. Памяти И.Ф. Вардуля. М., 2005.

54. *Ефремов Н. Н.* Основные функции порядка слов в якутском языке // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. СПб., Нестор-История, 2013. С. 92–96.
55. *Закиев М. З.* Татарская грамматика. I. III. Синтаксис. Казань, 1992.
56. *Иванов С. Н.* Родословное древо тюрок Абу-л-Гази-хана. Ташкент, 1969.
57. *Илишев И. Г.* Способы актуального членения простого предложения в башкирском и английском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
58. *Иорданская Л. Н.* Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) // НТИ. 1967. № 5. С. 9–17.
59. *Исхаков Ф. Г.* Тувинский язык. Очерк по фонетике. М.-Л., 1957.
60. *Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка: фонетика и морфология. М., 1961.
61. *Казем-бек А. К.* Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.
62. *Карпов В. Г.* Система глагола в современном хакасском языке (структурный и функционально-семантический аспекты). Автореф. дис. докт. филол. наук. М., 1995.
63. *Карпов В. Г.* Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан, 2007.
64. *Касьянова П. А.* Дифференцированное маркирование объекта в ниджском диалекте удинского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. XIII. 2017. №1. С. 627–651.
65. *Катанов Н. Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня (Отдельный оттиск из «Ученых записок Казанского университета» за 1988, 1900, 1902 и 1903), Казань, 1903.
66. *Киекбаев Д. Г.* О происхождении некоторых падежных форм в урало-алтайских в свете теории определенности и неопределенности // Вопросы методологии и методики лингвистических исследований. Уфа, 1966.

67. *Киргиников Р. Г.* Критерии выбора падежной формы прямого объекта в хакасском языке. Дипломная работа. Новосибирск, 2011.
68. *Клобуков Е. В.* Семантика падежных форм в современном русском литературном языке: введение в методику порционного анализа. М., 1986.
69. *Колесников Н. П.* Синтаксическая омонимия в простом предложении / Н. П. Колесников. Ростов Н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1981. 140 с.
70. *Кононов А. Н.* Грамматика турецкого языка. М.-Л., 1941.
71. *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956. 569 с.
72. *Кононов А. Н.* Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1941.
73. *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII–IX вв.). Л., 1980.
74. *Коношенко М. Б.* Дифференцированное маркирование объекта в калмыцком языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. V. 2009. №2. С. 42–75.
75. *Коношенко М. Б.* Дифференцированное маркирование объекта в тюркских языках и в калмыцком языке: превратности актуального членения и порядка слов // Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 102–107.
76. *Кошкарева Н. Б.* Синтаксис современного русского языка. Часть первая: простое предложение. Новосибирск, 2010.
77. *Кунаа А. Ч.* Простое предложение современного тувинского языка. Кызыл, 1970.
78. *Курилович Е.* Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М., 1962.
79. *Ландер Ю. А.* Иерархии топикальности. Нижний Новгород, декабрь 2016, НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс: <https://www.hse.ru/data/2016/12/12/1111875994/07-topicalityhierarchies.pdf>]

80. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике / ред. В. В. Петров В. И. Герасимов. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 12–51.
81. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
82. *Лютикова Е. А.* Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // Вестник МГГУ. Сер. Филология. – 2014. – Вып. 4. С. 50–69.
83. *Лютикова Е. А., Ронько Р. В., Циммерлинг А. В.* Дифференцированное маркирование аргументов: семантика, морфология, синтаксис // Вопросы языкознания. 2016. №6. С. 113–127.
84. *Лютикова Е. А., Перельцвайг А. М.* Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 52–69.
85. *Майзель С. С.* Изафет в турецком языке. М.; Л., 1957.
86. *Малов С. Е.* Якутский язык и его отношение к другим тюркским языкам // Вестник АН СССР. 1941, № 5–6.
87. *Мальцева А. А.* Модели управления и прагматическая обусловленность употребления чукотских релятивных глаголов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Т. 11. № 2. С. 14–26.
88. *Мартине А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Прогресс, 1963. С. 366–566.
89. *Маслов Ю. С.* Омонимы в словарях и омонимия в языке (к постановке вопроса) // Вопросы теории и истории языка: Сб. в честь профессора Б.А. Ларина. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 128–202.
90. *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. М., 1967.
91. *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. II. Москва-Вена, 1998.

92. *Монгуш Д. А.* Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл, 1963.
93. *Муравенко Е. В.* Что такое синтаксическая омонимия // Лингвистика для всех. Летние лингв. школы 2005 и 2006. М.: МЦНМО, 2010. С. 154–159.
94. *Муравьева И. А.* О трактовке неформленного имени в тюркских языках // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / Отв. ред. В. А. Плулунгян. М.: Гнозис, 2008. С. 321–422.
95. *Ондар Ч. Г.* Мотивации дифференцированного маркирования прямого объекта в тувинском языке // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 143–165.
96. *Ооржак Б. Ч.* Система грамматической модальности в тувинском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Сибири): дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2018. 507 с.
97. *Оргу К. Х.* Тыва дыл. Лексика, фонетика, морфология. Кызыл, 1960.
98. *Оскольская С. А., Стойнова Н. М.* Дифференцированное маркирование объекта в нанайском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. XIII. Ч. 3. СПб.: Наука, 2017. С. 336–371.
99. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. Изд. 6-е, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 296 с.
100. *Патачакова Д. Ф.* Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. IV. Баку, 1966. С. 153–166.
101. *Патачакова Д. Ф.* Сагайский диалект // Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973. С. 28–48.
102. *Патачакова Д. Ф.* Развитие хакасского языка и письменности за 50 лет // Исследования по современному хакасскому языку. Абакан, 1980. С. 3–9.
103. *Пешковский А. М.* Избранные труды / Сост. и ред. И. А. Василенко, И. Р. Палей. М.: Учпедгиз, 1959.

104. *Плунгян В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику: учебное пособие. М., 2000.
105. *Поспелов Н. С.* Мысли о русской грамматике. М., 1992.
106. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958.
107. *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX – наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. СПб., 1907.
108. *Решетов В. В.* Основы фонетики, морфологии и синтаксиса узбекского языка. Ташкент, 1961. 243 с.
109. *Ронько Р. В.* Номинативный объект в древнерусском языке и севернорусских диалектах в ареальной и типологической перспективе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 137 с.
110. *Сам Ш. Ч.* Амгы тыва литературлуг дыл. Синтаксис [Современный тувинский язык. Синтаксис]. Кызыл, 1983.
111. *Сам Ш. Ч., Сазынмаа Е. Б.* Амгы тыва литературлуг дыл. Лексикология, фонетика, морфология [Современный тувинский язык. Лексикология, фонетика, морфология]. Кызыл, 1980.
112. *Сам Ш. Ч.* Сөстөр дугайында кыска демдеглелдер [Краткие заметки о словах] // Тыва дыл болгаш чугаа культуразы [Тувинский язык и культура речи] / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1993. С. 7–18. (На тув. яз.).
113. *Сам Ш. Ч.* Тыва диалектология (Учебное пособие). Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1987. 102 с.
114. *Сам Ш. Ч.* Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973. 193 с.
115. *Сам Ш. Ч.* Тувинский язык. (Краткий очерк) // Тувинско-русский словарь. М., 1955. С. 615–721.
116. *Сафиулина Ф. С.* К вопросу о порядке слов в татарском языке // Вопросы татарского языкознания. Казань, 1965.
117. *Сафиулина Ф. С.* Татар телендә сүз тәртибе [Порядок слов в татарском языке]. Казань, 1974. [На тат. яз.]

118. Сафиуллина Ф. С. Синтаксис татарской разговорной речи. Казань, 1978.
119. Севортян Э. В. Категория падежа // Исследования по современной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. М., 1956.
120. Сердобольская Н. В. Одушевленность и маркирование прямого дополнения в бессермянском корпусе // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 13. № 2. С. 205–215. DOI: <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2019-13-2-205-215>
121. Сердобольская Н. В. Соотношение дискурсивных свойств и информационной структуры высказывания (на материале дифференцированного маркирования прямого дополнения). Хэндаут доклада на конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2», 14-16.11.2012 (Рукопись).
122. Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012.
123. Серээдар Н. Ч. Значения прямого дополнения в модели действия в тувинском языке // Новые исследования Тувы. 2009. № 4. С. 189–202.
124. Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989. 800 с.
125. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
126. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем / М. И. Черемисина, Л. М. Бродская, Е. К. Скрибник, Л. А. Шамина [и др.]. Новосибирск: Наука, 1986. 320 с.
127. Татаринцев Б. И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М., 1987. 198 с.
128. Татарская грамматика. Т. II. Морфология / Под ред. М. Ф. Закиева. Казань, 1993.
129. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.

130. *Тикеев Д. С.* Современный башкирский язык. Очерки по синтаксису простого предложения. Уфа, 2000.
131. *Голдова С. Ю.* О когнитивном подходе к некоторым проблемам референции // Труды международного семинара «Диалог 2000» по компьютерной лингвистике. М., 2000. С. 282–289.
132. *Голдова С. Ю., Сердобольская Н.В.* Намерения говорящего и референциальные свойства именных групп // Труды международного семинара «Диалог 2002» по компьютерной лингвистике. <http://www.dialog-21.ru/materials/arhive.asp?id=7392&y=2002&vol=6077>
133. *Тугушева Л. Ю.* О порядке слов в тюркских языках // Тюркологический сборник. М.: Издательство «Наука», 1966. С. 120–127.
134. *Тыбыкова А. Т.* Безаффиксальная форма имени существительного в роли прямого дополнения в алтайском языке // Морфология тюркских языков Сибири. Новосибирск, 1985.
135. *Убрятова Е. И.* Исследования по синтаксису якутского языка // СО РАН Избранные труды. Новосибирск, 2006.
136. *Убрятова Е. И.* Якутский язык и его отношение к другим тюркским языкам, а также к монгольским и тунгусо-маньчжурским. М., 1960.
137. *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике / отв. ред. В. А. Звегинцев. М.: Прогресс, 1981. Вып. X. С. 369–495.
138. *Фортуатов Ф. Ф.* Избранные труды. Т. I-II. М., 1956.
139. *Хертек А. Б.* Определение статуса неопределенного падежа в тувинском языке // Сборник тезисов выступлений Международной научной конференции «Языки и литература тюркских народов», посвященная 180-летию создания кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (26–28 октября 2015 г.). СПб., 2015. 155 с.
140. *Циммерлинг А. В.* Топикальность и неканонические подлежащие в русском языке // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи. Сборник материалов международного научного симпозиума / Сост.

- Е. К. Мельникова, ред. Ж.К. Гапонова, отв. ред. Л.В. Ухова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. С. 344–354.
141. *Чейф У.* Значение и структура языка / Пер. с англ. Г. С. Щура. М.: Прогресс, 1975.
142. *Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Р.* Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск, 2008. 205 с.
143. *Шамина Л. А.* Система бипредикативных конструкций с инфинитными формами глагола в тюркских языках Южной Сибири: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2004.
144. *Шамина Л. А.* Структурные и функциональные типы полипредикативных конструкций со значением времени в тувинском языке: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1985. 205 с.
145. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.
146. *Шевякова В. Е.* Актуальное членение предложения. М., 1976.
147. *Шкурко Е. В.* О принципах классификации синтаксических омонимов // Вісник Дніпропетровського університету, 2013. С. 310–315.
148. *Щербак А. М.* Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука, 1994.
149. *Щербак А. М.* О некоторых особенностях образования падежных форм в тюркских языках // Вопросы языкознания. № 1. М., 1971.
150. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык (в 2-х т.) / Под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. Т. 2. М.: Флинта: Наука, 2008. 816 с.
151. *Юлдашев А. А.* Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972.
152. *Якобсон Р. О.* Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М., 1962.
153. *Языки народов СССР.* Т. II. Тюркские языки. М., 1966.

154. *Ackerman F., Moore J.* Proto-properties and Grammatical Encoding: A Correspondence Theory of Argument Selection. Stanford: CSLI Publications, 2001. 197 p.
155. *Aissen J.* Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy (англ.) // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2003. Iss. 21. Pp. 435–483.
156. *Aristar A. R.* Marking and hierarchy: Types and the grammaticalization of case-markers (англ.) // *Studies in Language* 21 (2), 1997.
157. *Asarina A.* Case in Uyghur and Beyond. Ph.D. Thesis. Cambridge, Mass.: MIT Press. 2011.
158. *Baker M. C.* 2008. The syntax of agreement and concord. *Cambridge Studies in Linguistics* 115, Cambridge: Cambridge University Press.
159. *Baker M. C., Vinokurova N.* Two modalities of case assignment: Case in Sakha // *Natural Language and Linguistic Theory*. V. 28. 2010. Pp. 593–642.
160. *Bese L.; Dezső L.; Gulya J.* On the syntactic typology of the Uralic and Altaic languages // L. Deszö, P. Hajdu (eds). *Theoretical Problems of Typology and the Northern Eurasian Languages*. Budapest: Akademiai Kiado, 1970. Pp. 113—128.
161. *Bickel B.* A refined sampling procedure for genealogical control. *Language Typology and Universals* 61(3). 221–233. <http://www.atypon-link.com/AV/doi/pdf/10.1524/stuf.2008.0022> (accessed 14 August 2009).
162. *Bleam T.* The role of semantic type in differential object marking (англ.) // *Belgian Journal of Linguistics* 19, 2005.
163. *Bossong G.* Differentielle Objektmarkierung in den Neuiranischen Sprachen (нем.). Tübingen: Narr. 1985.
164. *Bossong G.* Differential object marking in Romance and beyond // D. Wanner and D. Kibbee (Eds.), *New Analysis in Romance Linguistics: Selected Papers from the XVIII Linguistics Symposium on Romance Languages*, 1991.
165. *Chomsky N. A.* *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1965.

166. *Chomsky N. A.* Derivation by Phase // *Ken Hale: A Life in Language*. Michael Kenstowicz (ed.). Cambridge, Mass.: MIT Press. 2001. Pp. 1–52.
167. *Comrie B.* Language universals and linguistic typology. Chicago: University of Chicago Press, 1989. 264 p.
168. *Comrie B.* Subjects and Direct objects in Uralic Languages: a Functional Explanation of Case Marking Systems // *Etuer finno-ougriennts*, XII. 1975.
169. *Comrie B.* When Agreement Gets Trigger-Happy // *Transactions of the Philological Society*, 101(2), 2003. Pp. 313–337.
170. *Dalrymple M., Nikolaeva I.* Objects and Information Structure. Cambridge University Press, 2011.
171. *Danon G.* Caseless Nominals and the Projection of DP (АНГЛ.) // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2006. Вып. 24.
172. *Diesing* 1992
173. *Dixon R.* Ergativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 271 p.
174. *Dowty D. R.* Thematic Proto Roles and Argument Selection // *Language*. Vol. 67. 1991. No. 3. P. 547–619.
175. *Enç M.* The semantics of specificity // *Linguistic Inquiry* 22. 1991. Pp. 1-25
176. *Garcia Garcia M.* Differential object marking and informativeness. In K. von Heusinger, G. A. Kaiser, and E. Stark (Eds.), *Proceedings of the Workshop ‘Specificity and the evolution/emergence of nominal determination systems in Romance’*, Konstanz: Universität Konstanz, 2005.
177. *Givón T.* Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study. Amsterdam: John Benjamins. 1983.
178. *Givón T.* Syntax: A functional-typological introduction. V. II. Amsterdam, 1990.
179. *Grønbech K.* Der türkische Sprachbau. Kopenhagen: Levin and Munksgaard, 1936. P. 182.
180. *Haiman J.* Iconic and economic motivation // *Language*. Vol. 59. 1983. Pp. 781-819.

181. *Haspelmath M.* Explaining Syntactic Universals. Universals of Differential Case Marking. LSA institute, 2005.
182. *von Heusinger K., Klein U. and de Swart P.* Variation in differential object marking // Workshop on Case Variation. Stuttgart, June 2008.
183. *von Heusinger K., Kornfilt J.* The case of the direct object in Turkish: Semantics, syntax and morphology // *Turkic Languages* 9, 2005. Pp. 3-44.
184. *de Hoop H., Malchukov A. L.* Case-Marking Strategies // *Linguistic Inquiry*. Vol. 39, Iss. 4. 2008. Pp. 565–587. DOI: <https://doi.org/10.1162/ling.2008.39.4.565>
185. *Johanson L.* Bestimmtheit und Mitteilungsperspective im türkischen Satz // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Supplement, III. №2. 1977.
186. *Kibrik A. E.* Toward a typology of ergativity // *Grammar inside and outside the clause: Some Approaches to Theory from the Field* / ed. by J. Nichols, A. C. Woodbury. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Pp. 268–323.
187. *Klaiman M. H.* Affectedness and control: a typology of voice systems // *Typological studies in language* / ed. by M. Shibatani. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. Vol. 16. 1988. P. 25–84.
188. *Kornfilt J.* DOM and Two Types of DSM in Turkish // *Differential Subject Marking* / H. de Hoop, P. de Swart (eds.). Dordrecht: Springer, 2008. Pp. 79–111.
189. *Koshkareva N. B.* Case marking strategies in spatial relations: Uralic vs. Tungus-Manchurian languages // *ALTAI HAKPO. Journal of The Altaic Society of Korea*. 2005. No 15. Pp. 193-227.
190. *Lambrecht K.* Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representation of discourse referents. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1994.
191. *Levin T., Preminger O.* Case in Sakha: Are two modalities really necessary? Ms., MIT, 2012.

192. *Lima A.* A Minimalist View on Differential Object Marking for Specificity // Talk presented at the 36th Annual Meeting of the Michigan Linguistics Society. Oakland University, October, 2006.
193. *Lyutikova E., Pereltsvaig A.* The Tatar DP. *Canadian Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 60. № 3. Pp. 289–325.
194. *Malchukov A., de Swart P.* Differential case marking and actancy variation // *The Oxford Handbook of Case* / Ed. by A. Malchukov, A. Spencer. Oxford, 2009. P. 339–355.
195. *Mallinson G., Blake B.* *Language Typology: Cross-cultural studies in syntax*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company. 1981. 486 p.
196. *Maltseva A. A.* Case variation in constructions with the dative in the Chukotkan languages / A. A. Maltseva // *Variierende Markierung von Nominalgruppen in Sprachen unterschiedlichen Typs*. – Oldenburg : Bibliotheks- und Informationssystem der Universität Oldenburg, 2000. P. 275-292. EDN WJREGL.
197. *Marantz A.* Case and licensing // *Proceedings of ESCOL 91*, Cornell University / Ed. by G. Westphal, B. Ao, H.-R. Chae. Ithaca, NY, 1991. Pp. 234–253.
198. *McFadden T.* The position of morphological case in the derivation. University of Pennsylvania. Ph.D. dissertation. 2004.
199. *Moravcsik E.* On the Case Marking of Objects // *Universals of human language*. Vol. 4: Syntax. Stanford: Stanford University Press. 1978. P. 249–289.
200. *Mundy O. S.* Turkish syntax as a System of Qualification // *Bulletin of the School of Oriental and African studies University of London*. Vol. XVII, PRTCL 2. 1955. Pp. 279-305.
201. *Nichols J.* Head-marking and dependent-marking grammar // *Language*. 1986 Vol. 62. No. 1. Pp. 56–119.
202. *Nikolaeva I.* Object Agreement, Grammatical Relations, and Information Structure (англ.) // *Studies in Language*. 1999. Вып. 23. С. 341–386.
203. *Nilsson B.* Case Marking Semantics in Turkish. Doctoral Dissertation. Stockholm: DePRTCLment of Linguistics, University of Stockholm, 1985.

204. *Nilsson B.* Definiteness and reference in relation to the Turkish accusative // *Orientalia suecana*. 1978. 27–28. Pp. 118–131.
205. *Øvrelid L.* Disambiguation of grammatical functions in Norwegian: Modeling variation in word order interpretations conditioned by animacy and definiteness // *Proceedings of the 20th Scandinavian Conference of Linguistics* / Ed. by Karlsson F. Helsinki: University of Helsinki, 2004. 290 p. P. 1–17.
206. *Pereltsvaig A.* Small nominals // *Natural Language and Linguistic Theory*. V. 24.2006. No. 2. Pp. 433–500.
207. *Poppe N.* Bashkir manual. Descriptive grammar and texts with a Bashkir-English glossary. Indiana University, Bloomington: Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series, 1964. Vol. 36.
208. *Primus B.* Animacy, generalized semantic roles, and differential object marking // *Case, word order, and prominence. Interacting Cues in Language Production and Comprehension*. Lamers, Malchukov A. and de Swart P. (eds.). Dordrecht: Springer. 2007. 348 p. P. 65–90.
209. *Primus B.* Cases and thematic roles – Ergative, accusative and active. Tübingen: Niemeyer. 1999.
210. *Rosch E., Mervis C. B., Gray W., Johnson D, Boyes-Braem P.* Basic Objects in Natural Categories // *Cognitive Psychology*. No. 8. Issue 3. 1976. P. 382–436.
211. *Rosch E., Mervis C. B.* Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories // *Cognitive Psychology*. № 7. 1975. P. 573–605.
212. *Silverstein M.* Hierarchy of features and ergativity // *Dixon R. M. W.* (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Australian Institute for Aboriginal Studies, 1976. Pp. 112-171.
213. *de Swart P.* Cross-linguistic variation in object marking. Utrecht: LOT, 2007. 249 p.
214. *Timberlake A.* The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic. Munich, 1974.

215. *Yarar E.* Differential case marking in Turkish wh-object phrases // SOAS Working Papers in Linguistics / ed. by M. Weidl, S. Goodchild. Vol. 19. London: University of London. 2018 p. P. 29–46.

Список источников

Прозаические произведения на тувинском языке

Даржай А. А. Чурттаарын күзезинзе... [Если хочешь жить...]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984.

Кенин-Лопсан М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2000. 416 с.

Кудажы К.-Э. К. Уйгу чок Улуг-Хем [Неугомонный Улуг-Хем]. Красный том. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2002. 376 с.

Кудажы К.-Э. К. Ыржым булуң [Тихий уголок]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1965.

Монгуш В. Б.-Х. «Кадайыңга ынак сен бе?» [Любишь ли ты свою жену?] Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2012.

Куулар Н. Ш. Улуг ховунуң сактыышкынарары [Воспоминания Великой степи]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2013. 213 с.

Тока С. К. Араттың сөзү [Слово арата]. Кызыл: Издательство Тувинской АО, 1951. 154 с.

Пьесы на тувинском языке

Бюрбю С. Б. Ынакшылды камнаар херек [Любовь надо беречь] // Чогаалдар чыындызы [Сборник произведений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1973.

Серен-оол В. С. Оруктар, оруктар [Дороги, дороги] // Сөөскеннер чечктелип турда [В пору цветения таволги]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1995. 240 с.

Фольклорные тексты на тувинском языке

Тувинские народные сказки. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1994. 460 с.

Тыва улустун тоолдары [Тувинские народные сказки]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2012. 617 с.

Публицистические тексты на тувинском языке

(очерки, газетные статьи)

Ооржак С. Ы. Мөгениң оруу [Путь борца]. Кызыл: Республиканская типография, 2006. 101 с.

«Шын» [Газета «Шын»]. № 74–80 (18501–18507), 17 июня – 8 июля 2014 г.

Прозаические тексты на хакасском языке

Боргояков Н. Т. Алты аастыҥ мылтых [Сказ о мудром Сурыпе]. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. В 4-х тт. Т. 1. 320 с.

Доможаков Н. Г. Ыраххы аалды [В далекой деревне]. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1975. 256 с.

Тиников Н. Е. Тіріг кизи өлбечен [Живые не умирают]. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1982. 240 с.

Бурнаков Ф. Т. Пора тай нанчым [Мой друг Сивка]: повесть. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1987. 166 с.

Пьесы на хакасском языке

Хулгалар [Всходы] // М. Е. Кильчичаков, В. Г. Шулбаева, Митхас Туран, Г. Г. Котожеков. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1991. 264 с.

Хай Пырыс [Хай Пырыс]. Сборник пьес / А. Чапрай, И. Топоев, Ф. Загидулин. Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2013. 132 с.

Шулбаева В. Г. Чуртас – ол хыныс [Жизнь - это любовь]. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006. 312 с.

Фольклорные тексты на хакасском языке

Алтын Арыҕ [Алтын Арыҕ]: Хакасский героический эпос / Майногашева В. Е. Москва: Наука, 1988. 591 с.

Хакас чонының кип-чоохтары [Хакасские мифы и легенды] / Сост. П. А. Трояков. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1990. 200 с.

Хакас чонының нымахтары [Хакасские народные сказки] / сост. Доможаков В. И. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1986. 144 с.

Хыйҕа сös: систпектер, сösпектер паза таптырҕастар [Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки]. 4-е изд, доп. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2021. 188 с.

Публицистические тексты на хакасском языке

Статьи из республиканской газеты «Хабар». 10 февраля 2015 г., №14 (20826); 27 февраля 2015 г, №21 (20833); 11 марта 2015 г., №25 (20837); 13 марта 2015 г., №26 (20838).

Статьи из онлайн версии республиканской газеты «Хабар» (www.stranahabar.ru).

Статьи из онлайн версии газеты «Хакас чирі» (<http://khakaschiry.ru>).

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

тув. – тувинский язык

хак. – хакасский язык

= – границы между морфемами

∅ – имплицитное грамматическое значение

1 – первое лицо

2 – второе лицо

3 – третье лицо

ABL – Ablative (исходный падеж)

ACC – Accusative (винительный падеж)

ADVLZ – форма, образующая наречие

ALZ – форма, образующая прилагательное

AUX – вспомогательный глагол

CAUS – каузатив, понудительный залог

COND – условное наклонение

CONJ – союз

CV – конверб, деепричастие

CV.NEG – отрицательное деепричастие

DAT – датив, дательный падеж

FUT – будущее время

GEN – генитив, родительный падеж

IMP – императив, повелительное наклонение

INF – инфинитив

INFIX – инфикс

INSTR – инструменталис, инструментальный падеж, орудный падеж

INTJ – междометие

ITER – итератив, многократный вид

LAT – латив, направительный падеж

LOC – локатив, местный падеж
NEG – отрицание
NOM – номинатив, основной падеж
NMLZ – номинализатор
OPT – оптатив, согласительное наклонение
PART – причастие
PASS – пассив, страдательный залог
PAST – форма прошедшего времени =*ды*
PAST.EVID – форма прошедшего эвиденциального времени =(ы)*птыр*
PERF – перфектив, совершенный вид
PL – множественное число
POSS – посессивный показатель
POSSV – форма обладания
Pers – имя собственное
POSTP – послелог
PP – форма причастия прошедшего времени
PRES – форма настоящего времени
PrP – причастие настоящего-будущего времени =*ар*
PrP.NEG – отрицательная форма причастия на -*ар*
PRTCL – частица
Q – вопросительная частица
RECIP – совместно-взаимный залог
REFL – возвратный залог
REP – многократный вид
Sg – единственное число
tie – скрепа
VRBLZ – форма, образующая глагол